Д. Е. Еремеев

ТУРКИ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Д. Е. Еремеев

ТУРКИ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

МОСКВА
Квадрига
2018

УДК 908(560)
ББК 63.521(=631)-73
Е70

Ответственный редактор
профессор, доктор исторических наук
М. С. Мейер
Подготовка текста
Т. Могилевская

Еремеев Д. Е.
Е70 Турки: Историко-этнографический очерк / Д. Е. Еремеев – 2-е изд., испр. – М.: Квадрига, 2018. – 208 с.

ISBN 978-5-91791-259-2

В книге изложены происхождение и этническая история турок, основные черты их традиционной материальной (жилище, одежда, пища) и духовной культуры (обычаи, праздники, национальная психология). Книга рассчитана на широкий круг читателей, а также может служить учебным пособием для студентов-туркологов.

УДК 908(560)
ББК 63.521(=631)-73

ISBN 978-5-91791-259-2

© Еремеев Д. Е., 2018
© Тихонюк И. А., Стариков Н. А., дизайн переплета, 2018
© Издательство «Квадрига», оформление, 2018

ГЛАВА 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКИЙ ОБЛИК

Происхождение народа (этногенез), его этническая история во многом определяют лицо нации. Облик каждого народа этнограф видит в трех измерениях: раса, язык, культура. По расе турки – европеоиды. По языку – алтайцы. Турецкий язык входит в алтайскую ветвь урало-алтайской языковой семьи. По культуре – европейцы и азиаты одновременно: в Турции Европа и Азия смыкаются не только географически, здесь сплелись культуры двух континентов, встретились два феномена, Запад и Восток.

Турки – тюркоязычный народ. Их предки вышли из Центральной Азии. Предыстория турок уводит исследователя вдаль центральноазиатских просторов, к древним тюркам-кочевникам, одному из корней турецкого народа.

Но турки – и переднеазиатский народ. Они сложились в народность на земле Малой Азии, наследовав ее высокую культуру. И при изучении этнической истории турок необходимо опуститься вглубь веков древних цивилизаций Анатолии, к народам, которые жили здесь до появления тюрков, а потом частично смешались с ними, став другими корнями турецкого народа.

Турки – мусульманский народ. Их предки приняли мусульманство еще в Средней Азии, на полпути к своей новой родине. Ислам, религия арабов, стал руслом, в котором развивалась турецкая культура Средневековья. Турколог

должен быть и исламоведом, чтобы понять многие особенности быта и традиций турок.

В XIX, а особенно в XX в. в Турции развивался капитализм. И в турецкой культуре, и в повседневной жизни рядом с кочевническими, средневековыми, мусульманскими обычаями появились буржуазные нововведения и европейские заимствования. Описывая современных турок, не обойтись без изложения этих сравнительно недавних инноваций.

Таковы основные грани, которые помогут создать виртуальный, но объемный этнический образ сегодняшнего турка.

* * *

Впервые о древних тюрках Центральной Азии упоминают китайские летописи с VI в. н.э. Этноним «тюрк» в них передан двумя иероглифами, которые тогда читались, как *ту-гю* или *ту-кюэ* (современное звучание *ту-цзюэ*). Обладатели этого этнонима кочевали, по сведениям китайских хронистов, на обширной территории Алтая, Монголии и Синьцзяна.

С этнонимом «тюрк» можно связать и более раннее сообщение китайских источников. В «Истории династии Цзинь», в разделе о хуннах (гуннах) от 284 г. нашей эры, перечислен ряд племен, среди которых названо племя *ту-гэ*, которое было «наиболее сильным и уважаемым». Созвучие *ту-гэ* и *ту-гю* вряд ли случайно. Если это так, то тюрки входили в состав хуннского союза. Многие исследователи, вообще, считают, что он был тюркоязычен в своей основной массе. Но скорее всего племенной союз хуннов был смешанным, этнически неоднородным: в него входили тюрки, монголы, угры (предки мадьяров, хантов и манси). В языках всех этих народов лингвисты находят сходные черты и гипотетически объединяют тюркские, монгольские, а также тунгусо-маньчжурские языки в алтайскую языковую семью. Угорские же языки, вместе с финскими

и самодийскими объединены в уральскую, а обе эти семьи – в большую урало-алтайскую семью. Сходство языков отражает в какой-то степени и схожесть древних исторических судеб народов-языкотворцев.

От речи тюркских племен ведет свое происхождение и турецкий язык, от их общего имени – название турецкой нации (по-турецки «тюрк», по-русски «турок»). В русском языке различаются значения слов «тюрк» и «турок». Последний этноним приложим только к представителю турецкого народа, а тюрками называют представителей всех народов, говорящих на тюркских языках. Это азербайджанцы, алтайцы (алтай-кижи), балкарцы, башкиры, гагаузы, долганы, каджары, казахи, карагасы, каракалпаки, карачаевцы, кашкайцы, киргизы, кумыки, ногайцы, татары, тофалары, тувинцы, турки, туркмены, узбеки, уйгуры, хакасы, чуваши, чулымцы, шорцы, якуты. Из этих языков наиболее близки друг другу турецкий, гагаузский, южнокрымскотатарский, азербайджанский, туркменский, составляющие огузскую подгруппу тюркской группы алтайской языковой семьи.

Если в III–I тысячелетиях до нашей эры степи Евразии стали свидетелями массового движения кочевников-индоевропейцев, преимущественно иранцев, – ариев, скифов, саков, савроматов – на восток, то накануне нашей эры началось Великое переселение народов в обратном направлении – на запад. И активное участие в нём приняли древние тюрки.

Первое крупное кочевое объединение, в которое, по всей вероятности, входили тюркские племена, образовалось в III в. до нашей эры. Это был союз вышеупомянутых хуннов (гуннов), или, в древнекитайской передаче, *хун-ну* (современное китайское звучание – *сюнну*). В итоге завоеваний держава хуннов заняла территорию от Забайкалья до Тибета, от Средней Азии до Хуанхэ.

В середине I в. до нашей эры она распалась на западную и восточную. Западные хунны (в российской историогра-

фии принято их называть гуннами в отличие от восточных, или собственно хуннов) двинулись в Среднюю Азию. Здесь к ним присоединились многие иранские кочевники – саки, сарматы, массагеты, аланы. А в III в. нашей эры гунны появились в Восточной Европе. В IV–V вв. хронисты Рима и Константинополя повествуют о нашествии неизвестных ранее «варваров» – гуннов. Но уже во второй половине V в. Западногуннская империя прекратила своё существование.

Тот факт, что после гибели этой империи многие тюркские народности выходят на арену истории под своими самоназваниями, свидетельствует, что прежде, находясь в гуннском союзе, они были «скрыты» под общим именем, не выявляя своей индивидуальности в массе огромного объединения племен.

Теперь это народы, играющие собственную роль в историческом действе. В VI–VIII вв. историки сообщают об аварах, булгарах, суварах (сувазах) и хазарах. Одни из этих народов впоследствии исчезают, поглощенные более могущественными соседями, а их этнонимы становятся достоянием истории. Так произошло, например, с аварами. В Древней Руси даже сложилась поговорка: «Погибоша, аки обре» – «обрами» славяне называли авар, по их тюркскому самоназванию «абар». История других народов (и их имен) более сложна. Этноним «сувар» («суваз») живет до сих пор в названии чувашей, тюркского народа в Поволжье. На их историю проливает свет один факт из топонимики. Название города Казань происходит от древнечувашского топонима «Хозанг» (излучина, изгиб речного русла). Примерно так (Озанг) называют этот город и. марийцы: Казань как раз находится в излучине Волги.

Слово «хозанг» древние чуваши (сувазы) заимствовали у алан (предков осетин), когда кочевали вместе с булгарами в степях Кубани и Причерноморья.

В конце VII в. одна часть булгар вместе с сувазами переселилась в Поволжье, основав здесь государство Волжская Булгария. Другая часть ушла на Балканы, создав Дунайскую Булгарию. Там булгары ославянились и получился народ болгары, славяноязычный, но с тюркским этнонимом.

Слово «хазар» долго сохранялось у прикаспийских тюрков в форме «каджар»; в Иране народность каджары существует и ныне. Династия Каджаров одно время правила Персией. Каспийское море в азербайджанском, турецком и персидском языках до сих пор называется Хазарским: Хазар денизи, Бахр-и хазер. Так сложилась судьба первых тюрков на Востоке Европы.

А в Азии в VI–VII вв. тюрки создали державу, которой дали свое имя Тюркский каганат. Каган, хакан или хан – так назывался у тюрков, а затем и у монголов верховный правитель, «царь». Некоторые историки считают, что этот титул происходит от китайского *кэ куан* (высший властитель).

Как и держава азиатских хуннов, каганат раскинулся на громадной территории – от Хуанхэ до Каспия, от Тибета до Приуралья.

Тюрки внесли важное усовершенствование в технику верховой езды: массово применили жесткое седло и стремена. Экипировка коня «под верх», какой мы знаем ее и теперь, была закончена. Это был новый этап в развитии транспорта и военного дела. Повысились боевые качества конницы: сидя в жестком седле и упираясь ногами в стремена: всадник уверенней чувствовал себя при стрельбе из лука и рубке шашкой. Модернизировалось и оружие: тюрки широко использовали сложносоставной лук, изобретенный в хуннское время, кривая сабля-шашка заменила прямой тяжелый меч. Прежде всадники Европы, Азии и Африки, вооруженные мечами и копьями, не знали ни стремян, ни жесткого седла, обходились только попоной-чепраком и мягким треугольным седлом-подстилкой. Античная, классическая традиция изображения конника – без седла и стремян. В такой

манере изваян, например, памятник Петру I, знаменитый «Медный всадник».

Другое важное достижение древних тюрков способствовало повышению мобильности номадов: в середине I тысячелетия нашей эры они создали разборную решетчатую юрту. У дотюркских кочевников евразийских степей – скифов, саков, сарматов – были иные кочевые жилища: чум (конический шатер с каркасом из прямых жердей, крытый войлоком) и кибитка (крупное неразборное жилище на колесах). У скифов встречался и полусферический войлочный шатер с каркасом из гнутых жердей. У хуннов преобладал другой тип кочевого жилища – куполообразный шатер, остов которого сплетался из ивовых прутьев и покрывался войлоком. Это жилище перевозилось на повозке целиком. Последние образцы его застал у монголов в XIII в. европейский путешественник Гильом де Рубрук. Такие жилища достигали огромных размеров, пишет он, их тащили десятки быков. Конечно, они были неудобны для быстрых передвижений, а горные дороги являлись для них непреодолимым препятствием.

Тюркам удалось совместить большие размеры жилища с хорошей его транспортабельностью. Слегка изогнутая деревянная решетка стала основным элементом нового сборного жилья – теримной юрты (терим – так назывались решетки, из которых она собиралась). Теримы составляли цилиндрический остов стен, кровля собиралась из гнутых жердей, сходившихся к центру. А затем все укутывалось снаружи войлоком. Китайский поэт Бо Цзюи так описал решетчатую юрту:

Круглый остов из прибрежных ив прочен,
свеж, удобен и красив.
Юрту вихрь не может покачнуть, от дождя ее твердеет грудь.
Нет в ней ни застенков, ни углов, но внутри уютно и тепло...
Войлок против инея – стена, не страшна и снега пелена.
Перевод Л. Н. Гумилева

Преимущества нового жилища были очевидны: отпала нужда в тяжелых повозках – легкие решетки, жерди и войлок перевозились вьюком, а размеры юрты могли быть очень большими: стоило лишь увеличить число решеток-звеньев и диаметр купольного покрытия. Однако и чум, или, как его называли тюрки, *алачуг*, сохранился в некоторых племенах, преимущественно среди бедняков. Юрта, особенно большая, стала привилегией богатых скотовладельцев и знати. Видимо, одно из таких жилищ, принадлежавшее хану, поразило своими размерами и изысканным убранством византийского посла Менандра, константинопольского придворного, знавшего роскошь и великолепие дворцов «второго Рима».

Начиная с VI в. о тюрках – именно о тюрках – заговорили уже не только авторы китайских, но и армянских, византийских и иранских хроник. «Торки» – называют их армяне и иранцы, «туркои» – записывают их самоназвание византийцы. Наконец, и сами тюрки дают о себе знать будущим историкам: в Северной Монголии, на реке Орхон, в Южной Сибири, по берегам Енисея и его притоков, они высекают на каменных стелах рунические письмена в память о своих вождях и важнейших событиях, происходивших здесь в VII–VIII столетиях.

Строго говоря, это было не руническое письмо северных германцев и скандинавов, а буквенное, взятое тюрками у согдийцев, ираноязычного народа Средней Азии, которые занесли далеко на восток сильно измененный арамейский алфавит, употреблявшийся в Иране еще в VI–IV вв. до нашей эры. Заимствование алфавита у согдийцев – яркий пример влияния иранских и вообще индоевропейских народов, которое испытали тюрки еще на своей прародине.

Сведения о том, что на берегах реки Орхон, притоке Селенги, находятся камни с надписями на неизвестном языке, стали появляться с конца XVII в. Первое упоминание о них принадлежит сыну боярскому С. У. Ремезову, составившему в 1696–1697 гг. по указанию Петра I «Хорографическую

чертежную книгу Сибири». Одну из таких находок он назвал «Орхон-камень» и обозначил его место на карте в Атласе.

С XIX в. началось изучение найденных реликтов. Основную работу по дешифровке орхоно-енисейской письменности провели В. В. Радлов в 1891–1899 гг. и С. Е. Малов в 1951–1959 гг.

Для тюркологов-историков особую ценность представляют надписи на стелах, являющихся памятниками тюркским каганам: это не только эпитафии, в них описываются события, происходившие в истории древних тюрков. Многие из них находят подтверждение в китайских летописях.

Хронология этих надгробий такова: 712 г. – поминается каган Тон-юкук, 721 – его преемник Кули-чур, 732 – Кюльтегин, 759 – Моюн-чур. В 735 г. был поставлен памятник Бильге-кагану, правившему державой тюрков в 691–716 гг.

Многие надписи сообщают, что их вырезали китайские мастера резьбы по камню, которых иногда присылал сам император Поднебесной. Связи с Китаем не ограничивались только этими фактами.

В VII в. древние тюрки вообще были подчинены Китаем и находились под его властью более 50 лет, с 630 по 682 г. Вот как рассказывает об этом надгробная надпись, посвященная Кюль-тегину: «Китайскому народу твои знатные сыновья рабами стали, а твои чистые дочери – рабынями. Тюркские вожди свои тюркские имена сменили на китайские и подчинились китайским вождям и китайскому правителю. Пятьдесят лет свою силу и свой труд им отдавали".

Но и после освобождения от «китайского ига» влияние Китая продолжалось. Тон-юкук в составленной им эпитафии признается: «Я сам был воспитан (образован) по-китайски». От китайской культуры тюрки заимствовали многое. Так, они освоили принятый в Китае календарь 12-летнего животного цикла, другие особенности повседневной жизни. До сих пор в турецком языке сохранились китайские по происхождению слова: *чан* (колокол), *чанак*

(*чашка), утю* (утюг), *инджи* (жемчуг), *калын* (выкуп за невесту), *пут* (идол, от имени «Будда»). Таких слов было гораздо больше у древних тюрков: *кунчуй* (принцесса), *куй* (женская половина дома), *тутук* (военный правитель области), *бучун* (расписка), *битиг* (книга). Последним словом в форме *бетик* кемалистские пуристы заменили арабское *китаб*. Китайское слово *сю* (войско) сохранялось в средневековой Турции в сочетании *сю баши* (военачальник).

Тюркское слово *тэнгри*, означающее и «бог», и «небо» (от *тэнг йери* – место бога), связано, скорее всего, с китайской лексемой *тэн*, имеющей аналогичное значение – например, *тэн си* (сын неба, титул китайского императора). В современном турецком языке слово *Танры* (видоизмененное *тэнгри*) – синоним Аллаха.

Еще большее воздействие на древних тюрков оказала индоевропейская, особенно иранская, цивилизация. Анализ лексики тюркских языков, причем древнейшего ее пласта – в текстах орхоно-енисейских памятников и в словаре Махмуда Кашгари (XI в.), показывает, что многие названия домашних животных заимствованы из языков этих цивилизаций: *окюз* (вол), *бука* (бык), *дана* (телка), *эшек* (осел), *кечи* (коза). Это понятно, ибо первичный ареал доместикации животных находился в Месопотамии, Малой Азии и Иране еще во времена неолита. А эти страны были обжиты индоевропейцами задолго до появления там первых тюрков.

Индоевропейское влияние сказалось и на других областях тюркской лексики. Многие названия культурных растений взяты из индоевропейских языков: *алма* (яблоко), *арпа* (ячмень), *чавдар* (рожь), *бугдай* (пшеница), *кеневир* (конопля). Культурно-хозяйственное воздействие индоевропейцев, в том числе иранцев, проявилось в следующих заимствованиях: *дам* (дом, крыша), *кент* (город), *аш* (пища), *дон* (одежда), *бор* (вино), *чигры* (колесо), *чикрык* (прялка), *юк* (груз, вьюк), *чобан* (пастух), *чавуш* (командир). Наряду с китайским *сю* (войско) было заимствовано и слово с тем же значением, восходящее к индийскому

кшетрик (воинский) – *черик*. В орхонских текстах они часто употребляются в парном сочетании: *сю черик* и *черик сю*. В средневековой Турции бытовало, наряду с *сю баши* и другое название военачальника – *чери баши*. Османские турки назвали свое «новое войско» *йени чери* – янычары. Слово *черик* попало и к монголам: по-монгольски *цирик* значит «воин».

Были заимствованы и некоторые числительные: *биринджи* (первый), *дёрт* (четыре), *беш* (пять), *тюмен* (десять тысяч).

Наконец, наиболее, пожалуй, значительны в отношении социально-культурного влияния такие индоевропеизмы-титулы, как витязь (*бага*), князь (*ябгу*), воевода (*шад*), наместник (*ышбара*). Они зафиксированы в орхоно-енисейских текстах: титулатура Тюркского каганата буквально пестрит этими заимствованиями: *бага-шад*, *бага-ышбара-хан*, *багатур-шад*, *багатур-ябгу*, *тегин-шад*, *ышбара-хан*, *ышбара-ябгу* и т.п. Эти титулы записаны и китайскими хронистами, но сильно искажены из-за особенностей китайской письменности: *бага – мохэ*, *ябгу – шеху*, *багатур – мохеду*, *ышбара – шаболо*. Но с индоевропейскими они легко сопоставимы: индоиранское *бага* (божественный), сакское *явуга* (титул и имя собственное), согдийское *хшад*, индийское *кшатра* (воин), санскритское *ишвара*, иранское *аспбара* (всадник). Впоследствии от титула *бага* в тюркских языках произошли новые слова: бэг, бек, бей, бай', означающие «вождь", «господин".

Особое место занимает заимствованное тюрками индоиранское слово со значением «волк»: тюркское *бёри/бёрюк* по звучанию и значению сходно с осетинским *бирег*, сакским *бирге*, согдийским *вырк*.

В форме *бёрюк* оно попало в лексикон русских охотников: бирюком называют одинокого волка, отбившегося от стаи. С переносным значением «нелюдимый человек» это слово вошло и в литературный язык.

Появление иранской лексемы, значащей «волк», связано, скорее всего, с влиянием индоевропейской этногонической легенды. В переложении китайской летописи VII века этот мифический сюжет выглядит так. Однажды враги истребили целое племя тюрков, в живых остался только десятилетний мальчик, его спасла от голодной смерти волчица, приносившая ему мясо; когда он подрос, волчица родила от него в горах Алтая десять сыновей, которые взяли себе жен из Турфана (в древности в этом районе Северо-Западного Китая обитали тохары, индоевропейский народ).

Данный сюжет явно перекликается с римским преданием о Капитолийской волчице, вскормившей Ромула и Рема: с древнеиранской легендой о волчице, воспитавшей Кира... Вообще, эпизод, в котором родоначальником, вождем или героем является волк, распространен преимущественно в мифологии индоевропейских народов – хеттов, иранцев, греков, германцев, а также испытавших значительное индоевропейское влияние грузин и чеченцев.

В Тюркском каганате VI–VII в. слово *бёри* входило в личные имена-титулы многих правителей тюрков: Бёри-хан, Бёри-шад, Иль-Бёри-шад.

Заимствование основополагающих терминов хозяйства, материальной культуры, военно-политических титулов, а также числительных обычно свидетельствует не только о сильнейшем культурном и языковом влиянии этноса-донора, но и о его широком участии в генезисе этноса-реципиента. В свете всех этих данных возможно предположить, что этноним «тюрк» является по происхождению индоевропейским, точнее – иранским. В этнической истории известны многие случаи, когда этнос, сменив язык в итоге ассимиляционных процессов, сохраняет прежнее самоназвание. Так, монголоязычные татары, оказавшись в тюркоязычной массе кыпчаков (половцев) и булгар, были ими тюркизированы, но передали им свой этноним; тюрки-булгары на Дунае ославянились, однако новообразовавшийся народ – болгары – сохранили их имя; аналогичное явление

произошло с германоязычными франками в романоязычной Галлии: они стали французами (франсэ). Корень «рус» также не славянский, а варяжский.

Какие же факты истории свидетельствуют в пользу иранского происхождения этнонима «тюрк». Авеста, священная книга древних иранцев, называет часть кочевников-скотоводов, ушедшую далеко на восток, «турами с быстрыми конями», повествует об их набегах и войнах с оседлыми иранцами, рассказывает об их предводителе – «могучем Туре Франграсйане», владыке Турана. Историки установили, что авестийские туры в персидских источниках именуются саками, а в древнегреческих – скифами.

Важно также то, что Авеста подчеркивает родство между тремя частями ираноязычного этноса, происхождение которого возводится к общему родоначальнику Траэтаоне. У него было три сына: Тура (прародитель туранцев), Сайрима (прародитель савроматов), Арья (прародитель ариев). Эта легенда повторяется в «Шахнаме» Фирдоуси: Фаридун (авестийский Траэтаона) делит мир между тремя сыновьями – Туром, Саямом, Араджем. Туру, говорится в «Шахнаме», он дал туранскую землю (*туран земин*), сделав его главой торков (*торкан*) и Китая.

Об ираноязычности туров говорят и их личные имена -антропонимы, зафиксированные в «Шахнаме». Это прежде всего царь Турана Афрасиаб (авестийский Франгасйан), его дядя Виса (авест. Ваэсака), братья Гарсиваз (авест. Карасавазда), Агрирас (Агхраратха), туранские витязи Арджасп (Арджадаспа), Лахкак (Лавахак), Фаршидвард (Фарашхамварата) и многие другие.

Если судить по сведениям Авесты и ранних сюжетов «Шахнаме», а ее «богатырская» часть охватывает период 782–50 гг. до н.э., борьба между Ираном и Тураном была борьбой между кочевыми племенами скотоводов, с одной стороны, и оседлыми земледельцами, с другой. Первые представлены в Авесте как отрицательные персонажи,

а вторые – как положительные герои. Но те и другие ираноязычны.

Эти сведения подтверждаются археологическими и палеоантропологическими данными. Согласно им, ареал, в котором впоследствии сложились древнетюркские племена, то есть Алтай, Тува, Западная Монголия, был вначале заселен обладателями индоевропейской культуры, европеоидными антропологически. Так, предметы быта, оружие, найденные в урганах афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины, имеют большое сходство с инвентарем курганных погребений южнорусских степей, особенно катакомбных захоронений, определенно индоевропейских по культуре. Раскопки в Монголии также показали, что индоевропейцы проникли сюда еще на рубеже III–II тысячелетий до н.э.: западные области Монголии были заселены в это время европеоидными скотоводами, сходными культурой с «афанасьевцами» Енисея; восток же страны населяли монголоидные охотничьи племена.

Следующая волна индоевропейцев захлестнула будущий тюркский ареал в начале I тысячелетия до н.э. Это скорее всего и были те самые ираноязычные кочевники – саки, о которых говорит Авеста, называя их «турами с быстрыми конями». С ними связывают могильные курганы опять-таки западных областей Монголии, датируемые первой половиной I тысячелетия до нашей эры – III в. н.э. Они аналогичны скифским захоронениям Пазырыка (Алтай) и Северной Тувы. Расовый состав погребенных – европеоидный, тогда как восточнее лежит область культуры «плиточных могил», принадлежавших монголоидному населению, занимавшемуся охотой.

Затем, с III в. до н.э., будущий ареал древних тюрков постепенно входит в область распространения хуннов, а с VI в. н.э. источники связывают его уже с тюрками.

Исходя из всех этих данных, можно приблизительно определить время формирования древнетюркской народно-

сти. Судя по Авесте, которая сложилась в VI–IV вв. до н.э., туры, «туранцы» – ираноязычны.

Но в послехуннскую эпоху их место занимают тюрки, народность уже тюркоязычная. Следовательно, завершение этногенеза древних тюрков падает на III–V в. н.э. Оказавшись в гуще тюркоязычных хуннов, ираноязычные туры из-за своей относительной малочисленности ассимилировались с ними – переняли их язык, но сохранили прежний этноним «тур», который стал звучать как «тюрк». Переход иранского «тур» в тюркское «тюр» закономерен фонетически: иранские широкие губные гласные трансформируются в тюркском языке в узкие, например, *туман – тюмен*, *окус – окюз*, *душман – дюшмен*, *дуруст* (правильный) – *дюруст*, Рустам – Рюстем, даже арабское по происхождению слово *дунья* (мир) превратилось в *дюнья*. Что же касается окончания «-к» в слове «тюрк», то оно характерно для этнических наименований и у иранцев, и у тюрков: таджик, согдак (согдиец), сукак (перс), кыпчак, казак (казах), бедженек (печенег), кумук (кумык) и т.п. В «Шахнаме» туры названы торками (торкан). Корень «тур» в неизменном виде сохранился в топониме «Туран» и в почетном звании *багатур* (божественный тур, богатырь).

Вначале этноним «тюрк» имел довольно узкое значение, прилагался, скорее всего, к одному определенному племени. Об этом свидетельствуют тексты памятников тюркским вождям Кюль-тегину и Тоньюкуку. Из них явствует, что не все племена, язык которых впоследствии получил название тюркского, были охвачены этнонимом «тюрк». Это название не распространялось, например, на огузов, кыргызов, курыкан, хотя огузы, кыргызы – тюркоязычные этносы, а курыканы – одни из предков якутов, также тюркоязычных. Памятники характеризуют все эти племена как враждебные тюркам: токуз-огузы воевали против тюрков; кыргызы, курыканы, отуз-татары, кидани, татабы – все были врагами тюрков. Впоследствии племенной этноним «тюрк» распространился и на другие, родственные по язы-

ку племена, вошедшие в период существования Тюркского каганата в союз племен, который возглавили тюрки – отюреченные иранцы.

Н. И. Умняков, автор исследования «Истории Фахрэддина Мубарак-шаха», приводя перечень упомянутых там тюркских племен, отмечает, что первое место в нем занимает племя «тюрк», и предполагает, что это имя, помимо общего названия тюрков в XII–XIII вв., служило этнонимом «особого тюркского племени».

По хозяйственно-культурному типу древние тюрки были преимущественно кочевыми скотоводами. К этому виду хозяйства они перешли от бродячей охоты под влиянием индоевропейских, главным образом иранских, номадов, о чем свидетельствует заимствованная ими животноводческая лексика. Основным животным была лошадь, которая давала мясо, молоко, кожу и служила средством передвижения. Разводили также овец, коз, коров, верблюдов, яков, Скот находился в частной собственности семей. Важное значение в хозяйстве продолжала иметь охота. Транспорт был вьючным и тележным.

О кочевничестве тюрков сообщают китайские хроники: *ту-гю* не имеют постоянного местопребывания, живут в юртах, перекочевывают в поисках, хороших пастбищ и источников воды, занимаясь скотоводством и охотой, едят мясо, пьют кумыс, носят одежду из меха, кожи и шерсти, постоянно упражняются в военном деле, оружием им служат луки, копья, сабли.

Тексты орхоно-енисейских памятников мало что говорят о хозяйстве тюрков, но все, что в них сообщается, связано исключительно с кочевым военно-скотоводческим бытом, свидетельствует о крупных табунах, бесчисленных стадах и отарах. Никаких указаний о наличии земледелия и оседлой жизни в них нет. Однако археологические исследования на Алтае показали, что часть тюрков, живших здесь в VI–VII вв. и занимавшихся выплавкой железа и земледелием, уже тогда перешла на оседлый образ жизни.

Китайские хронисты пишут о некоторых обычаях племенной демократии у *ту-гю*, но вместе с тем об их всемогущих ханах. Слово «хан» передано по-китайски, как *кэ-хань*, видимо, от тюркского «каган». Социальное расслоение в среде тюрков было значительным. Богатые скотовладельцы иногда платили калым за невесту, достигавший 100 голов лошадей и 1 тыс. голов овец. О богатстве племенной тюркской знати сообщают и орхоно-енисейские памятники. Например, надпись на одном из них гласит: «Я был богат. Моих загонов для скота было десять. Скота у меня было без числа». На другом памятнике написано, что покойный «отделяется» от своих «шести тысяч коней». Богатые скотоводы, как и родоплеменные предводители, именуются в орхоно-енисейских текстах «бегами», «баями»; им противопоставляется простой народ – *будун*, или *кара-будун* («черный народ», «быдло»).

Историческая судьба Тюркского каганата сходна с концом державы хуннов: в начале VII в. он разделился на западный, или среднеазиатский, и восточный, центральноазиатский. Первый просуществовал до 740 г., второй – до 745. После этого имя «тюрк» оттесняется на задний план: вместо него появляется множество наименований тюркских племен, выступающих самостоятельно: карлуки, кангары, кыргызы, кыпчаки, тюргеши, уйгуры, хакасы, огузы, туркмены. Одни из них – карлуки, кангары, кыпчаки, огузы – позже исчезли, слившись с соседними народами, другие – кыргызы, уйгуры, хакасы, туркмены – дали названия самостоятельным тюркским народам, существующим и ныне.

По своему расовому облику древние тюрки были типичные монголоиды. Об этом красноречиво говорят следующие факты. Например, когда они в 626 г. осаждали Тбилиси, то грузины, издеваясь над внешностью их предводителя, выставили на крепостной стене огромную тыкву о нарисованными на ней узкими глазами без ресниц, широкими

ноздрями, голым подбородком и редкими волосками вместо усов... Тюркские каменные изваяния – балбалы – и статуэтки также отражают характерные монголоидные черты.

В 1958 г. при обследовании памятника Кюль-тегину была найдена голова от его статуи, она выполнена вполне реалистично: скуластое лицо, монгольское веко, приплюснутый нос, косой разрез глаз. Все это не оставляет сомнений в принадлежности этого тюркского кагана к желтой расе.

В VI в., во время своего наивысшего могущества, первый Тюркский каганат раздвинул границы до Ирана, и тюрки стали заселять Среднюю Азию. Около 567 г. между каганатом и Сасанидской державой был заключен договор, по которому земли к юго-западу от реки Аму были закреплены за Ираном, а к северо-востоку – за тюрками. Эта территория в VII в. стала их основным ареалом. Она получила в иранских языках название «Туркестан» (Тюркский стан).

В VIII в. большую часть Туркестана завоевали арабы, создавшие новую гигантскую державу средневековья – Арабский халифат. Среднеазиатские тюрки признали власть халифа, стали его союзниками, среди них начала распространяться религия завоевателей – ислам.

Тюрки недолго терпели господство арабов. Уже в IX в. они создали свое государственное объединение во главе с ханом Огузом, вождем огузских племен. Огузы вытесняют из Средней Азии своих соперников – печенегов, другое тюркское племя. Печенеги уходят в русские степи, но там встречают отпор Киевской Руси, перекочевывают на Балканы и попадают под власть Византии. Приняв христианство, они оседают на землю, служат, в войсках византийцев.

Границы огузского государства доходят до приволжских степей. Тут оно сталкивается с соперничеством Хазарского каганата и Волжской Булгарии.

В борьбе с ними огузы находят союзника – Киевскую Русь, находившуюся в расцвете своих сил. Русские летописи называют их торками, то есть тюрками. В 965 г. князь Святослав заключает с огузами-торками военный договор.

Под ударами русов и торков падает каганат «неразумных хазар». В 985 г. князь Владимир в союзе с торками двинулся в поход по Волге против булгар. Княжеская дружина плыла в ладьях, а торки-всадники ехали берегом. Волжская Булгария потерпела поражение.

Но уже начинается кризис огузской державы. На юге ее владений усиливается род Сельджука (Сельчюка), один из кланов племени огузов. Он собирает вокруг себя недовольных властью хана. А в середине XI в. в Туркестан врываются новые тюркские пришельцы из Центральной Азии – кыпчаки. Часть огузов под их натиском уходит к границам Киевской Руси и дальше, на Балканы, в Византию. Русские князья селят своих бывших союзников в пограничных укреплениях. Огузы-торки основывают здесь на берегу реки Стугны свой город – Торческ и постепенно сливаются с русами. Вместе с русскими князьями они сдерживают набеги кыпчаков, или, по-русски, половцев, участвуют в походах против них, один из которых описан в «Слове о полку Игореве». Византийцы также расселяют в своих владениях бежавших огузов. «Узы» – так записали их имя византийские хронисты – принимают христианство, оседают на землю, служат в византийских войсках, иными словами – повторяют судьбу печенегов. Отголоски этнонима «огуз», или «уз» дожили до наших дней в названии гагаузов – тюркского народа, живущего в Болгарии, Молдавии и на Украине.

Другая часть огузов, спасаясь от кыпчаков, ушла на самый юг Средней Азии и дальше в Хорасан, северо-восточную область Ирана. Здесь они приняли покровительство усилившегося клана Сельджука. И вскоре на арену истории выходит новое этническое образование – туркмены, или, точнее, тюркмены. А юг Средней Азии получает название «Тюркменистан» – Туркмения.

О туркменах нужно рассказать подробнее. Ведь многие туркменские племена (и часть еще не слившихся с ними огузов) переселились позже в Закавказье и Малую Азию,

положив начало формированию азербайджанского и турецкого народов.

Туркмены XI века отличались от других тюрков Средней Азии тем, что больше смешались с местным ираноязычным населением – кочевым и оседлым. Они поглотили остатки саков и аланов, вобрали часть согдийцев и хорезмийцев. Этот дотюркский пласт или, по этнографической терминологии, субстрат (подслой) оказал сильнейшее воздействие на туркмен. В их внешнем облике почти исчезли монголоидные черты, присущие древним тюркам. Иначе говоря, туркмены антропологически, то есть по расе, стали европеоидами. Культура туркмен обогатилась достижениями местных оседлых народов: земледелие, строительство постоянных жилищ были новым делом для кочевников-скотоводов. Ряд туркменских племен перешел к полной или частичной оседлости. В туркменский язык вошло много иранских слов, главным образом из лексики, связанной с оседлой земледельческой культурой. Оказали свое влияние и соседние ираноязычные народы – персы и таджики.

Можно привести несколько примеров заимствований, взятых туркменами из широкого круга иранских языков. Все эти слова – а их перечень легко расширить – оказались потом в языке турок. Поэтому лучше привести их в современном турецком звучании. Среди строительных терминов это: *дувар* (стена), *тахта* (доска), *баджа* (печная труба), *пенджере* (окно), *мердивен* (лестница), *кёшк* (летний дворец), *сарай* (зимний дворец). В земледельческой терминологии это: *ренчпер* (пахарь), *харман* (молотьба), *бостан* (огород), *бахче* (сад), *баг* (виноградник), а также названия многих культурных растений: от риса и хлопка до персиков и гранатов. С земледелием связаны и такие заимствования, как *эриште* (лапша), *речель* (варенье), *хошаф* (компот).

Основательнее, чем у других тюрков Средней Азии, распространился у туркмен ислам, который уже сравнительно давно – со времен арабского завоевания – исповедовали местные оседлые жители. Под влиянием ислама в туркмен-

ский язык проникли и арабские слова. В этнониме «тюркмен» явно проглядывает старое слово «тюрк». Однако происхождение названия туркменского народа вызывает у историков много споров. Его пытались объяснить еще средневековые ученые – Бируни, Махмуд Кашгари, Рашид ад-Дин. Они выдвинули несколько остроумных, но сомнительных версий. По одной из них, название «тюркмен» образовано из прежнего этнонима «тюрк» и местоимения «мен» (я), то есть означает «тюрк я». Но почему вдруг понадобилось туркменам отстаивать свое тюркское происхождение? В этом ни они сами, ни их соседи никогда не сомневались. Согласно другой точке зрения, в имени «тюркмен» соединились слова «тюрк» и «иман» (по-арабски «вера»), вместе это означало «верующий тюрк», «тюрк-мусульманин». Согласно третьей гипотезе, оно произошло от сложения слов «тюрк» и маненд» (иранское прилагательное, значащее «похожий»). Наконец, еще одна версия выводит название «тюркмени из арабского слова «тарджуман» (толкователь). По ней, туркмен – толкователь ислама, то есть тюрк, принявший ислам и распространяющий его дальше, среди остальных тюрков. Все эти построения явно надуманы. И лишь одно из них не вызывает сомнения – отправная точка. Действительно, все версии исходят от имени «тюрк», и, вероятно, именно здесь кроется истина.

Окончание «-мен» или «-ман» характерно для некоторых тюркских имен существительных, например, в турецком: *ойретмен* (учитель), *данышман* (советник). Причем иногда это окончание придает слову несколько иной оттенок значения по сравнению с корнем: *ата* (отец) – атаман (предводитель), *гёк* (голубой) – *гёкмен* (голубоглазый), *гёль* (озеро) – *гёльмен* (водоем). То же произошло и с корнем «тюрк» – он принял окончание «мен». Такое чисто морфологическое развитие этнонимов обычно отражает существенные этнические перемены: выделение нового народа. Новообразующийся этнос как бы стремится, с одной стороны, иметь обновленное название, а с другой, – подчеркнуть связь

со своими предками. (Ср.: славянин – словен – словак, а также рус – русич – русский – русин).

К концу XI в. туркменские и огузские племена вплотную приблизилась к Малой Азии. Они словно заняли исходные позиции, чтобы под водительством вождей из рода Сельджука пуститься в дальнейший путь на запад, в ту страну, которая позже получит название Турция. И их дальнейшая история оказалась связанной уже не со Средней Азией, тем более не с Центральной Азией, где располагался ареал зарождения их тюркских предков, а с Анатолией и Балканами.

ГЛАВА 2

АНАТОЛИЯ: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ДОТЮРКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Территория, которая стала ядром сначала тюркского государства Сельджукидов, а затем турецкой державы Османидов, расположена на стыке Азии и Европы. Это – Анатолия. От Балканского полуострова ее отделяют Черноморские проливы – Босфор и Дарданеллы, а также Мраморное море. На севере ее берега омывают воды Черного моря, на западе – Эгейского, на юге – Средиземного. Слово «Анатолия» происходит от греческого «анатоли» – «восток». Так называли греки в античное время обширную страну посреди Малой Азии. «Анадолу» – звучит оно по-турецки.

Анатолия составляет 97% территории современного турецкого государства. Лишь около 3% площади Турецкой Республики находится в Европе, занимая небольшой район окраины Балканского полуострова. Это – так называемая Европейская Турция, иначе – Восточная Фракия, или Восточная Румелия.

В XV – начале XX в. турецкое государство – Османская империя – занимало несравненно большую, огромную территорию в Европе и Азии, имело владения и в Африке. Так, например, в период своего наибольшего распространения и могущества (XVI–XVII вв.) Османская держава, кроме Анатолии, включала в свои границы Болгарию, Грецию, Сербию, Далмацию, Боснию и Герцеговину, Венгрию, Трансильванию, Албанию, Македонию, Фракию, Молда-

вию и Валахию, Подолию, северное побережье Черного моря до Кубани и часть его восточного побережья, Азов, Крым, Южную Грузию, часть Армении и Курдистана, Сирию, Ливан, Палестину, Месопотамию, Аравию, Триполитанию и Киренаику, Алжир, Тунис, Египет, острова Крит и Кипр. Однако турецкая колонизация, за исключением некоторых районов Балкан, не носила характера массового переселения турок, ограничиваясь размещением военных гарнизонов или войск вассалов османского султана. Поэтому образование турецкой народности, в дальнейшем – турецкой нации происходило в Анатолии.

Анатолия географически подразделяется на полуостров Малая Азия (иначе – Анатолийский полуостров), западную оконечность Сирийско-Месопотамского плато и Армянское нагорье (В Турции принято наименование «Восточно-Анатолийское нагорье»). Между тем, «Анатолия» и «Малая Азия» все чаще выступают в литературе как географические синонимы, идентично им и словосочетание «Азиатская Турция».

Посреди Малоазийского, или Анатолийского, полуострова лежит Центральноанатолийское плоскогорье, окаймленное с юга горными хребтами Тавра, а с севера – Понтийскими горами. Цепи гор тянутся в широтном направлении. Поэтому береговая линия Черного и Средиземного морей изрезана мало и не имеет больших и удобных гаваней. Зато Эгейское побережье, наоборот, исключительно благоприятно для навигации: здесь море образует бесчисленные заливы, которые хорошо связаны с внутренними районами Западной Анатолии. Изобилие прекрасных естественных портов в этом регионе облегчило грекам еще в глубокой древности колонизацию Анатолии. Расположенное на востоке Анатолии Армянское нагорье представляет собой сочетание высоких плато, горных хребтов, отдельные вершины которых достигают 4–5 тыс. м над уровнем моря, с глубокими долинами, ущельями и впадинами.

Наряду с прекрасными условиями для пастбищного скотоводства, существующими в сухих степях Центральной Анатолии и на яйлах (альпийских лугах) Тавра и Армянского нагорья, в Азиатской Турции есть и все возможности для развития различных видов земледелия: хорошо увлажненные долины с плодородными почвами, а также равнины, где, правда, часто необходимо искусственное орошение. Такое разнообразие природных условий позволило тюркским кочевникам, переселившимся в Анатолию, длительное время сохранять скотоводство как основу хозяйства и постепенно осваивать земледелие, которым издавна занимались местные народы.

Для путей сообщения и передвижения населения рельеф Анатолии в некоторых районах мало благоприятен. Особенно много труднодоступных областей на востоке страны. Так, северная причерноморская окраина Восточной Анатолии отгорожена высокими горами (свыше 3 тыс. м) от остальной Турции. Здешнее население, по преимуществу лазы, всегда жило в относительной изоляции: связи с другими областями страны поддерживались лишь по горным ущельям, перевалам и морским путем. На Армянском нагорье также есть малодоступные районы, окруженные горными хребтами. Живущие в этих местах курды и сейчас с трудом поддерживают связи с остальной частью страны. Эта относительная изолированность Восточной Анатолии благоприятствовала долгому сохранению здесь компактных и многочисленных этнических общностей Турции, с трудом поддававшихся ассимиляции с турками, – армян, ассирийцев. А курды, лазы и грузины живут в этих районах и в наши дни.

История дотюркского населения Анатолии насчитывает многие десятки веков. Ее земли, судя по письменным источникам IV тысячелетия до н.э., освоили древнейшие этносы: хатты, урарты, хурриты, каски и моски. Скорее всего, они были родственны по языку современным кавказским народам: абхазам, адыгам, грузинам. Эта гипотеза находит

свое подтверждение в исследованиях лингвистов. Кроме того, этнонимы «каски» и «моски» перекликаются с названиями «касоги» (племена Северного Кавказа, известные в средние века) и «месхи» (группа грузин). А самая большая река Анатолии Кызылырмак именовалась в древности Галис, что находит свое объяснение в слове «цхали» – река в языках картвельской группы – грузинском, лазском, мегрельском.

Исходя из всех этих данных, можно, но с большой осторожностью, предположить, что автохтонное население Анатолии было по языку близко народам Кавказа.

В III тысячелетии до н.э. в Западной и Центральной Анатолии начинают преобладать индоевропейские языки, главным образом хеттский. Это связано с тем, что Малую Азию, как и многие другие регионы Евразии, захлестнула волна миграции индоевропейских племен. Прежние народы Анатолии были либо ассимилированы ими, либо оттеснены в сторону Кавказа.

Самые древние тексты, зафиксировавшие индоевропейскую речь, оставили после себя хетты, принадлежность которых к индоевропейцам ясно видна даже не специалисту в лингвистике. Некоторые хеттские слова обнаруживают родство даже с русским языком. «Небо» по-хеттски – *непис* (небеса), «нога» – *пата* (пята), «два» – *тва*, «три» – *три*, «ты» – *ти*, «вино» – *виана*, «серп» – *сарпа*, «свет» – *сиват*, *веси* – «пастбище, селение» (сразу вспоминается старинное русское выражение «города и веси»). Один из богов, связанный с культом грозы, назывался у хеттов Перуа (Перун).

Сами себя хетты называли неситами (неси), но соседние народы сохранили за ними название прежних жителей Центральной Анатолии – хаттов.

В исторической литературе принято хаттов именовать хаттами, а неситов, как бы отмечая преемственность между обоими народами, – хеттами.

Стольный город Хеттского царства – Хаттуса – обнаружен в 150 км к востоку от Анкары, столицы Турецкой Респу-

блики. При раскопках здесь было найдено много глиняных табличек с клинописными текстами, которые расшифровал и перевел чешский ученых Бедржих Грозный в 1915 г. Эти письмена показали, что в XIX–XVIII в. до н.э. хатты были полностью ассимилированы неситами, и сложилась хеттская народность.

Вместе с тем, вклад хаттов в хеттскую цивилизацию был довольно весомым. Неситы переняли у них ряд элементов социальной организации, титулы придворных и должностных лиц, священнослужителей. Отдельные тексты на хаттском языке сохранились как жреческие заклинания.

Опираясь на достижения своих предшественников, неситы создали развитую систему ирригации, остатки которой существуют поныне. Им была знакома культура не только злаковых, но и многих плодовых деревьев, граната, винограда. Они знали виноделие, которое вообще считается изобретением индоевропейцев. Слово «вино» происходит от названия виноградной лозы – *виния*, родственного русскому глаголу «виться». В различных формах оно попало в языки древних египтян (*винс*), семитов (*вайн*), грузин (*гвини*).

Сложение хеттской народности в Малой Азии из двух основных компонентов – хаттов и неситов – явилось как бы моделью для образования много веков спустя новых анатолийских этносов – сначала византийцев, затем турок. Все они возникли из двух преимущественных слагаемых: пришлых племен и ассимилированного ими местного населения.

В XIII в. до н.э. в областях, примыкающих к Эгейскому морю, образовался союз греческих племен – ахейцев (в хеттских текстах они названы «ахиява»), или данайцев (второе название, возможно, связано с Дунаем). Эти племена пришли в Малую Азию с Балкан, разрушили Трою, союзницу хеттов, затем разбили и их самих.

В начале I тысячелетия до нашей эры в Западной Анатолии сложились рабовладельческие государства – Фригия, Кария, Лидия. Население их составляли отчасти греки, от-

части исавры, ассимилированные ими хетты. Лидия при царе Крезе (560–546) распространила свою власть на всю Западную и Центральную Анатолию. Но в 546 г. Лидийское государство было уничтожено царем персов Киром. Малая Азия вошла в состав Персидской державы Ахеменидов.

Персы недолго владычествовали над Анатолией. С Запада явились новые завоеватели во главе с Александром Македонским. Разбив в 333 г. до н.э. войска персидского царя Дария, македоняне включили Анатолию в свою необъятную империю. Волна переселенцев – греков и македонян хлынула в Малую Азию. Греческая колонизация усилилась. Широко распространился общегреческий язык – койне.

На рубеже новой эры Западная и Центральная Анатолия были поглощены Римской империей. В IV в. эта новая огромная держава то делилась на две половины – восточную и западную, каждая из которых имела своего императора, то снова воссоединялась под единой властью. Но в 395 г. восточная часть со столицей Константинополем окончательно отделилась от западной со столицей в Риме. Этот год и считают началом самостоятельного существования Восточной Римской империи, которую впоследствии историки нарекли Византийской, хотя сама она продолжала величать себя по традиции Римской. Название «Византийская империя», или «Византия», связано с ее столицей Константинополем, который в древности носил имя «Византий». Он носил также и официальное название «Новый Рим».

Римское влияние сказалось на самоназвании византийских греков. Они называли себя ромеями («римлянами»), а не эллинами, в отличие от греков Греции. Этот этноним сохранился за греками Малой Азии вплоть до сельджукских завоеваний XI в. Больше того, турки до сих пор называют греков, живущих в Турции и на Кипре румами (*рум* – арабизированная форма слова «ромей»). Для обозначения же греков Греции есть другое турецкое слово – *юнан*, арабизированная форма названия одного из греческих племен – ионян.

Византия была христианским государством. Еще в IV в. христианство стало государственной религией Римской империи, и вскоре население Западной и Центральной Анатолии было почти полностью обращено в эту веру. Господствующей нормой христианской религии здесь стало православие, которое отделилось от римско-католической церкви с центром в Риме и образовало свою церковь, так называемую греко-православную, во главе с патриархом в Константинополе. На востоке Анатолии распространились несторианский и яковитский толки христианства. Армяне создали свою христианскую церковь – армяно-григорианскую.

В VII в. появилась новая грозная сила на Ближнем Востоке. Легкие скакуны и быстрые верблюды-дромадеры, вездеходы пустыни, вынесли из Аравии кочевников-арабов, объединенных для завоевания мира «неверных» воинствующей религией – исламом. В 630–651 гг. арабы подчинили Иран и Сирию, подойдя, таким образом, вплотную к Анатолии, которая превратилась в поле битв между христианской империей и мусульманским халифатом. Арабы дважды осаждали Константинополь, но были отбиты. Затем граница между Византией и халифатом стабилизировалась: юго-восток Анатолии отошел к арабам.

На севере Анатолии, прилегающем к Черному морю, с древнейших времен жили, как отмечено выше, племена кавказской языковой семьи. В I тысячелетии до н.э. здесь на побережье появились греческие колонии: Трапезунт (ныне Трабзон), Керасунт (Гиресун), Синопа (Синоп). В IV в. до нашей эры картвельские племена дчанов (джанов, чанов) и колхов входили в состав эллинистического государства Понт. Этноним «дчан» сохранился в названии горного хребта Джаник на севере Турции. Греки, римляне и персы называли дчанов и колхов лазами. В IV–VI вв. среди них распространяется христианство. В начале XIII в. на северо-востоке Анатолии при поддержке Грузии образовалось греко-лазское государство – Трапезундская империя. Она существовала до 1461 г., когда была завоевана турками.

На самом востоке Турции, в северной части Армянского нагорья, во II тысячелетии до н.э. обитало племя хайаса, известное по хеттским источникам. Позже оно стало ядром армянской народности. Самоназвание армян «хай» связано, скорее всего, с этим этнонимом. На западе нагорья жили индоевропейские племена, близкие по языку хеттам. Слияние этих племен и хайасы заложило основу армянского языка, индоевропейского по своему грамматическому строю и лексике. Новую народность персы стали впоследствии называть армянами (армини) – по имени одного из племен, влившегося в состав хайев.

В центре нагорья, вокруг озера Ван, в I тысячелетии до н.э. образовалось государство Урарту. Его высокая и самобытная культура была позже унаследована армянами и грузинами.

В VII в. до н.э. центр и юго-запад нагорья заселяют армяне, ассимилируя часть жителей Урарту. Здесь складываются армянские государства – Малая Армения (на месте хайасы), Софена, или Цопк (на юго-западе нагорья), Великая Армения (вокруг озера Ван). В начале I в. до н.э., при царе Тигране II (95–56), объединившим все армянские области, Армения стала могучим государством. Она подчинила своей власти Сирию, Финикию и юго-восток Анатолии – Киликию.

Армянская культура испытала благодатное воздействие великих цивилизаций – древнегреческой и древнеиранской. Иранское влияние сказалось, в частности, на армянской антропонимии: имена многих армянских царей – Арташес, Артавазд, Тигран – иранские по происхождению. На рубеже IV–V вв. армяне создали на основе греческого свой алфавит, использовав при этом форму знаков арамейского письма.

В конце VII в. Армению завоевали арабы. Их господство продолжалось до 885 г. При Багратидах, с 886 г. Армения переживала хозяйственный и культурный подъем. Изделия ремесла и произведения искусства, найденные при раскопках, показали, что культурная жизнь городов Армении –

Ани, Ахлата, Карса и других была на более высоком уровне развития, чем в средневековых городах Западной Европы.

С середины X в. Армения попадает под влияние Византии, а в XI в., накануне сельджукских завоеваний, византийцы подчиняют себе все армянские земли. В конце XI в. многие армяне, спасаясь от набегов сельджуков, переселяются на юг Малой Азии и основывают в 1080 г. Киликийское армянское государство. Население здесь было пестрым по национальному составу: армяне, арабы, греки, ассирийцы; в городах обосновалось много европейцев – франков, как их называли на Ближнем Востоке. В 1375 г. Киликия была завоевана Египтом и оставалась под его властью до 1516 г., когда ее оккупировали турки.

На крайнем юге Армянского нагорья и севере Месопотамии во II тысячелетии до н.э. существовало государство Митанни, в котором большую роль играли иранские племена. И позже здесь преобладает влияние иранских этносов. Киммерийцы, скифы, мидяне, персы, парфяне, Сасанидский Иран в разные сроки, но почти непрерывно следуя друг за другом, захватывают, подчиняют или заселяют этот регион.

Длительное воздействие иранцев, их языка и культуры, фильтрация ираноязычных племен в горные области – таковы были, видимо, основные причины образования на юге нагорья и севере Месопотамии еще одного родственного иранцам народа – курдов.

Происхождение курдского этноса имеет, скорее всего, два основных истока: кавказский и иранский. Самоназвание курдов (курд) перекликается с одним из названий грузин (карт). Имя «карт» носило и одно древнегрузинское племенное объединение. Одинаково звучит по-грузински и по-курдски слово «мать» – *дэ*. Вряд ли все эти совпадения случайны.

Возможно, что этноним «кард/курт» зафиксирован в весьма древние времена. В 401 г. до н.э. античный историк Ксенофонт, участник военного похода греков через территорию нынешнего Турецкого Курдистана, встретил там

племена, называвшие себя кардухами. Другие источники сообщают о куртиях в этих краях.

Языком курдов в итоге их этногенеза стал иранский. После арабских завоеваний курды вобрали немало арабских, армянских и ассирийских элементов. Религией большинства курдских племен стал ислам. Только некоторые племена сохранили прежние верования, восходящие к зороастризму – доисламской религии Ирана.

Такова вкратце этническая история Анатолии до массового переселения сюда тюркских племен. Население Малой Азии к тому времени было исключительно пестрым: греки, армяне, курды, лазы, грузины, арабы, ассирийцы – вот далеко неполный перечень живших здесь народов. Разнообразной была их хозяйственная деятельность. Одни из них, например, греки и армяне, обладали высокоразвитой земледельческой культурой, имели давние традиции городской жизни. Другие – курды, арабы – были превосходными скотоводами, практиковали отгонное или кочевое животноводческое хозяйство. Греки и лазы приморских районов издавна занимались рыболовством, славились как искусные мореплаватели. Большинство земледельцев из числа греков, армян, ассирийцев занимались также животноводством, оседлым и отгонным. Многие кочевники (курды, арабы) осваивали в свою очередь земледелие, переходили на оседлость. В населении городов были значительны прослойки ремесленников и торговцев, преимущественно греков, армян, ассирийцев, евреев.

Разнообразном была и лингвистическая картина Малой Азии, здесь были представлены крупные языковые семьи мира: индоевропейская (греки, армяне, курды), семитская (арабы, ассирийцы, евреи), кавказская (лазы, грузины).

Приверженцы христианства делились здесь на православных, армяно-григориан, несториан, яковитов. Среди мусульман были представители двух основных направлений в исламе – сунниты (они преобладали) и шииты (главным образом, на востоке Анатолии).

На этот сложный этнический, языковой и конфессиональный субстрат должен был, по воле истории, наложиться еще и тюркский пласт в лице сельджуков, то есть, огузов и туркмен, переселившихся сюда в XI–XIII вв. От смешения этих тюрков с местным населением и произошли турки.

ГЛАВА 3

ОТ ТЮРКОВ К ТУРКАМ

Первые тюркские всадники, ворвавшиеся в степи Анатолии, вряд ли думали о том, что их потомки довольно скоро осядут на этой земле и постепенно превратятся из непоседливых кочевников в степенных крестьян и горожан. Тюркские племена – туркмены и огузы, хлынувшие в XI в. в Малую Азию, как паводковые воды, уже в XV в. в большинстве своем перешли на оседлость, положив тем самым начало новому народу – туркам.

Различные исторические источники дают примерную картину того, как шло оседание и смешение тюрков с местными этносами. Европейские летописцы крестовых походов XII–XIII в. Тагенон и Гийом де Тир писали, что туркмены и огузы вели пастушеский образ жизни, разводили овец и коз, жили в шатрах и юртах. То же самое сообщает и Марко Поло. По вот Ибн Баттута, побывавший в Анатолии в 1331–1334 гг., встретил уже туркменскую деревню. В огузском эпосе «Деде Коркуд» говорится, что у огузов были в горах свои виноградники.

Одними из первых стали сливаться с тюрками кочевники-курды, близкие им по образу жизни и исповедовавшие ту же религию – ислам. Вожди курдских племен, враждовавшие с армянскими князьями и их сувереном – Византией, заключили союз с сельджуками, участвовали в их походах. Часть этих курдов тюркизировалась. Но и они оказали на тюрков большое влияние в обычаях и культуре.

Тюрки, например, заимствовали у курдов легкое кочевое жилище – «черный шатер» (*кара чадыр*). Он лучше подходит к климату Анатолии, где нет таких свирепо холодных зим, как в Центральной Азии. Покрытие этого шатра ткут из черной козьей шерсти. Ткань натягивается на шесты, вбитые в землю, в виде двускатного тента, который хорошо пропускает воздух, но во время дождя, намокнув, не дает воде проникнуть внутрь. Сходное кочевое жилище имеют и другие номады Западной Азии и Северной Африки – пуштуны, белуджи, арабы.

Смешение тюрков с оседлыми жителями, которые были в основном христианами, шло прежде всего через исламизацию. Иногда она проходила добровольно. До появления завоевателей с Востока население Анатолии испытывало тяжелый налоговый гнет Византии. В XII в. многие малоазийские города и села обезлюдели: жители, спасаясь от налогов и поборов, бежали к сельджукам. А их султаны использовали это недовольство в своих целях. Сюлейман Куталмыш провел в конце XI в. своего рода социальную реформу: крепостных и рабов, занятых прежде на латифундиях византийских феодалов, он объявил свободными при условии перехода их в ислам. И они массово начали принимать новую веру.

Исламизация стимулировалась и материально. Мусульмане в Румском султанате, как позже и в Османской империи, да и вообще во всех мусульманских государствах, платили гораздо меньше налогов, чем приверженцы других религий. Земельный налог на крестьян-мусульман – ашар – равнялся одной десятой урожая, а налог на крестьян-христиан – харадж – составлял от одной трети до половины урожая. Сверх того, трудоспособные мужчины-христиане платили еще и личный налог – джизье. Такая материальная заинтересованность в переходе в ислам была, пожалуй, самым результативным «миссионером» этой религии. А когда завоеванное население все же отказывалось принимать ислам, на него воздействовали страхом смерти. Так, в ана-

толийском тюркском эпосе «Сказание о Мелике Данышменде» говорится: «Если население и пленные не хотели добровольно переходить в мусульманскую веру, Данышменд приказывал убивать часть из них, чтобы воздействовать на остальных».

Многие местные землевладельцы – армянские аристократы, византийские деспоты, болгарские боляры, сербские и боснийские великаши – чтобы спасти свои владения, переходили на службу к султанам и принимали ислам. Среди них были очень знатные и влиятельные лица, например, сын сербского князя Лазаря – Стефан, крупнейшие византийские землевладельцы – Эвренос, Кёсе Михал. Они получали свои прежние поместья в качестве уделов, а прежние язык и вероисповедание постепенно забывали. Потомки их были уже настоящими турками-мусульманами. Характерен пример османского феодального рода Бабанов. Его основатель – австрийский помещик-католик. После того, как турки захватили венгерские области, где были его владения, он рассудил так: «Можно ли тайно сохранить поместье? – Нет! А можно ли тайно сохранить католичество? – Да!» Он перешел в ислам и стал османским землевладельцем, мусульманином явно, а католиком тайно. Однако дети его уже не придерживались католичества даже втайне, были воспитаны в исламском духе, и весь род его мало-помалу отуречился... Среди балканских славян возникло даже особое название таких туркизированных местных землевладельцев – «потурченец».

Этническому смешению способствовало и рабовладение, распространенное у сельжуков и османцев. Это было так называемое домашнее (патриархальное) рабство. Рабы прислуживали при дворе султанов, в домах землевладельцев и сановников, были работниками и прислугой в богатых семьях.

Феодализация Румского султаната оттеснила племенную верхушку тюрков на второй план. Султан из главы племенного объединения окончательно превратился

в монарха. Военные ополчения огузов и туркмен утратили свое былое значение: основу войск теперь уже составляли феодалы-конники и особая гвардия – мамлюки, или гулямы (рабы). Гулямы назначались и на высокие должности – эмиров, вали (правителей областей), саларов (воевод). Еще у сельджукского султана Тогрул-бея в Иране и Средней Азии везир и высшие сановники были из таджиков. Выдающийся сельджукский везир Низам аль-Мюльк тоже предпочитал иметь в своей администрации рабов, а не огузских и туркменских беев. Рабы из чужеземцев, лично преданные султану, считались надежнее племенных вождей, пытавшихся при каждом удобном случае стать независимыми от центральной власти.

Султан надеялся на мамлюков и потому, что сам был их единственной опорой на чужбине. Анатолийские Сельджукиды набирали гулямов из армян, грузин, абхазцев, греков, а также из рабов, захваченных на юге Приднепровья, называемом тогда «Дешт-и Кыпчак» – «Степь Половецкая».

Османцы во время своих завоеваний иногда угоняли в Анатолию население целых районов. После нашествия на Галицию в 1498 году они пригнали с собой «великий полон» (*бююк эсир*) – несколько тысяч человек. После разгрома персов под Чалдыраном в 1514 г. Селим I Явуз вывез из Тебриза в Стамбул тысячи ремесленников с семьями. Мехмед II Фатих переселил из Сербии я Боснии в Малую Азию около 200 тыс. человек. Византийский хронист Дука так описывает один из эпизодов угона турками невольников: «После сражения они отправились грабить селения. И вот они погнали в Стамбул на продажу бесчисленные толпы закованных в цепи людей – мужчин, женщин с грудными детьми, и цветущих юношей, и священников, и монахов».

Продолжая традицию Сельджукидов, Османиды стали формировать военные отряды из рабов. Около 1330 г. был создан первый пехотный корпус из военнопленных христиан. Он получил название *йени чери* («новое войско»), от-

куда и вошло в оборот в русском языке слово «янычары». В дальнейшем для комплектования янычар начали применять систему «девширме» – набор христианских мальчиков и юношей в возрасте от 8 до 20 лет. Они принимали ислам, обучались турецкому языку (малолетних детей, оторванных от родителей, помещали для этого в турецкие семьи). Затем будущих воинов ислама обучали в особых школах военному делу, воспитывали в духе ислама и преданности султану. Так же набирали матросов для военного флота, а командный состав экипажей формировался из греков и лазов, отличных мореплавателей.

В число рабов и янычар попадало немало украинцев и русских. Поставщиками этого «живого товара» для турок были крымские ханы, совершавшие набеги на окраины Московии.

«Потоптала орда конями маленьких детей. Малых потоптала, больших забрала, назад руки повязала, под хана погнала...» – поется в украинской думе. А немецкий путешественник первой четверти XVI в. Герберштейн пишет, что крымский хан «Махмет-Гирей вел с собой из Московии такое множество пленников, что едва можно поверить. Часть их он продал туркам в Кафе (Феодосии)».

Янычары и рабы, вошедшие в доверие к султанам, назначались на самые высокие посты в армии и государстве, правда, они продолжали считаться кулами, то есть рабами, как и мамлюки или гулямы при сельджуках. Лично преданные султану, кулы давали ему возможность как-то противостоять крупным феодалам, противникам крепкой центральной власти. Турецкий историк М. Акдаг подсчитал, что с 1453 по 1600 г. из 48 великих везиров только четыре были турками, остальные – греками, славянами-потурченцами, албанцами и другими инонационалами. Это отмечали и сами султанские «выдвиженцы». Так, великий везир султана Мехмеда II, отуреченный албанец, извещая придворных о смерти падишаха, говорил: «Было еще одно обстоятельство, содействующее укреплению государства.

Мудро собирали султаны среди всех народов людей, обреченных на несчастную мужицкую жизнь, не почитающих единого бога, о котором возвестил пророк. Их они награждали чинами и славными должностями. Из этих людей и я происхожу, и большинство тех, кто сейчас слушает меня».

Многие из бывших невольников достигли в Османской империи не только высокого общественного положения, но и сыграли заметную роль в турецкой истории, развитии турецкой культуры.

Выдающийся государственный деятель великий везир Мехмед Соколлу (Соколович), взятый по девширме из местечка Сокол в Боснии, фактически управлял империей при безвольных султанах Селиме II и Мураде III. Из греков был знаменитый турецкий зодчий Синан, создатель таких шедевров османской архитектуры, как мечети Сюлеймание в Стамбуле и Селимие в Эдирне. Взятый в янычары, он сначала был сапером-мостостроителем, затем стал проектировать мечети и другие здания. За свою долгую жизнь (1489–1588) он построил 81 мечеть, 34 дворца, 13 караван-сараев, 33 бани, 62 медресе. Из греков происходил и Пири Реис, известный османский мореплаватель и картограф.

В управлении государством и в армии видную роль играли Маджар Сюлейман-ага, венгр на службе у Селима III, янычар Гази Хасан, который дослужился до адмиральского звания «капудан-паша». Он командовал флагманским кораблем в Чесменском сражении (1770). В 1790 г. вел переговоры с Потемкиным. Грузин Юсуф Зия, попавший в турецкое рабство, «дорос» сначала до поста губернатора Эрзурума, потом стал великим везиром. другой грузин, Кючюк Хюсейин, сперва начал карьеру как камердинер (*башчухадар*) при Селиме III, а в конце ее был капудан-пашой. Этот список можно продолжать очень долго.

Важную роль в этническом смешении играли браки между тюрками и женщинами других национальностей. Если в гаремы сельджуков поступали гречанки, армянки, грузинки, то при османцах этот выбор стал шире – от арабок

и африканок до славянок с Балкан, полячек, венгерок, украинок и черкешенок. Последние особенно славились своей красотой у турецких мужчин. Их доставляли с Кавказа по Черному морю на судах, перевозили по суше караванами верблюдов. Многие горянки добровольно покидали родину, мечтая сменить нелегкую крестьянскую долю на безбедную жизнь в гареме богатого турка.

Из жизнеописаний османских падишахов известны следующие черкешенки-султанши: жена Мустафы III, мать Селима III, жена Махмуда II (она же мать Абдюльмеджида и его брата Абдюльазиза), жена Абдюльмеджида (она же мать Мурада У и его брата Абдюльхамида II).

Вообще, султанши чаще всего не были турчанками. Орхан, Мурад I, Баязид I имели супругами византийских принцесс. При этом любимой женой Баязида I была сестра Стефана Лазаревича. Одной из жен Мехмеда II Фатиха являлась сербская княжна. Жена Мурада III, мать Мехмеда III – итальянка из Венеции, захваченная пиратами и проданная в рабство туркам, жена Ахмеда I – хорватка, жены Османа II и Мустафы II – украинки, последняя родила Османа III.

Самой известной султаншей украинской крови стала Анастасия Лесовская, любимая жена Сюлеймана Великолепного, получившая мусульманское имя Хуррем. Европейцы прозвали ее Роксоланой. Она родилась в 1505 г. в городке Рогатин (ныне это в Ивано-Франковской области), там ее захватили в полон татары и привезли в Турцию, где эта красивая девушка попала в султанский дворец. Она отличалась недюжинным умом и властолюбием, быстро прибрала к рукам могущественнейшего из султанов, ее интриги стали стержнем политической жизни двора, по ее наветам смещали и казнили везиров, умерщвляли наследников престола от других султанских жен. В конце концов, она добилась своей цели: ее сын, правда, уже после смерти матери в 1561 г., стал султаном. Это был Селим II, вошедший в историю османцев под прозвищем «Мест» (Пьяница).

Обычай жениться на иноплеменницах и чужеземках был характерен не только для султанов, но и для многих имущих и знатных людей. Более того, он так широко распространился у тюрков Малой Азии, что турецкий историк Р. С. Атабинен придумал для него особый термин – «ксеногамия» (чужебрачие). Часто и простой воин мог обзавестись женой из христианок. Участвовавший в 1438 г. в набеге на южные области Венгрии турецкий летописец Ашикпаша-заде сообщает, что захваченных женщин оказалось так много, что пленницу можно было получить в обмен на сапоги. А турецкий путешественник Эвлия Челеби о походе 1657 г. пишет: «захваченные в лагере венгров подобные сверкающему солнцу невольницы, каждая из которых стоила хараджа с целой области, проданы были за курительную трубку или за буханку хлеба».

Султаны поощряли браки между мусульманами и христианками. Еще один турецкий летописец – Коджа Хюсейин рассказывает: когда султан Орхан обходил и осматривал только что занятый город Никею, к нему с воплями обратилась толпа женщин. «Многие из нас, кричали они, погибли от мечей твоих воинов... От недостатка и несчастий жизнь наша стала невыносимой». Тогда султан приказал своим приближенным: «Пусть те, у кого есть нужда в этом, возьмут себе жен из этих женщин». И тем, кто женился, он давал дом и назначал содержание.

Склонность тюрков – и сельджуков, и османцев к бракам с иноплеменницами вытекала из родо-племенных обычаев. В обществе, где эти обычаи охраняются, подобное регулирование брачных отношений закономерно. Этнографы называют его эндогамией – «внутрибрачием», то есть правилом заключать браки внутри определенной этнической общности, например, внутри племени. Однако эндогамия всегда как бы одностороння: ее законы касаются только женской половины племени. Своих девушек «на сторону», мужчинам чужих племен не отдают, но «со стороны», из других племен можно брать жен беспрепятственно. Бра-

ки своих мужчин с иноплеменницами даже поощряются. Издавна в межплеменных войнах захваченные женщины были самой ценной добычей, они становились не только рабынями-наложницами, но и полноправными супругами. Классический пример из древней истории – похищение сабинянок в Италии еще до возвышения Рима.

Эндогамия вела к туркизации детей от смешанных браков, особенно мужского потомства, ибо мальчики после выхода из младенческого возраста воспитывались отцами и старшими братьями. По языку и культуре они становились турками. Но их внешний облик сохранял и материнские черты, что сказалось впоследствии на разнообразии антропологических типов турецкого народа, усложненных и другими факторами смешения с представителями многих этнических групп.

Происходили, например, вкрапления в лоно турецкого этноса миграционных потоков самого различного антропологического и лингво-культурного свойства, очень сильно разнящихся по численности – от сотен до миллионов человек.

Так, после подавления польского восстания против русского царизма в 1831 г. многие руководители инсургентов эмигрировали в Турцию. Экс-глава варшавского правительства Адам Чарторыйский основал под Стамбулом польское поселение, которое вначале назвали в его честь Адамполь, а потом переименовали в Полонезкёй (Польская деревня), десять бывших польских военачальников поступили в османскую армию на командные должности и получили титулы «паша». Приняв ислам, они взяли мусульманские имена. Например, Йозеф Бем стал Мурад-пашой, Владислав Кочельский – Сефер-пашой, Антоний Ильинский – Искендер-пашой и так далее. Один из них – Константин Боржецкий, ставший Мустафой Джеляледдином-пашой, вошел в историю и как автор книги «Старые и новые турки», изданной на французском языке, а его внук Назым Хикмет прославил турецкую литературу как поэт и драматург.

После присоединения Крыма к России в Турцию переселилось, начиная с 1783 г., около двух миллионов татар. По завершению Кавказской войны и окончанию восстания Шамиля в 1864 г. с Северного Кавказа в Турцию отселилось, по разным сведениям, от одного до трех миллионов горцев, или черкесов, как их называют турки. Это были самые различные народности: собственно черкесы, адыги, кабардинцы, шапсуги, убыхи, чеченцы, ингуши, абхазцы, абазины, абадзехи, осетины, карачаевцы, балкарцы.

Многие из них имели боевой опыт, поэтому турецкие власти брали этих переселенцев в армию, жандармерию и полицию не только рядовыми, но и офицерами. Некоторые «черкесы» дослужились до звания «паша» – маршалы Дели Фуад и Ахмед Иззет, генерал Ахмед Хюсейин Даим или заняли высокие должности в правительстве – военно-морской министр Хюсейин Рауф, начальник полиции Назым. При Кемале Ататюрке «черкесы» играли видные роли в военной и политической сфере: генералы Али Фуад Джебесой, Рефет Беле и Мустафа Февзи Чакмак, начальник генштаба, министр иностранных дел Бекир Сами Кундух (его отец Муса Кундухов служил в русской армии, а после эмиграции в Турцию – в османской, где получил звание «паша»), Хюсейин Рауф, взявший после 1934 г. фамилию Орбай, возглавил антикемалистскую оппозицию.

Не все «черкесы» присоединились к движению кемалистов: в Северо-Западной Анатолии, где были их компактные поселения, они в 1919–1920 г. подняли два восстания в защиту султанской власти, которую считали своей покровительницей. Глава этих мятежников Ахмед Анзавур получил от султана средневековый титул «мир-и миран» (эмир эмиров) – командующий армией.

Шапсуги Эдхем, Тевфик и Решид, руководившие партизанскими отрядами, не захотели войти в регулярную армию кемалистов, изменили Кемалю и бежали в Иорданию.

Таковы были этногенетические процессы, хоть и разные по масштабам, но тем не менее повлиявшие на физический облик турка.

Антропологи обычно относят турок к средиземноморско-балканской группе южных европеоидов. Для ее представителей характерны мягкие, слегка вьющиеся черные или каштановые волосы, смуглый цвет кожи, широко открытые, миндалевидные, чаще всего черные или карие глаза, сильно выступающий узкий нос, чуть утолщенные губы, слабое развитие скул. На востоке Анатолии среди турок распространен так называемый арменоидный тип, которому присущи густые, часто сросшиеся брови, окладистая борода и пышные усы, обильная волосатость тела, орлиный нос, массивный череп и невысокий рост. У турок встречаются и голубоглазые блондины североевропейского облика, и смуглокожие «жгучие» брюнеты, похожие на африканцев: внешность турок отразила, словно зеркало, все особенности их происхождения.

Монголоидные же черты, свойственные в той или иной степени тюркам Центральной Азии, у турок почти совершенно исчезли. Даже у тех туркмен и огузов, что переселились в Анатолию в XI веке, их оставалось крайне мало, и они растаяли здесь при новом массовом смешении с европеоидами.

Кстати, современное расселение тюркских народов наглядно демонстрирует постепенное усиление европеоидных особенностей по направлению с востока на запад. Якуты, тувинцы, хакасы, киргизы, казахи, уйгуры – типичные монголоиды. У них преобладают прямые жесткие черные волосы, скуластое лицо, слабо выступающий нос с низким переносьем, узкие глаза с эпикантусом – кожной складкой, закрывающей слезный бугорок, «монгольское» припухшее веко, слабо растут усы и борода. У башкир, татар, узбеков монголоидных признаков значительно меньше. У туркмен они встречаются еще реже. А чуваши, гагаузы, азербайджанцы, турки – уже типичные европеоиды.

Одно из первых антропологических описаний турок сделано английским исследователем Дж. Рейдом в 1840 г. Он делил их на три типа: турок-монголоидов, которые, по его мнению, восходят к татарам Чингисхана; турок-европеоидов, которые произошли от исламизированных и отуреченных групп малоазийского населения; «смешанных» турок, возникших в процессе метисации первых со вторыми. Утверждение автора о происхождении части турок от татаро-монголов, которое продолжает традиции многих средневековых европейских историографов, считавших турок связанными происхождением с монголами, конечно, неверно. Однако, отмечая смешанное происхождение турок, слияние с ними многих групп местного населения, Дж. Рейд прав.

Другая попытка общей антропологической характеристики турок принадлежит русскому тюркологу Н. А. Аристову (1896). Разнообразные типы турок, пишет он, – результат метисации тюрков, переселившихся из Средней Азию в Малую, не ранее девяти веков назад и позднее – на Балканский полуостров, с местными курдами, греками, славянами... При общности веры и языка турки сильно различаются по областям своим физическим обликом, в зависимости от этнических групп, которые были отуречены, и от густоты тюркской крови в помесях, которая в некоторых районах, например, на Балканском полуострове, была совершенно незначительна.

Из советских исследователей антропологическое описание турок дал Н. Н. Чебоксаров. Согласно его выводам, среди турок можно выделить средиземноморско-балканскую (средиземноморскую) группу южных европеоидов, которой свойственна узко-волнистые волосы, сильное развитие третичного волосяного покрова (то есть, обильный рост бороды и усов), грацильность (тонкость) в строении лица, слабое развитие скул, широко открытые (миндалевидные) глаза, выступающий узкий нос с прямой спинкой, несколько утолщенные губы. Для турок, как и вообще для

всех южных европеоидов, характерна сильная пигментация – черные или карие глаза, черные или каштановые волосы. Распространена среди турок и другая группа южных европеоидов – переднеазиатская (иначе – арменоидная, ассироидная или анатолийская). Представители этой группы чаще встречаются на востоке страны. Эта группа отличается очень сильным развитием третичного волосяного покрова; для нее характерны также резко выступающий нос с выпуклой формой профиля, массивный череп, большой наклон лба, четко выраженное надбровье.

Монголоидные элементы у турок совершенно исчезли. Лишь у некоторых локальных групп в небольшом числе случаев отмечено наличие эпикантуса, а также «монгольского пятна» (скопления пигмента на пояснице, характерного для монголоидов) у некоторых турецких детей.

У турок преобладает брахикефалия (круглоголовость) – поперечный и продольный диаметры черепа почти равны. Эта особенность наиболее специфична для армян из Восточной Анатолии.

Советские антропологи, например, В. В. Бунак, считали, что физический облик турок сложился при участии не менее четырех основных и наиболее выделяющихся компонентов. Это – антропологические типы чорохско-рионский, понто-загросский, балкано-динарский, как древнейшие местные – малоазийские и балканские элементы, и тип закаспийский, восходящий, по крайней мере, к VIII–IX вв., но не местного, а пришлого происхождения.

Чорохско-рионский или понтийский тип ныне распространен главным образом вне Турции – в западных областях Грузии. В Турции он представлен лишь в пределах сравнительно небольшой области на северо-востоке Анатолии. Его можно связать с местным лазским этническим компонентом, влившимся в состав турок. Однако сочетание некоторых специфических признаков этого типа встречаются на всей территории Турции. Видимо, когда-то он был

распространен в Анатолии шире. Древние народы Малой Азии – хетты, лидийцы, карийцы и другие включали в себя и предков лазов и грузин.

Понто-загросский тип (иначе его называют переднеазиатским, арменоидным, ассироидным, анатолийским) отчетливо выступает у турок Восточной Анатолии. Он тоже принадлежит к числу древнейших малоазийских типов и был связан с народами государства Урарту. Об облике этих народов дают представление скульптурные памятники древней Ассирии, воспроизводящие типичные понто-загросские черты. Этот тип широко распространен у армян (почему и называется иногда арменоидный).

Балкано-динарский тип характерен для турок некоторых районов Западной Анатолии и Восточной Фракии. Он свойственен также балканским народам – грекам, болгарам, сербам и другим. К туркам он попал через туркизацию ими этих этносов.

Закаспийский тип не имеет в Турции определенной локализации и как таковой исчез, сохранив лишь ряд разрозненных черт в смешении с другими. Его появление в Анатолии восходит к периоду сельджукского завоевания. По историческим и лингвистическим данным тюрки-сельджуки были наиболее близки туркменам, современным представителям закаспийского типа.

Несколько отличаются антропологически от турок юрюки. Они более смуглы, выше ростом (средний рост турок – 167 см, юрюков – 170 см). У них преобладает не брахикефалия, а долихокефалия (продольный диаметр черепа намного больше поперечного). Такой факт объясняется либо устойчивым сохранением туркменских антропологических особенностей: среднеазиатские туркмены долихокефальны, либо сильным смешением с курдами, которым также присущ этот признак. Кроме того, у юрюков, как и у многих других кочевников, есть обычай бинтования головы младенца, что приводит к искусственной деформации черепа – удлинению его затылочной части, то есть, долихо-

кефалии. У юрюков обнаруживаются и довольно заметные монголоидные черты: выступающие скулы, слабое развитие третичного волосяного покрова и наличие эпикантуса. Эта слабая монголоидность восходит, несомненно, к тюркским племенам средневековья.

Исследования по распространению групп крови у турок показывают, что турецкий этнос антропологически является промежуточным звеном между расами Азии и Европы. Так, процент 2-й группы крови вообще повышается по направлению из Азии в Европу. И в Турции прослеживается эта закономерность: данное соотношение возрастает по направлению из Анатолии в Румелию (в Анатолии 2-я группа составляет 40%, 3-я – 19%, а в Румелии соответственно 41% и 13%). Турецкие исследователи этого вопроса – Н. Онур и Н. Айген – отмечали, что вообще процент 3-й группы крови у турок больше, чем у европейцев. Это еще раз свидетельствует, что при этногенезе турок произошло смешение местных народов Анатолии с переселившимися из Средней Азии тюркскими племенами.

Все антропологические данные о происхождении турецкого народа прекрасно согласуются с историческими фактами, выводами лингвистов и культурологов.

Итак, в Малой Азии, как в тигле, переплавились сотни племен и народностей прежде чем получился последний сплав – турки. И вряд ли кто будет оспаривать аксиому, что родина турок – Анатолия, Восточное Средиземноморье. Даже по внешнему виду они мало чем отличаются от народов соседних стран – итальянцев, греков, арабов Леванта. Однако внешность, антропологический тип – вовсе не главное в этнической характеристике народа. Его определяющие признаки как этноса – язык и культура.

Язык турок по грамматическому строю остался тюркским, но его словарь обогатился огромным числом заимствований из многих языков – иранских, славянских, арабского, греческого, армянского и других. А культура турок – это настоящий синтез двух цивилизаций – кочев-

нической, принесенной тюркскими племенами из далеких степей Центральной Азии, и оседлой, анатолийской, уходящей корнями вглубь тысячелетий. В турецкой культуре, как и в языке, много и других напластований – иранских и арабских, среднеазиатских и балканских. Но все же главных пластов – два. Образно говоря, турецкая культура соткана тюркским утком на малоазийской основе.

При анализе истории хозяйства и культуры Анатолии исследователь вправе ожидать, что тюрки как кочевники-скотоводы должны были внести определенный вклад в развитие местного животноводства. Действительно, после их прихода среди домашних животных этого региона прочное место занял двугорбый азиатский верблюд (бактриан). Его распространение здесь связано с тюрками, тогда как одногорбый африкано-аравийский верблюд (дромадер) появился в Малой Азии еще раньше, благодаря арабам. Позже возникли их гибридные виды. В средние века верблюдоводство имело исключительно важное значение для караванной торговли не только в Анатолии, но и почти во всей Азии. И ныне верблюды в Турции все еще используются как транспорт, особенно в тех районах, где мало хороших автодорог.

С приходом тюрков лошадь в Анатолии потеснила вола, основное тягловое и пахотное животное дотюркской Малой Азии. Все чаще в телегу (*талика* – ее турецкое название), легкий плуг (*пуллук*) и молотильные сани (*дёген*) стали запрягать лошадь. «Привилегией» волов осталась тяжелая арба (*каны*) да грубая соха (*кара сапан*). И конечно, тюркам-номадам обязана Анатолия усовершенствованием техники верховой езды и конской упряжи. Только старейший вид транспортных животных – ослы – продолжают играть в Анатолии все ту же роль, как и в глубокой древности: они поистине незаменимы в селах и провинциальных городах. На деревенских дорогах то и дело встречаешь не спеша трусящих ишачков либо с седоками, либо навьюченных самой разной поклажей – дровами, бидонами с мо-

локом, корзинами с виноградом, ящиками с апельсинами, а то и автопокрышками или аккумуляторами...

Прежними остались и основные породы скота – овцы, козы (в том числе ангорские, дающие тифтик, шерсть типа мохер), а также коровы и буйволы. Это понятно, анатолийские традиции скотоводства восходят к неолиту. Тучными отарами овец Анатолия славилась во времена хеттов, древних греков, византийцев. И тюрки тоже стали разводить местные породы, лучше приспособленные к локальным природным условиям, они освоили и преобладающий местный тип животноводства – отгонный, который вытеснил постепенно тюркское кочевое скотоводство. При отгонном, или яйлажном, виде этой отрасли хозяйства стада весной отгоняют на горные пастбища – яйлы, где они пасутся все лето, а осенью перегоняют в долины. Здесь их содержат до весны в овчарнях и кормят заранее заготовленными кормами. Кстати, овчарня, как и сыроварня, по-турецки – *мандра*, слово, взятое у греков. Отгонное животноводство предполагает развитой уровень оседло-земледельческой культуры: постоянные зимние жилища, посевы кормовых трав, и его не знает кочевое скотоводство.

Яйлажное содержание скота летом – многовековой вид хозяйственной деятельности в Анатолии. *Пархар* – так называли яйлу в Малой Азии до прихода тюрков. Слово это настолько древнее, что восходит к языкам догреческого и доармянского населения, возможно, к языкам первых индоевропейцев, переселившихся в Малую Азию в III–II тысячелетиях до н.э.: в индоарийских языках слово «пахар» значит «гора». В Таджикистане есть местность, носящая название «Пархар».

Вместе с тем ряд явлений материальной и духовной культуры турок связан с Центральной Азией. Летом турецкие крестьяне ставят в поле временное жилище – *алачик*, войлочный шатер, доставшийся им в наследство от тюркских кочевников, Центральная Азия вдруг на-

помнит о себе и юртой где-нибудь в глухой деревушке степной Анатолии. Конечно, сейчас это уже редкость, и предназначена юрта не для кочевья – ее держат рядом с домом. В летние дни она служит чем-то вроде беседки, а ночью – спальней: если откинуть войлочный покров, в ней гораздо прохладнее, чем в доме.

Современные турки не пьют кумыса, как их далекие предки – кочевники Алтая и Монголии. Но в деревнях Анатолии сохранились еще воспоминания об этом когда-то «национальном» налитке. Кое-где кумысом (по-турецки – *кымыз*) называют похожий на него айран, который делают, конечно, не из кобыльего, а овечьего молока.

В наши дни название «кумыс» всплыло и в такой причудливой трансформации, как наименование марки сухого вина «Анкара кымызы» (Анкарский кумыс). Виноделие в Малой Азии было известно еще хеттам. И вот древнейший анатолийский напиток из винограда получил вдруг тюркское имя.

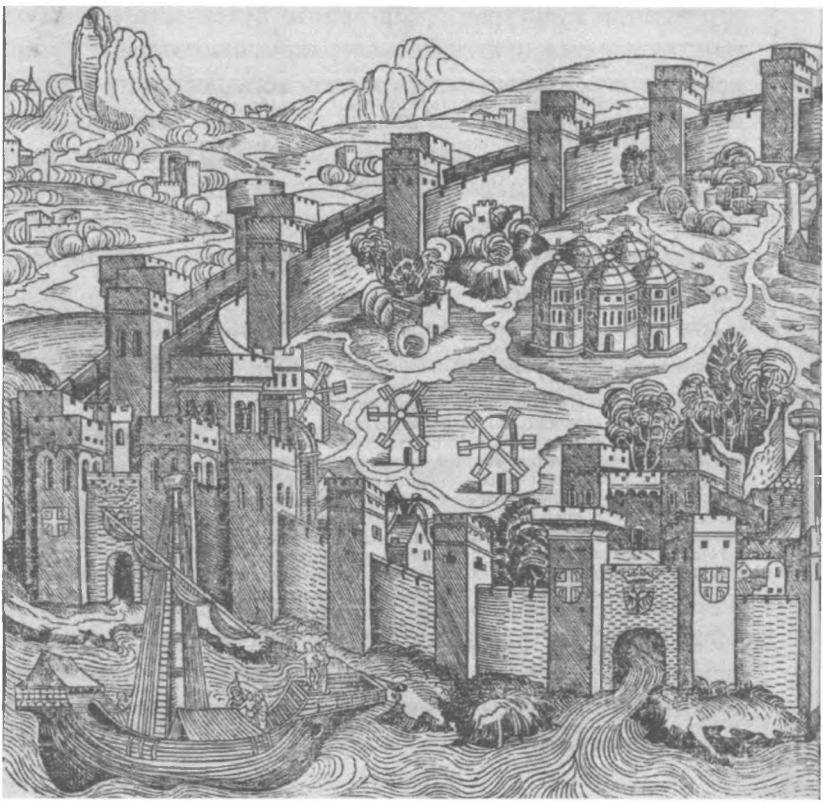
Переплетение центральноазиатских и анатолийских культурных влияний было зафиксировано еще в знамени Сельджукидов. Оно было черного цвета – это шло от огузского племенного союза, из которого происходил род Сельджука. На знамени были изображены: дракон – с ним тюрки познакомились на своей прародине, когда кочевали у Великой китайской стены, и двуглавый орел – знак царской власти хеттов и византийцев. Этот символ связан с древними тотемистическими верованиями. Так, в высокогорных селениях Турции есть старинный обычай: молодой горец накануне свадьбы или переезда в новое жилище отправляется на заре в горы и убивает орла. Вынув внутренности и раздвоив ножом голову царственной птицы, он прибивает чучело над входом в дом таким образом, чтобы половинки орлиной головы смотрели в разные стороны.

Исследуя истоки турецкой культуры, вскрываешь мощные пласты местных, малоазийских цивилизаций и добавленных к ним тюркских особенностей материальной

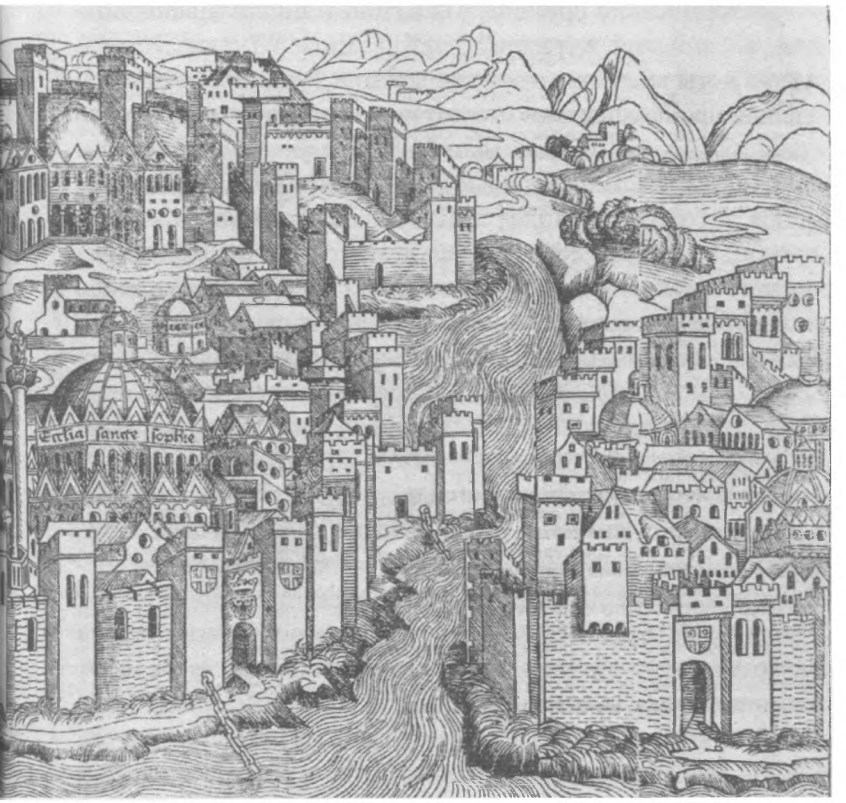
и духовной культуры. Даже просто путешествуя по Турции, все время оказываешься рядом с историей. Руины древних и средневековых городов то и дело встречаются в долинах, предгорьях и степях Анатолии, хеттский храм соседствует с фригийским, греческий амфитеатр – с римским, армянская церковь – с византийской, сельджукский минарет – с османским. И специалистам нелегко разобраться в этой мозаике – так причудливо переплелись архитектурные стили.

Анатолия, этот мост между Западом и Востоком, с самого начала развития мировой культуры покоилась на двух могучих опорах: с одной стороны – древняя Греция, с другой – древний Иран. Вдоль западного и южного побережья Малой Азии тянется полоса развалин античных городов: Троя, Пергам, Эфес, Сарды, Милет, Сиде, Антиохия... Бродя меж рухнувших колонн и обвалившихся портиков, сидя на мраморных скамьях амфитеатров, можно грезить о временах Сократа и Платона. Но если чуть-чуть переместиться в глубь страны, то на степных дорогах вас непременно встретят неплохо сохранившиеся либо сельджукская мечеть, либо сельджукский караван-сарай с отчетливыми чертами древнеиранского зодчества.

Советский писатель Петр Павленко, побывавший в Турции в 1920-х гг., очень емко передал свои впечатления о смешении самых разных эпох на анатолийской земле: «В нищих грязных кофейнях в деревушках около Акшехира, родины Ходжи Насреддина, можно встретить светильники из древней глины, светильники ионийских мастеров, или кусок торса Аполлона, которым подпирают незакрывающиеся двери или используют как табурет, а головы богинь служат гирями на крохотных станцийках железных дорог. Вы можете найти камень с надписью, не прочитанной человечеством, описать штабеля скульптур, случайно встреченных в степи, подсмотреть кусок быта, застрявшего на пути между первой половиной девятнадцатого века и сегодняшним днем...»



Константинополь – столица Византии,
ставший столицей Турецкой империи Стамбулом.
Гравюра «Нюрнбергской хроники» Г. Шеделя, 1493 г.


Ecclia sancte sophie

«Исторические времена Анатолии, – пишет Дэвид Хотхэм, английский журналист, автор книги "Турки", – уходят на четыре тысячи лет вглубь веков. Турки же появились здесь не раньше девяти столетий назад, поэтому их можно сравнить с хранителями музейных древностей». Действительно, когда смотришь на камни и мрамор древних городов, в голову приходит мысль: а как же связана вся эта древность с современным народом – турками, живущими на месте погибших цивилизаций? И сначала не находишь никакой связи. Все эти античные города кажутся огромным музеем на открытом воздухе, помещенным на благодатной земле и под благодатным небом для того только, чтобы ярче подчеркнуть их значимость. Так редкую старинную картину оправляют в богатую раму.

Но, всматриваясь пристальней в культуру и даже быт турок, обнаруживаешь незаметные на первый взгляд, но прочные и осязаемые нити, связующие те далекие времена с нашими днями. Архитектурные памятники – как ступени лестницы, ведущей в историю искусства. Ранняя византийская базилика святого Иоанна в Аясулуке V в. еще имела вид почти античного храма: ее украшали древнегреческие портики, колоннады, фризы. В соборе Святой Софии, шедевре византийской архитектуры, воздвигнутой в VI в. в Константинополе, уже доминирует сферический купол, колонны оттеснены на второй план. А строители мечетей Стамбула, сохранив мощный купол, совсем отказались от тяжелых колоннад, но добавили к христианской архитектуре минареты и многокуполье пристроек, навеянное воспоминаниями о прежнем кочевом быте: небольшие купола, идущие рядами по крышам, окружают главный купол мечети, словно юрты рядовых кочевников – юрту хана.

Только сельджукские постройки несколько выпадают из этой преемственной линии, они выглядят чужестранцами на земле Анатолии: будто попали сюда во время набега иноплеменников. Они, как и их творцы – тюрки-сельджуки, еще не успели принять изысканный облик османцев. Это

пришельцы из иного мира – иранских и среднеазиатских степей. Сельджукские мечети Коньи суровы своей геометрической простотой, массивностью минаретов, их остроконечные пирамидальные купола величаво парят над Конийской равниной, как шатер военачальника, отдыхающего после битвы войска. Они как бы остались в своем времени, эти молчаливые свидетели XII и XIII вв.

Но пройдет два-три столетия, и мусульманская архитектура сельджуков, сплавившись в малоазийском горниле с культовым зодчеством православных греков, даст блестящую амальгаму – серию неповторимых османских мечетей Бурсы, Эдирне, Стамбула. И связь времен снова обретет себя: в византийской базилике видны следы античности, в османской мечети – заимствования из христианской архитектуры и – уже едва приметные – те же элементы античного зодчества.

Связь времен отчетливо проступает не только в культовых зданиях – явлениях все же единичных, уникальных. Она прослеживается и в народных домостроительных традициях. В деревнях на западе и юге Турции строят обычно двухэтажные дома. Низ – глинобитный или каменный, верх – деревянный. Первый этаж – помещение для скота, запаса кормов и продуктов, хранения инвентаря. Второй этаж – жилые комнаты и летняя веранда с внешней лестницей. Такой дом издавна характерен для Балкан и вообще Восточного Средиземноморья. Он заимствован турками у греков. И его турецкое название *ханай* восходит к греческому *анойи*. Возможно, на его турецкое произношение повлияло иранское слово *хане* (дом, помещение). Греческого происхождения и название огороженного дворика – *авлу*. А сам тип строения поражает древностью своей истории: он зафиксирован археологами в позднем анатолийском неолите при раскопках городища Хаджилар и датируется 5700 г. до н.э.

В деревенских домах Центральной Анатолии внутренняя глиняная обмазка стены около очага украшена оттисками

ладоней с растопыренными пальцами. Аналогичные отпечатки обнаружены на стенах жилищ VII тысячелетия до н.э., что раскопаны в Чатал-Хёюке близ Коньи.

В восточноанатолийских деревнях кое-где сохранились подземные жилища – круглые в плане полусферические землянки. Такое сооружение называется *дам* (это не что иное, как индоевропейское «дом»). Такой вид жилья описан еще Ксенофонтом в 401 г. до н.э. Дома в горной Армении, пишет он, были «подземные, с верхним отверстием, наподобие колодца, но широким внизу».

Традиции аграрной культуры Западной Анатолии восходят к временам античности, они присущи всему Средиземноморью. Это – неполивное (богарное) злаковое полеводство. Сев приурочен к весенним дождям, и определение «богарное» идет от иранского слова *бохор/бахар* – весна. Сеют в основном пшеницу и ячмень. Другая традиционная отрасль – высокоразвитые виноградарство и садоводство. Эгеида с глубокой древности славилась своим виноградом, оливками, инжиром и миндалем.

На востоке и кое-где в центре Анатолии земледелие имеет и другие традиции, идущие от времен Урарту и древнего Ирана: применение искусственного орошения и отведение значительной доли в севообороте фуражным культурам, например, люцерне, которую заготавливают на зиму для скота.

Нельзя сказать, что кочевники совершенно не знали земледелия, но у них оно носило подсобный, ограниченный и примитивный характер. Так, на летовках они сеяли ячмень или пшеницу, которые обеспечивали им минимум растительных продуктов – муки для лепешек и крупы для похлебки.

Переселение больших масс номадов вначале нанесло анатолийскому земледелию, особенно садоводству, большой урон. До сих пор, как свидетельствует французский этнограф Ксавье де Пляноль, в Западной Турции вокруг руин прежних античных городов видны остатки некогда

обширных, а потом заброшенных плантаций олив, и понадобилось много веков, прежде чем была восстановлена былая земледельческая культура.

Сельскохозяйственные орудия турецких крестьян – плуги, бороны, серпы, косы, молотильные сани имеют малоазийское происхождение. Приспособление для обмолота злаковых похоже на санки-волокуши, только в их деревянное днище вбиты острые кремни. Оно называется *дёген* от греческого *тикани*. На току (*харман*) – круглой ровной площадке, в центре которой вбит столб, настилают сжатую пшеницу или ячмень. Вол или лошадь, притороченные к столбу, тащат эти санки, делая круг за кругом. На них для тяжести усаживают мальчишку или девчонку. Кремни режут солому, отделяют зерна от шелухи. Затем хлеб провеивают, вскидывая деревянной лопатой с тупыми зубьями. Соломенная сечка – полова и шелуха отлетают в сторону даже при малом ветре. Такие молотильные санки-волокуши были известны народам Малой Азии, Закавказья, Балкан, Сирии и Палестины задолго до нашей эры, в позднем неолите.

Каны, анатолийская двухколесная арба, словно съехала с хеттских наскальных барельефов. Когда такая повозка, запряженная парой волов, проезжает мимо скалы, где выбито ее изображение четырехтысячелетней давности, кажется, что присутствуешь на наглядном уроке истории, демонстрирующем связь времен. И надолго запоминается душераздирающий скрип груженой *каны*: ее сплошные массивные деревянные колеса вращаются вместе с осью, вставленной между деревянными штырями днища.

Турецкий народный календарь сельскохозяйственных работ – сочетание греческих и иранских заимствований. Так, начало лета, *хыдрэллез*, падает на 6 мая, день святого Георгия, начало зимы, *касым*, – на 8 ноября, день святого Димитрия. Обе даты восходят к христианскому летосчислению, на сами названия – *хыдрэллез* и *касым* – арабские.

Начало весны – *невруз* (персидское *ноуруз* – новый день) отмечают 21 марта, это дата весеннего равноденствия, по-

сле чего светлое время суток начинает увеличиваться. А начало осени – *михриджан* отмечают 23 сентября, это дата осеннего равноденствия, после чего светлое время суток идет на убыль. Эти календарные вехи и их названия связаны с древнеиранским земледельческим культом. *Невруз* – праздник весеннего пробуждения и обновления природы, *михриджан* – праздник сбора урожая и подготовки к зиме. Бируни писал: «Ноуруз и михриджан – два ока времени. Михриджан – вестник конца мира, ноуруз – вестник его воскрешения».

Названия месяцев в современном турецком календаре взяты у народов разных эпох: *оджак* (то есть, очаг), перевод аналогичного византийского месяца, означающего пик отопительного сезона; февраль – *шубат* (древнесемитское название), март – март (латинское), апрель – *нисан* (древнесемитское), май – *майыс* (армянское), июнь – *хазиран*, июль – *теммуз* (оба – древнесемитского происхождения, причем в древней Месопотамии теммуз был посвящен богу Таммузу, олицетворению растительного мира), август – *агустос* (латинско-греческое наименование), сентябрь – *эйлюль* (древнесемитское), октябрь – *эким* (турецкий неологизм, значащий «сев», в это время сеют озимые), ноябрь – *касым* (арабское название), декабрь – *аралык* (турецкий неологизм, значащий «промежуток» между годами).

Несколько древнесемитских месяцев зафиксированы в Ветхом Завете. Это произошло потому, что во время «вавилонского плена» в 586–539 гг. до н.э. древние евреи усвоили местный календарь, названия месяцев которого они перенесли в Библию: *шват* (февраль), *нисан* (апрель), *таммуз* (июль), *элул* (сентябрь), *тишри* (октябрь). В современном турецком календаре эти названия, как видим, фигурируют в слегка измененном виде. В юлианском календаре, который употреблялся в Турции с 1840 по 1925 г., названия октября и ноября восходили к вавилонскому *тишри*: *тишрин-и эввель* (октябрь) и *тишрин-и сани* (ноябрь). Неологизм *оджак* (январь) является калькой с арабского

кянун (очаг, печка) – так назывался этот месяц в юлианском календаре.

Древние тюрки исчисляли время по солнечному календарю 12-летнего животного цикла. В его основу положен период обращения Юпитера вокруг Солнца, равный примерно 12 гг. Этот календарь они, как уже отмечено выше, заимствовали у китайцев. Его истоки находятся, скорее всего, в еще более южных регионах, так как в нем фигурирует год обезьяны.

Непосредственные предки турок – огузы и туркмены – до принятия ислама также продолжали пользоваться этим календарем. Больше того, турецкий этнограф М. Кырзыоглу обнаружил в 1950 г. бытование данного летосчисления у крестьян Северо-Восточной Анатолии. Они называли его *Чобан хесабы* (Пастушеский отсчет). Животные, символизирующие года, перечислены в нем по-турецки: *сычан* (мышь), *окюз* (вол), *каплан* (тигр), *тавшан* (заяц), *балык* (рыба), *йылан* (змея), *ат* (лошадь), *коюн* (овца), *маймун* (обезьяна), *тавук* (курица), *ит* (собака), *домуз* (свинья). Все это полностью соответствует китайскому варианту. Согласно народному поверью, можно по особенностям, присущим каждому из этих животных, предсказать, будет ли наступающий год изобильным или скудным, мирным или неспокойным, благоприятным для здоровья или принесет болезни.

Большинство названий дней недели, как и самой седмицы, заимствовано. Неделя – *хафта* (от персидского слова *хафт* – семь); воскресенье – *пазар* (персидское «базар» – рынок, базарный день); среда – *чаршамба* (от персидского *чехар-шенбих* – четвертый день после воскресенья); четверг – *першембе* (от персидского *пенч-шенбих* – пятый день после воскресенья); пятница – *джума* (от арабского *джемаа* – собираться, как и *джами* – соборная мечеть, *джемиет* – общество, *джемаат* – конфессиональная община).

Местные и принесенные элементы сплелись и в анатолийском фольклоре. Турецкий писатель Яшар Кемаль, хо-

рошо знающий эпос своего народа, отмечает, что на этой земле получили жизнь величайшие поэмы мира – «Илиада» и «Одиссея».

И сейчас из уст простого крестьянина можно услышать сказания на их сюжеты. В то же время народные сказители до сих пор читают наизусть песни-сказы из тюркского эпоса «Деде Коркуд» и «Кёроглу".

В узорах турецких ковров видны хеттские мотивы. В деревенских вышивках, на войлочных бурках пастухов – изображения хеттского солнца – круга с перекрещивающимися линиями. Такие же рисунки обнаружены на предметах хеттской утвари, найденной при раскопках. Многие современные художники и скульпторы Турции исходят в своем творчестве из хеттских форм. Изваяния львов, стилизованных в хеттской манере, украшают дорогу к мавзолею Ататюрка.

В турецкой керамике – кютахийском фарфоре и фаянсе – проглядывает слегка приглушенный церковный орнамент византийцев. На западе Турции среди крестьян распространен магический обряд, связанный с верованиями древних греков. Весной устраивают праздничное представление – выдачу дочери южного ветра «лодоса» замуж за сына северного ветра «пойраза». Верят, что после этого погода потеплеет. Лодос – это Нотос, бог южного ветра в античной мифологии, а пойраз – Бореас или Борей, бог северного ветра.

У турок все кладбища обсажены кипарисами, а ведь кипарис – символ скорби у древних греков. Уходит корнями в седую древность и турецкий обычай мытья ног старшим и уважаемым членам семьи после их возвращения домой. Турчанка, встречая усталого мужа, пришедшего с работы, всегда нальет в таз воды и вымоет ему ноги. В древнегреческом эпосе служанка Эвриклея омывает ноги Одиссею, вернувшемуся из дальних странствий.

Происхождение отдельных заимствований кажется порой неправдоподобным. В Турции несчастливым, «тяжелым» днем считается вторник. В 1453 г. в этот день не-

дели, выпавший на 29 мая, Константинополь был взят турками-османцами. Иными словами, вторник оказался несчастливым днем для греков-византийцев. Но постепенно это поверье перешло и к туркам-стамбульцам, а затем распространилось и дальше. Родилась даже турецкая присказка: «Вторник качается» (*Салы салланыр*), т.е. неустойчив, ненадежен.

Даже полумесяц со звездой, ставший впоследствии символом турецкой государственности, османцы переняли от византийцев. Эта эмблема была гербом Константинополя до взятия его турками. Как известно, Рим спасли гуси, своим криком оповестившие караульных о приближении врагов. А Константинополь, «второй Рим», был однажды спасен, согласно преданию, благодаря месяцу, неожиданно появившемуся в разрыве облаков на ночном небе и осветившему подкрадывавшихся к крепостной стене вражеских воинов.

Самые, казалось бы, что ни на есть турецкие обычаи исходят из античности. Турецкая баня *хамам*, баня сухого пара, перешла к туркам через византийцев от римлян. Это те же древнеримские термы. В Пергаме, древнем анатолийском городе-государстве, увлекались особой борьбой: борцы натирали тело оливковым маслом, чтобы сопернику было труднее произвести захват. Теперь это – один из видов национального спорта у турок – *яглы гюреш* (смазанная маслом борьба). Обувь по-турецки – *кондура*. Не от древнегреческих ли котурн происходит это слово?

В этногенезе турок можно выделить два параллельных, но шедших в противоположных направлениях процесса: ассимиляцию местного оседлого населения и аккультурацию пришлых кочевых племен. При языковой ассимиляции возобладал язык тюрков, правда сильно изменившийся под воздействием местной лексики. При культурной ассимиляции – аккультурации, наоборот, преобладающее влияние было за культурой малоазийских народов.

Перейдя к оседлости, освоив высокоразвитое земледелие, тюрки переняли у них навыки хозяйства, выработан-

ные за тысячелетия и приспособленные к локальной географической среде, заимствовали их материальную, а частично и духовную культуру.

Однако наибольшее влияние на культуру турок, особенно на их быт, оказал ислам, ставший религией многих тюркских племен.

ГЛАВА 4

МУСУЛЬМАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Ислам возник в начале VII в. среди арабов Аравии. Проповедником новой религии был Мухаммед, живший здесь в 570–632 гг. Его проповеди и наставления составили Коран, священное писание мусульман. Считается, что эта книга – слово Аллаха, переданное Мухаммеду через архангела Джебраила. Коран разделен на суры (главы), которые содержат различное число аятов (стихов).

Укоренившись в Аравии, ислам стал знаменем арабской экспансии за ее пределы, в итоге которой был создан халифат, огромная теократическая монархия, распространившая власть на многие страны Азии, Африки и Европы. Не стал исключением и Туркестан, основной ареал обитания средневековых тюрков. Они были обращены в ислам и под водительством Сельджукидов, верных адептов этой религии, продолжили свое движение на Запад, в Малую Азию. Так ислам, вероисповедание сельджукских тюрков, обосновался в Анатолии, став затем и религией их потомков и наследников – османских турок.

Мусульманские богословы – алимы – составили на основе указании Корана и Сунны (предания о действиях и высказываниях Мухаммеда) свод правовых, нравственных, этико-бытовых норм и религиозных обязанностей мусульманина. Он называется «шариат» (правильный путь). Этот юридический и моральный кодекс во многом определяет поведение приверженца ислама.

Основной догмат мусульманской религии – единобожие (*таухид*, в турецком произношении – *тевхит*) – выражен формулой «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха». Она называется *шахада* (тур. *шехадет*), что означает «свидетельство». Произнося эти слова, мусульманин свидетельствует о принятии принципа монотеизма.

Исламское единобожие гораздо строже, чем христианское. Оно не допускает такого понятия, как троица (разделение Бога на три ипостаси). Коран предупреждает об этом неоднократно, например, «... Иса, сын Марйам (то есть, Иисус, сын Марии. – *Д. Е.*) – только посланник Аллаха... Веруйте же в Аллаха и Его посланников и не говорите – три!» (4:169); «...сказали христиане: Мессия – сын Аллаха... А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества» (9:30–31). Все цитаты из Корана даются в переводе И. Ю. Крачковского. Первая цифра – номер суры, вторая – аята.

Более абсолютно у мусульман и учение о предопределении – *кадер*. Оно доведено до полного фатализма, слепой покорности судьбе. «Что написано на лбу (*алын язысы*) у каждого человека, того ему не избежать», – говорят турки.

Остальная догматика ислама (*иман*) довольно проста и почти не отличается от предшествовавшей ей христианской. Вера во всемогущего, строгого, но справедливого Аллаха связана с представлениями о конце Света, Страшном суде и посмертном воздаянии – загробной жизни в раю или в аду, смотря по земному поведению.

Более сложна мусульманская культовая практика (*дин*). Она включает в себя пять основных обязательных требований – пять столпов религии (*дин эркяны*): произнесение и признание истинности шахады, совершение пять раз в день молитвы, соблюдение месячного поста, уплату благотворительного налога, участие в паломничестве в Мекку.

Молитва. Мусульманин должен пять раз в сутки молиться: на рассвете, в полдень, во второй половине дня, после захода солнца и в начале ночи. Обычай пятикратной

молитвы перешел к мусульманам от зороастрийцев, соблюдавших точно такое же расписание в своих молитвенных ритуалах.

Не случайно кроме арабского слова *салят* для обозначения молитвы есть и другое – иранское – *намаз*. Оно больше распространено именно в том регионе, где до ислама господствовал зороастризм – в Иране, Азербайджане и Средней Азии, откуда и было принесено тюрками в Анатолию.

Ислам нашел свой способ оповещения верующих о времени намаза. Если у христиан о начале церковной службы извещает колокольный звон, то у мусульман о часе молитвы оповещает своим пением муэдзин (тур. *мюэззин*). Выйдя на балкончик минарета, он громко, нараспев читает арабские стихи *эзана* (призыва к молитве): «Аллах велик! Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха. Свидетельствую, что Мухаммед – посланник Аллаха. Вставайте на молитву, идите к спасению. Молитва полезней сна». Последняя фраза произносится только перед утренним намазом. Стихи повторяются по нескольку раз и заканчиваются словами «Аллах велик! Нет бога, кроме Аллаха».

В наш век техническая революция не обошла и ислам. В городах призыв к молитве звучит из мощных динамиков соборных мечетей (*джами*), передается по радио и телевидению. На тонких стволах минаретов раструбы громкоговорителей вспухли, как грибы-наросты. Из них порой вырываются такие громовые раскаты, что приходится затыкать уши, если стоишь рядом. Зато дальность действия возрастает.

Новые мечети все чаще строят с минаретами без внутренней лесенки, по которой мюэззин поднимался на балкончик, опоясывающий минарет, чтобы пропеть эзан. Ее заменяет проводка от динамика к магнитофону, в который вставлена кассета с записью призыва к молитве, напетого одним из лучших исполнителей. И мюэззину не нужно утруждать себя подъемом по лестнице. Он ограничивается нажатием магнитофонной клавиши. А злые языки гово-

рят, что, включив магнитофон в утренний час, некоторые из этих священнослужителей лишь переворачиваются в постели на другой бок, пробормотав под нос: «Сон приятней молитвы».

Перед намазом обязательно омовение. «Когда встаете на молитву, то мойте ваши лица и руки до локтей, обтирайте голову и ноги до щиколоток», – сказано в Коране (5:8). Это – малое омовение. Турки называют его персидским термином *аб-дест* (дословно – «вода-рука»). Считается, что вода очищает не только от физического загрязнения, но и от моральной нечистоты. Омовение, например, необходимо после общения с иноверцами – гяурами. Это – большое омовение (*гусуль*), мытье всего тела.

Сакрализация воды, отношение к ней, как к чудодейственной субстанции, свойственно вообще жителям жарких стран, какой и является Аравия, родина ислама. Из этого отношения возникла целая мусульманская концепция чистоты как телесной, так и нравственной. «Чистота – половина веры» – эти слова, по преданию, принадлежат Мухаммеду.

К воде у турок особое, почти любовное, отношение. «Самый приятный звук для человеческого уха – журчание текущей воды», – гласит турецкая поговорка. Везде, в городах и деревнях, если есть возможность, устраивают *чешме*, художественно оформленные обрамления источника из которого течет вода. Ее подводят либо от родника, либо от водопровода.

Такое чешме можно видеть в Крыму, это – «Бахчисарайский фонтан». Словом «фонтан» перевели «чешме» французы, хотя это неверно. Из фонтана вода бьет вверх, а не вытекает естественным путем, как в данном случае. И для фонтана в турецком языке есть свое слово – «*фыскые*».

Кстати, еще два турецких слова вошли в употребление в России во французском оформлении. Это – сераль (гарем султана), так французы транскрибировали слово *сарай*

(дворец), и киоск (торговая палатка), во что они превратили слово *кёшк*, означающее «небольшой летний дворец».

Рядом с соборными мечетями находятся павильоны, где можно совершить омовение. Это – круглые или квадратные в плане, архитектурно украшенные небольшие каменные сооружения, внутри которых вдоль стен идет череда водопроводных кранов или же имеется маленький бассейн. В него сверху льется струя воды. Такой павильон называется *шадырван* – от персидского *шад реван* (весело журчащий поток), что опять-таки говорит об особом отношении турок к воде, о восприятии ее журчания как самого приятного звука.

Но вернемся к мусульманской концепции чистоты. Женщины должны совершать гусуль по окончании менструации и на сороковой день после рождения ребенка. Аб-дест обязателен после полового сношения, а также после отправления большой нужды.

В городах Турции кроме обычных европейских туалетов (*ала-франга*) есть и турецкие (*ала-турка*), в которых унитаз расположен вровень с полом, так как, по шариату, справлять даже малую нужду следует сидя на корточках. А в стене, слева от сидящего, имеется водопроводный кран для омовения (подмываться нужно левой рукой). Туалетная бумага в данном случае используется как полотенце. Там, где нет водопровода, ставят кувшинчик с водой.

Категорически не принимали мусульмане такое устройство, как писсуар. Когда в одном из провинциальных городков – Искилибе – власти открыли общественную уборную с писсуарами в мужском отделении, то, по требованию жителей, их пришлось демонтировать.

В Коране предусмотрены также случаи, когда рядом нет воды (географические условия, в которых возник ислам, опять дают о себе знать!) «А если вы... не найдете воды, то омывайтесь хорошим песком, – обтирайте им свои лица и руки» (5:9). Такое очищение называется *теммюм*. Поль-

зоваться же туалетной бумагой в прямом ее назначении у мусульман было не принято.

Намаз совершают не только в мечети, но в любом месте, где застал верующего ззан: крестьянин в поле, рабочий у станка, чиновник в кабинете. Требуется, однако, чтобы место было чистое, а молящийся стоял лицом по направлению к Мекке. Во время намаза произносят славословия Аллаху и Мухаммеду, шахаду, некоторые суры Корана. Каких-либо конкретных просьб к Богу молитва не содержит.

Намаз сопровождается комплексом телодвижений в такой последовательности: стояние с поднятыми к ушам руками, поясной поклон, коленопреклонение, простирание ниц, сидение поджав ноги. Затем молящийся должен встать и повторить этот комплекс (он называется *рекят*) несколько раз. Видимо, не зря некоторые мусульмане говорят о пользе намаза как своего рода производственной гимнастики. Совершать его предписывается на особом молитвенном коврике, он называется *седжжаде* или *намазлык*. Его стелют на пол потому, что, когда молящийся простирается ниц, он должен прижаться лбом к полу. В мечети такой коврик не нужен, там пол покрыт общим большим ковром, а при входе обувь снимают. Голова мусульманина во время намаза должна быть покрыта головным убором. Раньше для этого служили чалма или феска, но их ношение было запрещено после кемалистской революции. А кепки, бейсболки, фуражки, шляпы для этого не годятся: козырьки и поля этих уборов мешают касаться лбом пола. Теперь в Турции такую роль выполняет *такке* – легкая белая шапочка, молодежь же в городах молится и с непокрытой головой.

В Стамбуле, Анкаре, Измире и других мегаполисах мало кто обращает ныне внимание на призывы к молитве, хоть и усиленные громкоговорителями, мало кто молится положенное число раз. Ритм современной жизни внес коррективы в распорядок намазов.

Количество их обычно сокращают до двух – утреннего и вечернего. Днем в городе редко увидишь фигуру моля-

щегося. Хотя предприимчивые мальчишки при звуках эзана предлагают за умеренную плату большие листы оберточной бумаги – молитвенные коврики одноразового пользования. Многие шоферы, если пора намаза застает их в рейсе, лишь шепчут слова молитвы, слегка снизив скорость – не выходя из кабины, не делая предварительного омовения и положенных телодвижений. В деревнях же, в провинциальных городках все население продолжает традицию пятикратного намаза.

Кроме этого молебствования существуют и другие виды общения мусульманина с Богом: *дуа* – молитва, содержащая какую-либо конкретную просьбу к Аллаху, благодарственная или поминальная, ночные молитвы во время поста. Полуденная молитва в пятницу совершается в мечети, ей предшествует проповедь – *хутбе*, в которой трактуются не только религиозные или нравственные вопросы, но освещаются с позиций мусульманского духовенства и проблемы политические.

Пост. Соблюдать пост (арабск. *сыям*, тур. *оруч*) полагается в девятый месяц мусульманского лунного календаря. В арабских странах этот месяц называется *рамадан*, а в Турции, Иране, Афганистане, Пакистане несколько иначе – *рамазан*: арабская буква «дад», обозначающая особо акцентированное «д», в тюркских и иранских языках; а также в урду произносится как «з».

Определение начала рамазана по григорианскому календарю, как и других дат мусульманского летосчисления, сопряжено с определенными расчетами. Лунный календарь короче солнечного, каким является григорианский, почти на 11 дней. Это происходит оттого, что в основу исчисления положены разные астрономические периоды: в первом случае – лунный месяц, во втором – солнечный год. Лунный месяц, то есть время оборота Луны вокруг Земли, равен примерно 29,5 суток. Следовательно, лунный год содержит 354 дня (29,5×12), тогда как солнечный год (время оборота Земли вокруг Солнца) – примерно 365 дней. Поэтому все

даты лунного календаря, включая и сроки мусульманского поста, ежегодно сдвигаются, наступая, если определять их по григорианскому календарю, примерно на 11 дней раньше, чем в предыдущем году, и могут приходиться на любой из сезонов.

354 дня мусульманского календаря для удобства условно разделены следующим образом: 6 месяцев (нечетные) по 30 дней и 6 (четные) – по 29. Но чередование числа дней в месяцах в различных мусульманских странах не совпадает. Например, первый месяц – мухаррем – в одних странах содержит 30, в других – 29 дней. Не исключение и рамазан. Так, в Турции он равен 29 дням, а в Алжире и Афганистане – 30.

Помимо обычных лет по 354 дня мусульманский лунный календарь имеет и високосные годы, содержащие 355 дней. Тем самым приводится в соответствие начало календарного лунного месяца с новолунием, которое постепенно смещается, так как время оборота Луны вокруг Земли составляет, если говорить астрономически точно, не 29,5 суток, а 29 суток 12 часов 44 минуты 3 секунды. Иными словами, за каждый лунный год новолуние, полнолуние и другие фазы Луны отстают от дат лунного календаря приблизительно на треть суток. С течением времени эта разница могла бы стать настолько ощутимой, что сделалось бы полной бессмыслицей восточное поэтическое сравнение лица красавицы с «луной 14 дня месяца».

Високосные годы распределены по-разному в разных странах. В арабском тридцатилетнем календарном цикле високосных лет 11, а в турецком восьмилетнем – 3. К тому же, лишний день в високосном году турецкого цикла прибавляют как раз к месяцу поста – рамазану, удлиняя его с 29 до 30 дней.

Мусульманский календарь отсчитывает эру ислама от времени переселения Мухаммеда в 622 г. из Мекки в Ясриб, получивший в связи с этим арабское имя «Мадинат ун-наби» Город пророка), в турецком сокращении – Медина.

Это переселение называется хиджра. Такое же название получил и мусульманский календарь. Он был введен у арабов в 638 г. халифом Омаром (Омером), который определил, что первое число месяца, начинающего лунный год, приходилось на пятницу 16 июля 622 г. Эта дата и стала началом мусульманского летосчисления.

В турецком произношении названия месяцев лунного года хиджры выглядят так: *мухаррем*, *сафер*, *ребиюлеввель*, *ребиюльахыр*, *джемазиелеввель*, *джемазиельахыр*, *реджеб*, *шабан*, *рамазан*, *шевваль*, *зилькаде*, *зильхиджже*. В османское время рамазан имел и второе название – *шехр-и сыям* (месяц поста), чем подчеркивалась особая важность соблюдения этого третьего столпа религии.

Мусульманский пост своеобразен: целый день нельзя ни есть, ни пить. Запрещается также курить, нюхать что-либо съестное или приятное на запах. Единственное, что разрешено глотать, – это собственная слюна. Требуется также воздерживаться от всего, что может доставить удовольствие, например, от полового сношения.

Названия этого дневного поста происходят от слов, означающих светлое время суток: турецкое *оруч* – от согдийского *руч* (день), персидское *рузе* от иранского *руз* в том же значении. В свою очередь, от *рузе* произошло слово *ураза*, принятое у мусульман России для обозначения этого дневного воздержания.

Шариат излагает правила поста до мельчайших подробностей. Его нарушением считается не только намеренное введение или случайное попадание в рот, глотку, тем более в желудок малейшего количества пищи, воды или другой жидкости (включая собственную мокроту), а в горло – даже пыли, дыма или пара, но и принятие лекарств. Запрещены и медицинские процедуры, связанные с введением внутрь лечебных препаратов, – уколы, клизмы и т.п.

Особенно детально регламентировано воздержание от питья воды, что понятно, ибо в климатических условиях той природной среды, где возник и распространился ислам,

постившиеся больше всего страдали от жажды и жары. Шариат утверждает, что пост будет нарушен, если в дневное время слизнуть хоть каплю дождя, случайно попавшую на губы, или если окунуть голову в воду для спасения от перегрева.

Однако все перечисленные требования должны выполняться лишь днем.

В темное время суток, с вечера до утра, пост прерывается: можно есть, пить, курить, предаваться любым жизненным утехам. Коран так определяет суточное время поста: «Ешьте и пейте, пока не станет различаться пред вами белая нитка и черная нитка на заре, потом выполняйте пост до ночи» (2:183). «Разрешается вам в ночь поста приближение к вашим женам» (там же).

Так как Коран лишь приблизительно определяет суточное время поста, то теперь в мусульманских странах начало и конец дневного воздержания устанавливают с учетом географических координат – долготы я широты – для каждого города и района с точностью до минуты, о чем оповещается в печати, по радио и телевидению. Эти сроки (*имсак*) публикуют и в календарях лунной хиджры.

По преданию, когда Мухаммед учредил пост в рамадане, этот месяц приходился на декабрь, и день был коротким. Самый же длинный дневной пост случается, когда рамадан/рамазан выпадает на летние месяцы, особенно на июнь – июль, время наибольшей продолжительности светового дня. Так было в 1950 и 1983 гг., так будет и в 2016 г. В 1983 г. (1403 г. хиджры), високосном по турецкому восьмилетнему циклу, рамазан начался 12 июня и закончился 11 июля. Воздержание в эти дни в тех широтах, где расположены мусульманские страны, должно продолжаться примерно 16–18 часов. Однако если взять более высокие широты, то длительность светового дня по существу исключает здесь возможность соблюсти мусульманский пост в летний период.

В тех местах, где летом стоит полярный, день или хотя бы белая ночь, невозможно следовать предписанию Корана о посте, ибо белая и черная нитки различаются круглые сутки.

Как писал А. С. Пушкин, «когда я в комнате моей пишу, читаю без лампады, и ясны спящие громады пустынных улиц, и светла адмиралтейская игла».

Основатель ислама опять-таки исходил при регламентации дневного времени поста из географических условий Аравии и близлежащих стран, где не бывает белых ночей, да и летний день не такой уж длинный.

В шариате перечислены уважительные причины, по которым можно отступить от соблюдения поста. Он не обязателен для больных, престарелых и несовершеннолетних (правда, рекомендуется постепенно приучать детей к воздержанию от еды и питья, устраивая им несколько постных дней). От поста свободны беременные и кормящие грудью; последнее касается как матерей, так и нянь-кормилиц. Освобождены от него воины, участвующие в боях, а также те, кто в пути. Однако все, кто пропустил пост, за исключением детей, престарелых и неизлечимо больных, обязаны, когда отпадут эти уважительные причины, возместить свое упущение: «отпоститься» в любой другой месяц, кроме рамазана, или заплатить искупление раздачей милостыни. Долг возмещения лежит и на тех, кто, постясь, не выдержал и нарушил пост – съел или выпил что-нибудь в дневное время, допустил какое-либо иное отступление от правил воздержания. Такое нарушение искупается двойным постом, то есть аналогичным воздержанием в течение 60 дней. Искупительный пост можно, однако, заменить благотворительностью: либо кормить целый день 60 бедняков, либо 60 дней – одного бедняка.

Кроме, так сказать, телесного говения пост предписывает и нравственную воздержанность: в этом месяце особенно предосудительно браниться, врать, клеветать, богохуль-

ничать, оскорблять духовное лицо. Эти проступки делают пост недействительным и требуют двойного возмещения.

Каждый день до наступления рассвета мусульманин, который решил поститься, должен произнести формулу *ниет* – заявление об этом своем намерении – и просить Аллаха благословить и укрепить его в сем богоугодном деле. Иначе пост не будет считаться действительным.

В конце постного дня верующий должен вознести Аллаху слова благодарности. В свободное время в течение месяца рекомендуется читать Коран.

Ночью в мечетях после вечернего намаза происходят общие молебствования под руководством имама. Они называются *теравих* и состоят из двадцати рекятов. Общей ночной молитвой отмечается ночь с 26 на 27 рамазана – «ночь предопределения»(*кадер геджеси*), когда, по преданию, с неба Мухаммеду ниспослан был Коран.

Своеобразие мусульманского поста связано с его происхождением в определенных не только географических, но и исторических условиях. Арабы-язычники почитали в числе прочих божеств Луну. Один из месяцев – рамадан и был посвящен ночному светилу: по ночам, когда на небе сияла луна, в честь ее устраивали трапезы, а днем постились. (Луна считалась добрым божеством, а Солнце – «злым, выжигающим жизнь»). Сам месяц рамадан был священным, «запретным» – в это время должны были прекращаться военные действия, не совершались акты кровной мести. Существование поста до ислама подтверждает Коран: «Предписан вам пост, так же как он предписан тем, кто был до вас...» (2:179).

Рамадан по древнему арабскому лунно-солнечному календарю приходился на самое жаркое время года – июнь-июль. В этот период замирала вся жизнь и пост был логическим продолжением такого бездействия... Кстати, этимологически название «рамадан» восходит к слову *рамда* (зной).

Основная особенность лунно-солнечного календаря в том, что раз в несколько лет к 12 лунным месяцам до-

бавляется еще один – тринадцатый, восстанавливая таким образом разрыв между солнечным и лунным годом. О существовании на Ближнем Востоке лунно-солнечного летосчисления в древности известно из указов царя Вавилонии Хаммурапи (1792–1750 г. до н.э.). Однако Мухаммед выступил против добавления тринадцатого месяца: «Поистине, число месяцев у Аллаха – двенадцать. Вставка – только увеличение неверия, заблуждаются в этом те, которые не веруют; они разрешают это в один год и запрещают в другой, чтобы согласовать с тем счетом, который запретил Аллах» (9:36–37).

Наличие лунно-солнечного календаря у аравийцев косвенно подтверждают и названия двух других месяцев, перешедших в календарь лунной хиджры скорее всего из прежнего летосчисления. Их названия – *раби уль-авваль* и *раби ус-сани* – связаны со словами *раби* (весна), *рабаа* (пастись на весенней траве). Большая часть Аравии покрывается зеленой растительностью во время зимне-весенних дождей. Таким образом, эти месяцы могли соответствовать январю и февралю. В лунном же календаре они по счету третий и четвертый. Следовательно, рамадан, девятый по порядку месяц, мог приходиться на июль.

Во время рамазана в Турции соблюдается особый распорядок дня. В городах на час-полчаса до начала поста (летом – в два-три часа ночи, зимой – в пять-шесть утра) раздается бой барабана: специальный барабанщики обходят квартал за кварталом и будят правоверных, оповещая о том, что наступает время последней трапезы перед дневным говением – *сахур* (еда на заре), после чего начинается пост. А раз в неделю, уже днем, эти же барабанщики, прихватив с собой музыканта, играющего на дудке (*дюдюк*), совершают обход домов и под пронзительные звуки восточной музыки собирают с обывателей денежную мзду – *бахшиш* за свой еженощный труд.

В провинциальных городках постятся многие, в деревнях – почти все поголовно. В крупных городах говеющих

меньше. Те же, кто не соблюдает пост, стараются есть, пить и курить так, чтобы это не было на виду, не вызывало у постящихся раздражения. Днем большинство столовых, закусочных, харчевен, кофеен закрыто. Не торгуют даже палатки на базарах, где обычно можно купить пирожок, бутерброд или другую нехитрую снедь.

Известно, что в исламе существует «сухой закон» – запрет на употребление алкоголя. Он строго соблюдается в тех странах, где гражданское и уголовное право основано на шариате. Однако даже там, где сухой закон не слишком строг или вовсе упразднен государством, как в Турции, употребление спиртных напитков в рамазане крайне предосудительно. Владельцы магазинов и лавок убирают с полок на целый месяц водку, ликеры, вина, даже пиво. Все бары закрыты, бармены уходят в отпуск. А с экранов кинотеатров, с показа по телевидению в это время снимают все сколько-нибудь фривольные фильмы.

Вечером об окончании дневного воздержания оповещают в эфире все электронные СМИ. Начинается вечернее разговение – *ифтар*. Летом это около восьми, зимой – около пяти вечера. Все, кто постится, заняты в этот час едой. Улицы пустеют. На трапезу часто собираются компаниями: общий стол устраивают группы родственников, соседей, знакомых. Фабрики, другие предприятия, официальные учреждения в рамазане заканчивают работу на час раньше, чтобы дать возможность тем рабочим и служащим, которые соблюдают пост, успеть к вечерней домашней трапезе.

В зажиточных семьях в вечерние и ночные часы принимают гостей, потчуя их обильными угощениями. Богачи закатывают настоящие ночные пиршества, едят и веселятся до утра, а днем отсыпаются. В народе говорят, что за месяц поста толстяки становятся еще толще.

Радио и телевидение транслируют специальные вечерние передачи с молитвами и проповедями – программы *ифтар*. Но домашняя трапеза не носит сугубо религиозного характера. Это скорее обычное застолье, где беседуют

о будничных делах, обмениваются новостями, пересудами, шутками.

В городах вечера рамазана чем-то похожи на новогоднюю ночь. С наступлением темноты вспыхивает иллюминация. Электрические лампочки, висящие на проводах, натянутых между минаретами, образуют световые надписи, призывающие правоверных быть богобоязненными, добродетельными, не совершать греховных поступков. После окончания домашней трапезы народ высыпает на улицы. Кому по карману – продолжают застолье в шашлычных, кофейнях, закусочных. Менее состоятельные довольствуются прогулкой, в ходе которой покупают у уличных торговцев различную снедь.

Эти продавцы-разносчики освещают свои тележки и лотки кто керосиновой лампой, кто – свечой, кто – лучиной. Такие примитивные светильники странно выглядят на фоне электрической иллюминации, прожекторов, подсвечивающих купола мечетей, уличных люминесцентных фонарей. Бойко идет торговля фруктами, грецкими орехами, фундуком, миндалем, фисташками, семечками подсолнуха и тыквы, не говоря уж о всевозможных сандвичах и бутербродах. Прямо на своих тележках уличные торговцы жарят и пекут кукурузу, каштаны, различные лепешки, шашлыки, цыплят, а в приморских городах – рыбу и мидии.

Постепенно ночное оживление спадает. Народ расходится по домам: надо выспаться до заговенья – не успеешь поесть на заре, трудно тебе придется, если завтра ждет работа.

В современной жизни соблюдать пост особенно тяжело тем, кто работает на заводах, фабриках, строительстве, транспорте: трудиться натощак целый день в полную силу вряд ли кто может. Поэтому в крупных городах пост держат не все.

Последние дни рамазана посвящены генеральной уборке в жилых домах, учреждениях, общественных знаниях. Всюду стирают белье, моют полы, окна, двери. На улицах убирают мусор, красят стены домов. Кто может покупает

или шьет на заказ новую одежду, обувь. Это началась подготовка к празднику разговения, который завершает месячным пост и приходится на первые три дня *шевваля* – десятого месяца но мусульманскому лунному календарю. Все дни этого религиозного праздника – нерабочие, что признано – такова сила традиции – даже светским турецким государством. Турки называют его *кючюк байрам* («малый праздник») в отличие от праздника жертвоприношения, который называется «большим» – *бююк байрам*. У мусульман России он больше известен как *ураза байрам*.

Характерная черта этого праздника – поедание всевозможных сладостей: конфет, засахаренных фруктов и орехов, рахат-лукума, пирожных. Поэтому в Турции он имеет еще одно название – *шекер байрамы* («сахарный праздник» – то есть, сладкий).

Неудивительно, что такой байрам очень нравится детям. Тем более, что в эти дни их всячески развлекают, на площадях и пустырях устанавливают карусели, сооружают качели. Заезжие труппы бродячих актеров разбивают здесь свои балаганы и дают представления. В лавках продают дудки, свистелки, губные гармошки, трещотки, игрушки. Ребятишек катают по улицам городков в деревянных тележках, старых грузовичках, допотопных фиакрах. Вместе с детьми веселятся и взрослые.

По вечерам где-нибудь в тихом переулке провинциального городка бродячие кукловоды устраивают спектакли теневого театра. Фигуры кукол в этом театре делаются из полупрозрачного материала – промасленных кусков картона или кожи. Они ярко раскрашиваются и, когда их освещают фонарем или огромной керосиновой лампой, отбрасывают на стену или на натянутое полотно цветную полутень. Кукольник в то же время и рассказчик: по ходу действия он повествует о всех событиях и говорит за всех героев. Основные персонажи таких спектаклей – Карагёз, характерный герой из народа, наивный, добродушный, но не лишенный тонкого юмора, напоминающий небезызвестного

Ходжу Насреддина, и Хадживат, хвастливый болтун, вечно попадающий в смешное положение. Сам этот театр, детище турецкого фольклора, называется «Карагёз», по имени главного действующего лица.

В дни праздника идет обмен поздравлениям и визитами. На улице при встрече с соседями, знакомыми все поздравляют друг друга с окончанием поста, исполнением религиозного долга. Молодые люди приветствуют старших, целуя при этом у них руку. Друзья и знакомые ходят друг к другу в гости целыми семьями, обязательно прихватив с собой детей. Домашняя прислуга, портье, лифтеры, официанты рано утром поздравляют своих хозяев, выражают им свое почтение и преподносят небольшой подарок – коробку конфет или рахат-лукума. Подчиненные наносят визиты своим начальникам: кто – владельцу фабрики или директору завода, кто – мэру города, кто – шефу полиции, кто – председателю своей партийной или профсоюзной организации. И обязательно с подарком.

В последний день праздника семьями посещают кладбище, возлагают венки на могилы родственников и раздают милостыню нищим. В деревнях Общество благотворительности, а в городах муниципалитеты организуют раздачу вспомоществования семьям бедняков – муки, сахара, небольших сумм денег, делается это на средства, полученные от богачей, которые выплачивают по случаю разговения, согласно шариату, специальный налог-милостыню – *садакат уль-фитр*.

Паломничество. Каждый совершеннолетний мусульманин обязан, если он здоров и обеспечен материально, совершить хоть раз в жизни *хаджж*, то есть, посетить Мекку, священный город ислама. После этого он получает право на почетный титул *хаджжи*. Престарелый или больной богач может послать вместо себя наемного пилигрима – *беделли* (оплаченного), дав ему денег на дорогу, пропитание и проживание в мекканской гостинице. Но при этом слово «хаджжи» добавляет к своему имени не тот, кто фактически

побывал в Мекке, а тот, кто финансировал это паломничество.

В Мекку отправляются в начале двенадцатого месяца лунной хиджры. В связи с этим он и называется по-арабски *зу-ль-хиджжа* (обладающий паломничество). Священный город ислама можно посетить и в другое время года. Это – «малое паломничество» – *умрэ*. Но оно не так почетно, как хаджж. Пребывание в Мекке, а также в других городах Аравии – Медине, Таифе, которые также посещают паломники, длится около десяти дней. Основная масса пилигримов пользуется авиатранспортом, меньшая – прибывает водным путем. Тех и других принимает Джидда, воздушные и морские ворота Аравии. От Джидды до Мекки 72 км по отличному современному шоссе. Аэропорт в Джидде также построен по последнему слову техники. Он обошелся в 15 млрд. USD. Но затраты окупились быстро: в месяц паломничества сюда прибывает до 5 млн человек.

История мусульманского обычая посещать Мекку ведет свой отсчет с 630 г., когда Мухаммед побывал в этом городе после девяти лет пребывания в Медине и конфронтации с мекканцами. Тогда же он совершил ритуал поклонения Каабе, древнему храму, находящемуся здесь, включив таким образом этот языческий обряд в культ ислама.

Территория Мекки считается священной – «запретной» (*харам*). Прежде чем вступить на нее, паломник должен привести себя в состояние «освящения» (*ихрам*). Он совершает омовение всего тела – *гусуль*, облачается в особое одеяние, которое тоже носит название *ихрам*. Оно состоит из двух кусков ткани; один служит поясной одеждой и оборачивается вокруг бедер – получается нечто вроде юбки до колен или чуть ниже. Другой кусок закрывает грудь и левое плечо, концы его завязываются под мышкой на правом боку – это нечто вроде шали. Оба куска не должны иметь швов – «не знать, что такое игла». Подобная одежда существовала у арабов до ислама. Голова остается непокрытой. Обувью могут быть только сандалии. В состоянии ихрама

нельзя стричься, бриться, обрезать ногти, пользоваться благовониями, духами, одеколоном, кремами.

Вместе с мужчинами в хаджж могут отправляться их родственницы. Родство должно быть удостоверено документами. Одежда паломниц полностью закрывает фигуру, покрывает голову, чтобы не было видно волос. Открытыми остаются только кисти рук и, как ни странно, лицо. Последнее, видимо, связано с тем, что до ислама арабки (как и сейчас бедуинки) не знали чадры.

К приему паломников готовятся не только власти и духовенство Мекки, но все жители. На время хаджжа она превращается в гигантский постоялый двор. Гостиниц не хватает, и пилигримов принимают в частных домах. На окраинах вырастают палаточные городки. Паломничество сопровождается ярмаркой. В Мекку съезжаются купцы, предприниматели, другие представители мусульманского делового мира, между ними идут переговоры, совершаются сделки.

Толпы паломников в белых одеяниях ихрама стекаются, словно молочные реки, к мекканской мечети – «запретной», или «неприкосновенной» – Аль-масджид уль-харам, расположенной в центре города. Во дворе мечети – Кааба и священный колодец Земзем. Паломники совершают *таваф* – обходят Каабу семь раз. В одну из ее стен вделан «Черный камень» – Аль-хаджр уль-асвад, по преданию, упавший с неба, возможно, метеорит. Каждый стремится поцеловать его или, если это невозможно из-за большого скопления народа, хотя бы дотянуться до него рукой... Затем начинается обряд бега между холмами Сафа и Марва. По преданию, мать Исмаила, прародителя арабов, Хаджар бегала здесь в поисках воды, пока не нашла колодец Земзем.

Церемонии хаджжа растягиваются на несколько дней. Девятого зильхиджже паломники идут в долину Арафат, где, по преданию, стоял пророк в последний приезд в Мекку... В память об этом они здесь постятся до рассвета следующего дня, после чего переходят в долину Мина, где раньше стояли языческие идолы. Набрав по пути камней,

они бросают их в те места, где эти изваяния находились. Считается, что там теперь прячется шейтан (сатана). Затем приступают к торжественному закланию жертвенных животных. Так начинается самый большой мусульманский праздник, праздник жертвоприношения, отмечаемый мусульманами повсюду 10-го зиль-хиджже.

После жертвоприношении паломники стригут волосы и ногти (женщины при этом отрезают у себя небольшой локон) и закапывают их в землю. Этим ритуальным действием начинается освобождение от состояния ихрама. Затем все возвращаются к мекканской мечети, обходят Каабу, холмы Сафа и Марва. Ихрам снимается, хаджж закончен.

Многие паломники посещают и Медину, чтобы поклониться гробнице Мухаммеда.

Когда вернувшийся домой паломник, уже с титулом хаджжи, переступает родной порог, в семье режут жертвенного барашка, устраивают торжественную встречу.

Праздник жертвоприношения. Мекканское святилище Кааба почиталось арабскими племенами задолго до возникновения ислама. Именно здесь скотоводы Аравии приносили животных в жертву богам, молились о сохранении своих стад, ниспослании богатого приплода. Такие обряды характерны вообще для многих скотоводческих культов: их широко практиковали, например, индоарии, скифы, другие пастушеские народы. После принятия ислама арабы стали совершать свои жертвоприношения в Мекке в десятый день месяца зуль-хиджжа, что вначале было связано непосредственно с посещением Каабы. Однако когда ислам распространился за пределы Аравийского полуострова и утвердился во многих странах Азии и Африки, хаджж для мусульман, жителей государств, удаленных от Аравии на огромные расстояния, оказался слишком трудным и дорогостоящим предприятием. Тогда было предписано кульминационную часть обряда паломничества – жертвоприношение – исполнять по месту жительства или там, где застанет правоверного десятый день месяца зиль-хиджже. Так возник глав-

ный мусульманский праздник, который в Турции называется *курбан байрамы* (*курбан* – жертва) или *бююк байрам* («большой праздник», в отличие, как отмечалось выше, от «малого» – праздника разговения). Основное содержание этого байрама – жертвенное заклание животного: каждый состоятельный мусульманин режет сам или просит зарезать овцу, козу, быка или верблюда, смотря по средствам, и раздает мясо, главным образом, беднякам, а также угощает им соседей, знакомых, родственников, ну и сам ест вволю.

Этот праздничный обряд связан с древней легендой. Праотец арабов и других семитов Ибрахим (Абрахам) был так предан Богу, что беспрекословно выполнял все его повеления. По его воле он прогнал в пустыню любимого сына Исмаила и его мать – рабыню Хаджар. Всевышний не дал, однако, погибнуть им от жажды: в пустыне они нашли тот самый Земзем. Но Бог послал еще одно испытание: повелел принести в жертву Исмаила. Когда же покорный Ибрахим уже занес нож над своим чадом, то вместо него под ударом оказался агнец. И отец с сыном зарезали этого ягненка. Прошли годы, и Ибрахим с Исмаилом, продолжая преданно служить Богу, построили в Мекке Каабу.

Мусульманская легенда о несостоявшемся жертвоприношении отцом сына полностью совпадает с древнееврейской. Библия повествует об аналогичном эпизоде, происшедшем с Авраамом (Абрахамом) и его сыном Исааком (Йицхаком). Это – два варианта одной и той же общесемитской истории. Версия о происхождении арабов от Ибрахима (Абрахама) через линию Исмаила отразилась в христианской литературе, например, в византийской. Арабы-мусульмане именуются в ней исмаилитами или по имени его матери Хаджар (библейская Агарь) – агарянами.

Города в мусульманских странах накануне праздника напоминают животноводческие ярмарки: по улицам вереницей тянутся гурты мелкого и крупного рогатого скота, шествуют верблюды. Весь этот скот продают на специально

отведенных площадях. Животных забивают много: в Турции – более 3 млн голов.

В это время всюду блестят остро отточенные ножи. Иногда скот режут прямо на улицах; кровь льется на землю, образуя красные лужицы. Часто еще живые овцы, привязанные к дереву или столбу, равнодушно смотрят на уже мертвую, с отрезанной головой. Зрелище не для вегетарианцев и защитников прав животных.

Празднование длится четыре дня, которые во всех мусульманских странах нерабочие. Всюду готовят мясные блюда, устраивают многолюдные и обильные трапезы. Бедный люд ест досыта, а богатеи раздачей дарового мяса искупают свои грехи и успокаивают совесть.

Скот приносят в жертву не только в праздник. Мусульманин закалывает барашка и раздает мясо правоверным, надеясь, что в награду за это богоугодное дело Аллах поможет ему поправить пошатнувшиеся дела, исцелит его захворавшего домочадца, обеспечит сыну успех на экзаменах...

Приедет в богатую семью желанный гость – зарежут ягненка и кровью жертвы помажут приезжему лоб. Удастся бизнесмену провернуть выгодное дельце – снова барашек идет на заклание во славу Аллаха. При начале строительства частного жилого дома или крупного государственного предприятия мулла обязательно заколет ягненка, повернув его головой к Мекке, окропит кровью камни фундамента и прочтет молитву. На торжественной церемонии пуска в эксплуатацию любого объекта – от элеватора до ГЭС – не только разрезают по европейскому обычаю ленточку у входа, но и режут, по традиции воздав хвалу Аллаху, двух-трех баранов.

Вообще, пожертвование скота считается весьма благим делом: чем больше таких жертв принесет мусульманин при жизни, тем легче ему будет после смерти попасть в рай, перейдя перекинутый над пропастью ада мост Сират, тонкий, как волос, острый, как меч. Согласно поверью, те животные, которые были принесены в жертву, поддержат его с боков

моста во время этого перехода и не дадут упасть в адскую бездну. Такой мост, ведущий в рай, как и вера в душеспасительную силу пожертвованных животных, существовала еще в религиозных представлениях зороастрийцев.

Так древний скотоводческий культ умилостивления богов закланием скота трансформировался в исламе в магический обряд и стал характерной чертой мусульманской обрядности.

Памятные ночи. В исламе многие торжественные и памятные даты отмечаются в ночное время. В этом тоже, видимо, сказались климатические условия жаркой Аравии. Кроме ночи предопределения (*кадер геджеси*), отмечаемой в ночь с 26 на 27 рамазана, празднуются ночь зачатия Пророка (*регаиб геджеси*) с 5 на 6 реджеба, ночь его рождения (*мевлюд геджеси*) с 11 на 12 ребиюлеввеля, ночь его путешествия на небо (*мирадж геджеси*) с 26 на 27 реджеба, ночь откровения Мухаммеду его пророческой миссии (берат геджеси) с 14 на 15 шабана.

Обычай отмечать дату рождения Пророка возник под несомненным влиянием христианского Рождества. В эту ночь в мечетях идут коллективные молебствования, на прилегающих улицах раздают милостыню нищим. Правда, ортодоксальные мусульманские богословы не признают этого праздника, считая его проявлением обожествления Мухаммеда, что противоречит строгому принципу единобожия.

Более сложно происхождение легенды о *мирадже* – вознесении пророка на небеса. В Коране говорится только о ночном переносе (*аль-исра*) Мухаммеда из мекканской мечети в иерусалимский храм (17:1): «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной (Аль-масджид уль-харам) в мечеть отдаленнейшую (Аль-масджид уль-акса)». В этой же суре (аят 62) сказано: «И Мы (т.е. Аллах. – *Д. Е.*) сделали то видение (в арабском тексте употреблено слово «руя», означающее видения и во сне, и наяву. – *Д. Е.*), которое показали тебе, только искушением для людей...»

Этот рассказ расцвечен весьма живописными подробностями. Согласно ему, в ночь на 27 реджеба Мухаммед был разбужен архангелом Джебраилом, который явился к нему с крылатым белым конем, по имени Бурак (Молниеносный). На нем пророк в мгновение ока перелетел в Иерусалим, где встретился со своими предшественниками – Моисеем и Иисусом и предстоял на их молитве. Затем он вместе с Джебраилом по лестницам, спускавшимся с каждого из семи сводов небес, поднялся к престолу Аллаха и беседовал с ним. Во время этой встречи Всевышний успел сказать ему 99 тысяч слов. Причем все произошло настолько быстро, что, вернувшись домой, Мухаммед нашел свою постель еще не остывшей, а кувшин, который он опрокинул при выходе, еще не опорожнившимся от воды.

Под скалой, на которой стоял пророк в Иерусалиме, образовалась пещера. Над ней в 686–691 гг. построили мечеть Кубат ус-сахра (Купол скалы). Она стала еще одной из святынь ислама.

Предание о мирадже возникло, скорее всего, под влиянием христианского мифа о вознесении на небо Иисуса: в мусульманской легенде говорится, что Мухаммед поднялся на небо с того места, где был распят Христос.

Эта легенда прочно утвердилась среди мусульман, хотя сам Мухаммед был против того, чтобы ему приписывали способность вершить всяческие чудеса, вроде тех, что Евангелие интерполирует в жизнеописание Сына божиего, и утверждал, что, хотя он и посланник Аллаха, но при этом – обычный человек. И шахада свидетельствует, что Мухаммед прежде всего – раб Аллаха и только потом его посланник (*абдуху ве ресулюх*).

Три месяца, на которые выпадает большинство ночных торжеств и памятных дат, – реджеб, шабан, рамазан – считаются священными. Детям, родившимся в это время, мусульмане часто дают имена по их названиям. Эти антропонимы попали и в русские фамилии, например, Резепов, Шабанов, Рамазанов.

Благотворительный налог. В число пяти столпов ислама входит также сбор средств с богатых членов мусульманской общины для распределения их между бедняками. С этнографической точки зрения, это трансформированный обычай родо-племенной взаимопомощи, В Коране такая дача средств названа «очищением» (*зекят*): богач как бы очищается перед Аллахом от греха чрезмерного богатства. Зекят предписан и шариатом, который подробно излагает его размеры и способы взимания. Собирают его раз в год в определенные сроки по мусульманскому календарю. В него не входят подаяния типа милостыни (*садака*).

Зекят составляет одну сороковую, то есть 2,5% стоимости имущества. Платить его обязаны те, чье достояние достигло определенного размера, который называется *нисаб*. Во времена Мухаммеда он равнялся 84 г золота, что было эквивалентно цене 5 верблюдов или 230 кг пшеницы. Ныне он обычно равен месячному доходу в 1 тыс. USD.

С имущества, превышающего нисаб, налог рассчитывается по прогрессивной шкале. Например, при нисабе, равном стоимости 200 верблюдов, он исчисляется в цене 4 молодых верблюдиц, а при равном 250 верблюдов – уже в цене 5 верблюдиц. И так дальше: с каждой полусотни, превышающей и это число, дополнительно берется стоимость одной верблюдицы.

В Турции зекят является добровольным пожертвованием и принято раздавать собранные для него средства малоимущим семьям по случаю рождения у них ребенка, свадьбы или похорон. Власти также направляют часть пожертвований в Общество красного полумесяца, Общество защиты детей и фонды вспомоществования беднякам. Кстати, по этим же адресам отправляют и шкуры животных, зарезанных в праздник *курбан байрамы*.

Запреты и предписания. Ислам содержит ряд пищевых запретов. В общей форме они изложены в Коране: «Запрещена вам мертвечина, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото с призыванием не Аллаха, и удавленная, и уби-

тая ударом, и убитая при падении, и забоданная (скотина. – *Д. Е.*), и то, что ел дикий зверь...» (5:4).

Происхождение запрета на употребление в пищу мяса павших животных – «мертвечины» – понятно: это элементарные гигиенические предосторожности. Запрещение же относительно крови объясняется давними, еще доисламскими традициями. В древности почти у всех народов было особое отношение к крови: считалось, что она обладает какими-то сверхъестественными свойствами, поддерживающими жизнь: ведь обильное кровотечение всегда приводило живое существо к смерти. Отсюда произошла вера в то, что кровь может иметь и магическую силу, которая способна нанести вред человеку.

Убеждение о вредоносности крови вылилось у семитских народов в целый ряд запретов и ритуальных действий, связанных с убоем животных и приготовлением мясной пищи. Так, в иудаизме кровь рассматривается как душа живого существа: «...не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет ее есть, истребится» (Лев. 17:14). Или такое высказывание: «Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа; не ешь души вместе с мясом. Не ешь ее; выливай ее на землю, как воду» (Втор. 12:23).

По правилам иудаизма скот должны забивать специальные резники – *шойхеты*; при этом кровь из туши зарезанного животного должна истечь максимально. Правоверные евреи употребляют в пищу только обескровленное, так называемое кошерное мясо. Иное мясо считается нечистым – *трефным*.

Эта общесемитская традиция сохранилась и в исламе. Шариат требует, чтобы при забое животного полностью разрезались четыре большие жилы на шее. После убоя животного, пока еще двигаются его конечности, необходимо держать тушу на весу, чтобы лучше стекала кровь.

Именно по той причине, что кровь осталась в теле животного, запрещает Коран употребление в пищу удавленной, убитой ударом или забоданной скотины.

Отношение к крови как к чему-то нечистому, проявляется и в таких, например, запретах шариата: если при приготовлении пищи в нее попала кровь, пища становится нечистой; если во время дойки в молоке оказалась кровь, оно тоже считается нечистым. Шариат предостерегает даже против проглатывания собственной слюны, если в ней кровь из десен.

Запрещено «то, что заколото с призыванием не Аллаха». Это ограничение направлено было против многобожников, которые резали скот, провозглашая языческие заклятья, а также против иудеев и христиан, произносивших при этом свои сакраментальные формулы. И вот, по шариату, конкретизировавшему указания Корана, животное перед убоем должно быть повернуто головой к Мекке, а приближая нож к его горлу, необходимо сказать «Бисмиллях!» – «Во имя Аллаха!»

Если соблюдены правила «обескровленного» забоя и при этом исполнен мусульманский религиозный ритуал, то мясо такого животного считается дозволенным – *халяль* – для употребления в пищу, если нет – то запрещенным – *харам*.

Очень строго соблюдается в исламе запрет на свинину. Рационально мыслящие мусульмане обычно объясняют его тем, что есть это мясо, обильное жиром, вредно в жарком климате. Считается также, что свиньи в южных странах больше подвержены опасному для человека заболеванию – трихинеллезу. Однако данные объяснения беспочвенны. Немусульманское население жарких и даже тропических зон употребляет в пищу свинину без вредных последствий для здоровья.

Причина гонений на свинину кроется в другом. Кочевники никогда не разводили свиней. Это сугубо «оседлые» домашние животные. Кстати, для археологов находка костей домашней свиньи при раскопках – первый и безусловный показатель прочной оседлости. Арабы – создатели ислама – были кочевым народом. Свинья была для них непривыч-

ным животным. Даже чуждым, связанным с иным – часто враждебным – оседлым миром, и запрет на свинину существовал у них до ислама. Иудаистский запрет на свинину также имеет свои корни в кочевом скотоводстве: предки евреев были кочевниками.

В Турции для того, чтобы исключить опасения мусульманина в отношении риска употребить в пищу свинину, на товарных этикетках, например, колбасы, есть такие разъяснения: «Данное колбасное изделие приготовлено из высококачественной телятины. Животное было зарезано по мусульманскому обычаю. Ни в одном из наших продуктов не используется ни мясо, ни жир свиньи». То есть, полный халяль!

В исламе имеются и, так сказать, «полузапреты» на употребление в пищу мяса некоторых других животных. Так, шариат порицает, но не запрещает полностью, есть мясо осла, мула, а также конину. Сходное положение существует в иудаизме. «Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте» (Лев. 11:3).

Иначе говоря, по древнееврейской традиции можно употреблять в пищу мясо крупного и мелкого скота, верблюда: это парнокопытные и жвачные животные. У свиньи копыта тоже раздвоены, но она не жует жвачку, а у лошади, осла и их гибридов – мула, лошака копыта не раздвоены, хотя они и жуют жвачку.

У некоторых мусульманских народов эти общесемитские предписания соблюдаются строго. Например, арабы, персы, турки не едят конины, не пьют и кумыса. Однако те народы, у которых издревле было развито кочевое скотоводство, это предписание шариата игнорируют, несмотря на давнее распространение у них ислама. К примеру, татары, казахи, киргизы, башкиры считают конину одним из лучших видов мясной пищи, а кумыс у них – излюбленный напиток.

Ислам и алкоголь. Широко известно, что в исламе существует «сухой закон». Его происхождение также имеет свою историю.

Ислам и алкоголь – слова арабские. Но они, как и реалии, ими обозначаемые, находятся в состоянии известного антагонизма. Религия, налагающая вето на винопитие, создана арабами, но и спирт-ректификат получен впервые тоже арабами. Химическую субстанцию, получившую название «алкоголь», иначе – винный спирт, этиловый спирт, этанол выделили в чистом виде арабские алхимики.

Шариат возводит «сухой закон» в один из основных принципов поведения мусульманина в быту. Один приведенный в нем хадис гласит: «Вино – источник грехов. Тот, кто выпил вина, теряет разум. Он не знает Бога, не признает ничьих прав, никого не уважает, даже своих родных и близких, легко совершает дурные поступки. Дух веры и благочестия покидает его, дух мерзости и порочности вселяется в него. Его проклинают Бог, ангелы, пророки и правоверные. Сорок дней его молитвы не будут услышаны. В день Страшного суда лицо его будет черным, язык – свисать изо рта, слюна – течь на грудь...»

Почему и как возник в исламе запрет на спиртное? Исторические факты освещают происхождение этого табу, его истинные причины и противоречивость отношения ислама к употреблению спиртных напитков.

В те времена, когда Мухаммед только начинал свою проповедь новой религии, то есть примерно на рубеже VI и VII вв., арабам было знакомо и производство и потребление вина. И «сухого закона» у них не было. Об этом прямо свидетельствует Коран: «Из плодов пальм и лоз вы берете себе напиток пьянящий» (16:69). Иными словами, арабы – современники пророка – знали финиковое и виноградное вина и не знали запрета на их употребление. Больше того, винопитие для них было, видимо, любимым удовольствием. Об этом свидетельствует кораническое описание рая,

который будет наградой праведникам в загробной жизни: вино, текущее в нем рекой, явится одной из составляющих воздаяния за их праведность.

Мусульманский рай живописуется Кораном как огромный вечно плодоносящий сад, полный всяческих земных благ, чувственных утех и вкусовых удовольствий. Гурии – прекрасные юные девы – ожидают там правоверного, лежа «на зеленых подушках» в шатрах, стоящих по берегам четырех рек – «реки из воды не портящейся», «реки из мёду очищенного», «реки из молока, вкус которого не меняется» и «реки из вина, приятного для пьющих» (47:16–17; 55:46–76). Это противоречие в исламе по отношению к вину заметил Омар Хайям, сочинивший по сему поводу такое четверостишие:

Говорят, что в раю будут гурии, мед и вино.
Говорят, все услады в раю нам вкусить суждено.
Значит, быть и сегодня с любимой и чашей не грех,
– ведь в итоге к тому же придем все равно.

Перевод Н. В. Стрижкова

Все эти потоки, «приятные для пьющих», имеют общий эпитет – *кевсер*: *кевсер сую* (вода кевсер), *кевсер шарабы* (вино кевсер). В турецком языке данное слово употребляется, когда хотят выразить восхищение каким-либо напитком. «Как кевсер», – говорят в таких случаях.

Однако в проповедях посланника Аллаха имеется и четко выраженное негативное отношение к винопитию: «Вино... – мерзость из деяний сатаны. Сторонитесь же этого» (5:92). Это предписание, идущее вразрез с обещанием райской реки, полной вина, как своего рода божественного дара, появилось, видимо, позже, когда пьянство среди арабов, принявших в большинстве ислам, стало мешать выполнению ими религиозных обязанностей, в отношении чего Пророк был исключительно строг.

Как отмечалось выше, намаз, совершаемый пятикратно в течение суток, сопровождается комплексом телодви-

жений, которые в своей строгой последовательности составляют так называемый рекят. В каждом из них имеется поясной поклон, вставание на колени, поклон до земли, стоя на коленях, и простирание ниц. Затем нужно встать и повторить все сначала, так как молитва должна состоять из нескольких рекятов. Ясно, что в состоянии опьянения все эти телодвижения с их строгим и четким порядком выполнить просто невозможно. Поэтому в Коране появилось такое предупреждение: «О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны...» (4:46).

Пьянство мешало исполнять и другую, самую важную в период арабских завоеваний, обязанность мусульманина – участие в джихаде, войне против немусульманских народов. Вот эти-то отступления от религиозного долга и вызвали гнев Пророка, послужили основной причиной порицания им пьянства.

Отношение ислама к алкоголю еще более осложнилось после того, как арабские алхимики открыли, возможно, совершенно случайно, технологию производства этилового спирта в чистом виде. Алхимия возникла в III–IV вв. н.э. в Египте, задолго до появления там арабов. Само название «алхимия» происходит от греческого слова «химия», к которому арабы добавили артикль «ал-». Овладев греческим наследием в этой области науки (через египетских и сирийских ученых), арабы развили его дальше в технологическом отношении. Главным устремлением алхимиков были поиски методов превращения обычных металлов в золото, отыскание эликсира долголетия и универсального растворителя. У арабов алхимия получила широкое распространение в VIII–X вв., в багдадском халифате. В попытках найти несуществующие субстанции алхимики совершили много неожиданных открытий, разработали ряд приемов лабораторной техники, в частности изобрели способ разделения жидких смесей на фракции путем испарения и конденсации образующихся паров, то есть дистилляцию, а говоря попросту, сконструировали «самогонный» (точнее – пере-

гонный) аппарат. При перегонке сброженных жидкостей, содержавших углеводы, и был получен спирт, алкоголь, по-арабски *ал-кухуль*. Это произошло не ранее VIII в., до той поры человечество не знало спирта в более или менее чистом виде, а, следовательно, и водки и других высокоградусных спиртных напитков: натуральные вина, если их не крепить искусственно добавлением спирта, обычно содержат не больше 14,5% алкоголя.

От лабораторных опытов до строительства первых винокурен прошел какой-то срок, после чего началось производство крепких спиртных напитков для продажи. Это зелье типа водки получило у арабов название *арак*, что имеет первоначальное значение «испарина» (т.е. дистиллят, продукт перегонки). И здесь возникло еще одно непредвиденное обстоятельство, касающееся исламского «сухого закона». В Коране запрет наложен только на вино (*хамр* по-арабски), про арак там нет ни слова. Это и понятно: Коран составлен задолго до изобретения способа получать арак. В Коране говорится только о натуральных винах, производимых на основе простого брожения виноградного сока или настойки из фиников. Кстати, *хамр* означает также «закваска», «дрожжи» (от глагола *хамара* – сбраживать, заквашивать). Вот почему арак, а позже водка, коньяк, виски приобрели во многих мусульманских странах гораздо большее распространение, чем вино. Питье арака и других, равных ему по крепости напитков, как бы открывало лазейку для любителей спиртного в обход коранического запрета. Араком в мусульманских странах называют не чистую, а анисовую водку крепостью 45 градусов. Пьют ее, разбавляя водой, отчего она приобретает мутно-серую или молочно-белую окраску: анисовое масло не растворяется в воде, образуя эмульсию. Турки переиначили слово *арак* в *ракы*, откуда происходит балканское название этого напитка – ракия.

Мусульманская элита, как правило, не придерживалась запрета на спиртное, оставляя его обязательным для ря-

довых мусульман. В VIII в. для избранного круга создается даже особый жанр «застольной поэзии», воспевающей обильные возлияния. Создателем этого жанра считается арабский поэт VIII в. Абу Нувас. О пьянстве исламской верхушки пишет в своей «Книге назидания» арабский автор VII в. Усама ибн Мункыз. Про ночные пьяные застолья султана Махмуда Газневи (998–1030) подробно рассказывает в своем сочинении «Сиясет-намэ» сельджукский везир Низам аль-Мульк. А турецкий султан Селим II (1566–1574) даже вошел в историю под прозвищем Мест (Пьяница), ибо ничем другим, кроме беспробудного пьянства, не прославился. Умер он от того, что, будучи хмельным, разбился при падении в бане собственного гарема.

Несоблюдение запрета на вино в мусульманских странах отмечали европейские путешественники. Так, А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» пишет, что в столице Османской империи отошли от многих канонов ислама, в частности, касающихся винопития.

Он вложил в уста поэта-янычара стихи:

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока лукавый Запад омрачил.
Стамбул для сладостей порока мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от пота битвы и пьет вино в часы молитвы...»

Но в провинциальном Арзруме (современный Эрзурум) по-прежнему чтут и исполняют заповеди пророка.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.
Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят;
Гаремы наши недоступны,

Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены там сидят.

В настоящее время запрет на вино строго соблюдается лишь в тех мусульманских государствах, где многие юридические нормы основаны на шариате, например, в Саудовской Аравии. Там за пьянство наказывают публичной поркой, а за продажу или ввоз в страну алкогольных напитков предусмотрены суровые кары, вплоть до смертной казни.

В Турции же, после кемалистских реформ 20–30-х гг., отделивших религию от государства, этот запрет юридически и практически не действовал. В городах резко возросло число ресторанов, кафе, бистро – заведений европейского типа с большим выбором алкогольных напитков от импортных коньяка, виски, водки до местных вин и ракы. Сам Кемаль Ататюрк, президент Турецкой Республики, часто устраивал в своей резиденции ночные застолья со своими единомышленниками, где ракы и водка текли рекой. По инициативе Ататюрка в Анкаре был построен пивной завод, а также начали выпускать водку и коньяк местного производства, получившие «турецкие» названия «вотка» и «канйак».

Однако с приходом к власти исламистов в 2002 г. «сухой закон» стал строго соблюдаться в правительственных кругах и среди чиновников, а также в тех городах и районах, где муниципалитеты возглавили исламисты. Но большинство турок, прежде всего городская интеллигенция и молодежь, его игнорируют.

Обрезание. Из всех предписаний ислама, которые наиболее строго соблюдаются населением мусульманских стран, – это обряд обрезания. Для широких масс мусульман, мало искушенных в тонкостях исповедания веры, обрезание, наравне с воздержанием от свинины, стало главным, чуть не единственным критерием принадлежности того или иного человека к религии Мухаммеда.

Этот обряд – очень древняя доисламская традиция. В Коране о нем нет ни слова: значит, он был настолько общепринятым у арабов, что и провозглашать его каноном новой веры не имело смысла.

Обрезание практиковали задолго до ислама многие народы – не только арабы, но и евреи, древние египтяне, эфиопы. О его существовании у последних двух народов сообщает Геродот. Бытует оно и у африканских племен, незнакомых с исламом.

Обряд обрезания связан с языческим ритуалом – инициацией, которая и поныне играет важную роль у народов тропической Африки. Инициация знаменует переход от детства к зрелости: юноша становится полноправным членом племени, воином и охотником. Во время инициации он подвергается испытаниям на мужественность. Обрезание и нанесение разного рода ран (надрезы, татуировка) – неотъемлемая часть испытательной церемонии. Но инициация не сводится только к экзаменам на болевую выносливость. Это и воспитательный акт. Накануне юношей обучают правилам поведения, навыкам охоты, посвящают в тайны ремесла и военного дела.

В исламе возраст мальчиков, над которыми совершают обряд обрезания, точно не определен. Он колеблется от семи дней до пятнадцати лет. В Турции чаще всего обрезание делают в предшкольные годы – семи-восьмилетним и стараются приурочить его ко времени незадолго до начала учебы – в конце августа или в первых числах сентября (в турецких школах занятия начинаются 15–20 сентября). В этом отличие мусульманского обряда от иудейского, срок которого оговорен конкретно: «Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас... всякий младенец мужеского пола» (Быт. 17:12).

У турок обрезание называется *сюннет*, что означает: «это предписано сунной (слово *сунна* по-турецки звучит, как *сюннет*). Арабы называют этот обряд *хитан* или *хатн* от корня «хтн», означающего родство по браку, то

есть свойство, по этнографической терминологии. В таком значении этого слова заключена идея приобщения нового свойственника к семье невесты или жениха. Подобно этому послебрачному акту и обрезание делает обрезанного полноценным членом мусульманской общины – *уммы*. Точно также, как инициация превращает юношу в соплеменника, полноправного члена племени.

Обрезанию предшествует стрижка волос, проверка знания основных молитв. Мальчика наряжают в красивый костюм с лентой через плечо, на которой написано арабское изречение *машаллах* («это угодно Аллаху»), сажают на коня, верблюда или в повозку, а чаще – в такси и везут торжественно к специалисту (*сюннетчи*), совершающему хирургическую процедуру обрезания. Если родители богаты, образуется нечто вроде «свадебного поезда» – вереница повозок или автомашин, везущих родственников, соседей, знакомых – всех, кто приглашен на церемонию. Обрезание – большой семейный праздник. Родители и гости дарят виновнику торжества подарки, тем более, что ему придется несладко: часто после операции мальчика укладывают в постель на несколько дней. Нередко устраивают групповое обрезание, когда, например, в одном квартале набирается несколько ребят, возраст которых уже требует свершить этот обряд. Тогда церемония превращается в общеквартальный праздник. Собирается много гостей; на улице накрывают столы с угощением, приглашают музыкантов, кукольников.

Это празднество называется по-турецки *сюннет дююну*. *Дююн* или *дюгюн* имеет много значений: *догум дюгюню* – празднование дня рождения, просто *дюгюн* – свадьба. Эта лексема происходит от тюркского словосочетания *той гюню* – праздничный день.

В обряде обрезания обязательно участвует восприемник, сходный своей ролью с крестным отцом у христиан. Он называется у турок *кирве* или *кивре*. Здесь налицо явная связь со словом *кавор* – армянским названием крестного. Обязан-

ность восприемника – опекать до совершеннолетия молодого мусульманина, наставлять на «путь истинный».

Накануне обрезания мальчику внушают: ты уже мужчина, сильный и храбрый, должен быть мужественным, не бояться боли. В этом определенное сходство мусульманского ритуала с обрядом инициации.

Итак, в *сюннете* можно выделить черты сходства, как с инициацией, так и с крещением. Это неудивительно: данные ритуалы имеют одинаковый символический смысл – введение нового лица в общность либо племенную (у многих африканских язычников), либо религиозную (у мусульман и христиан).

Похороны. «Спешите хоронить своих мертвых, – говорил, согласно преданию, Мухаммед. – Они скорее достигнут вечного блаженства, если были праведны в земной жизни. А если они были порочны, то тем самым вы скорее отдалитесь от них, осужденных гореть в пламени ада». Поэтому тело покойника в мусульманских странах обычно предают земле в течение ближайших часов после смерти. Освященное словами пророка правило немедленных похорон умерших имеет гигиенический смысл: в странах с жарким климатом трупы разлагаются быстро и могут стать источником заражения.

Тело покойного обмывают, смазывают благовониями и заворачивают в саван (*кефен*) из белого полотна, которое каждый верующий приобретает заблаговременно, еще при жизни, задолго до своей кончины. Он также должен отложить деньги на похороны.

Саван завязывается у головы и ног. Спеленутого покойника помещают в гроб, который сразу же закрывают и обертывают черным или зеленым покрывалом с вышитыми на нем золотыми или серебряными арабскими буквами молитвенными изречениями.

Несут покойника в гробу головой вперед. Траурная процессия останавливается у мечети. Гроб ставят на каменный продолговатый постамент (*мусалла таши*). Мулла читает

заупокойную молитву. Обычно это выдержки из 36-й суры Корана, которая обозначена двумя арабскими буквами: *йа* и *син*, звучащими вместе как *ясин*. В ней говорится о сотворении Аллахом мира и человека, о воздаянии за дела земные, о рае и аде, о воскресении из мертвых. Кончается эта сура так: «Хвала же тому, в руке которого власть надо всем, и к кому вы будете возвращены» (аят 83).

Усопшего помещают в могиле головой в сторону Мекки. В деревнях чаще хоронят без гроба, только в саване. Тогда внизу могильной ямы кладут семь дощечек, на них укладывают умершего и сверху также накладывают такое же чи́сло дощечек. Только потом могильную яму засыпают землей. Свежую могилу поливают водой. Если умерший родился в другом месте, то желательно привезти оттуда немного земли и высыпать ее на могильный холмик.

Памятников на могилах не ставят, ограничиваясь невысоким каменным надгробием в виде круглого или четырехгранного столба с именем и датами жизни усопшего. Иногда участников похорон угощают своеобразной кутьей – сладким блюдом *ашуре*.

Прежде па похороны женщины не допускались. Теперь же им разрешено идти за гробом позади мужчин и стоять во время погребения также за ними. Если хоронят вдову в могиле бывшего мужа, то ее закапывают так, чтобы она лежала ниже него... На седьмой и сороковой день устраивают поминки, опять-таки с ашуре.

В турецком языке для обозначения кладбища есть много слов: *мезарлык*, *кабристан*, *гёмютлюк*, *синлик*, *макбере*. Кладбище при мечети, огороженное стеной или декоративным кустарником, называется *хазире*. На нем обычно хоронят мусульманских священнослужителей и особо уважаемых в религиозной общине людей.

Кладбище, отведенное для погребения гяуров (немусульман) называется *машатлык*. Например, *яхуди машатлыы* – еврейское, *ортодокс машатлыы* – православное.

Воинское кладбище – *шехидлик*, здесь хоронят солдат и офицеров, убитых в бою, а также военных летчиков, разбившихся при тренировочных полетах, пожарных, погибших при тушении огня, полицейских, лишившихся жизни при исполнении служебного долга. Все они считаются шехидами – мучениками, засвидетельствовавшими своей гибелью верность по отношению к религии и обществу (*шехадет* значит «свидетельство»).

Хоронят шехидов без обмывания и савана, в той одежде, которая была на них в момент смерти. Гроб покрывают красным полотнищем с белым полумесяцем, звездой и узкой полоской того же цвета вдоль древка – государственным флагом Турецкой Республики.

Однако не всех шехидов хоронят без обмывания и без савана. Если шехид умер не в бою, не на поле сражения, а, например, в госпитале после смертельного ранения, прожив еще какое-то время, то его хоронят, как обычного покойника: обмыв и завернув в саван. В этом правиле шариата, как и во всех других его установлениях, традицию определяет прецедент – похороны убитых халифов. Так, Осман, убитый мятежниками, похоронен в своей одежде, без обмывания и савана, а Омара и Али, которые скончались какое-то время спустя после смертельных ранений, погребли с соблюдением всех обычных процедур.

ГЛАВА 5

ЖЕНЩИНЫ И МУСУЛЬМАНСКИЕ ТРАДИЦИИ

Ислам строг к женщине. «Разве ж тот, кто выращен в украшениях и кто в препирательстве, не ясен?..» – сказано в Коране (43:17). Этот аят характеризует женщин, пребывающими лишь в думах о нарядах и бестолковых спорах, – такое суждение можно вынести из данного высказывания.

Чем обосновывается подобное отношение к слабому полу? Прежде всего – идеей его вторичности. Аллах «создал для вас (мужчин. – *Д. Е.*) из вас самих жен, чтобы вы жили с ними» (30:20). Эта сентенция Корана не оригинальна. Она исходит из библейского мифа о сотворении женщины: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену» (Быт. 2:22).

В христианстве права женщины были ограничены постулатом Августина Блаженного (354–430): «Женщина не может ни учить, ни свидетельствовать, ни судить, ни тем более повелевать». Это положение сохранялось во многих христианских странах на протяжении раннего средневековья. Оспорить его было невозможно, ибо оно опиралось на авторитет Нового завета: «А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии, ибо прежде создан Адам, а потом Ева» (1 Тим. 2:12 – 13).

Кроме мифологического оправдания зависимости женщины от мужчины Коран дает и рациональное его объяснение: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним

преимущество перед другими, и за то, что они (мужья. – *Д. Е.*) расходуют из своего имущества» (4:38). В этом аяте отразилась ведущая роль мужчины в кочевом скотоводческом обществе, каким преимущественно и были аравийские племена VI–VII вв. Кстати, и ветхозаветные суждения о женщине вытекают из патриархальной психологии древних евреев: они ведь тоже были кочевниками.

В кочевых племенах именно представитель сильного пола является основным добытчиком материальных благ – пастухом-скотоводом, а также защитником не только племени, но и главного его достояния – стада – от врага. Женщина же в пастушеском хозяйстве играет подчиненную роль, материально зависит от мужчины. Эти базисные отношения и породили ее приниженное положение в обществе и семье. Коран лишь запечатлел его в своих установлениях.

В семейной жизни долг мусульманки состоит в полном подчинении мужу, послушании и удовлетворении его желаний. «Ваши жены – нива для вас. Ходите на вашу ниву, когда пожелаете...» (2:223). Если жена плохо исполняет свой долг, Коран так советует наставлять ее на путь истинный: «А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них» (4:38). Согласно преданию, Мухаммед призывал мусульман к хорошему обращению с женами. Но при этом исходил, как из само собой разумеющегося, из неравного положения женщины: «Обращайтесь с женами вашими хорошо, так как они у вас как бы пленницы; сами они не имеют никакой воли ни в чем, что их касается».

Если «мусульманин» значит «покорный (Аллаху)», то мусульманка должна быть покорна и своему мужу, своему земному богу и властелину. В турецком учебнике для средних школ «Ислям дини» (Исламская религия) говорится: «Пророк Мухаммед указал, что в день Страшного суда каждая женщина сначала будет спрошена, исполняла ли

она все предписания ислама, а затем – была ли послушна и покорна своему мужу? Совершавшая положенное число намазов, державшая пост, избегавшая запретного и слушавшаяся во всем своего супруга будет отправлена прямо в рай» (С. 263).

Полигиния. Известно, что ислам поощряет многоженство или, по этнографической терминологии, полигинию. (Полигиния – разновидность полигамии, многобрачия; другая ее разновидность – полиандрия, многомужество). Коран провозглашает: «...женитесь на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех» (4:3). Помимо законных жен раз решается иметь наложниц. Многоженство существовало у арабов до ислама: вожди аравийских племен, родовые старейшины имели каждый до десяти жен. Коран даже несколько сократил масштаб полигинии, ограничив число законных супруг четырьмя. Однако в отношении числа своих собственных жен Пророк сделал исключение. Он не довольствовался четырьмя супругами: всего их у него было пятнадцать.

Оправдывая свою суперполигинию, Мухаммед произнес соответствующий аят: «О Пророк, Мы (Аллах. – *Д. Е.*) разрешили тебе твоими женами тех, которым ты дал награду, и тех, которыми овладела твоя десница из того, что даровал Аллах тебе в добычу (пленниц. – *Д. Е.*) и верующую женщину, если она отдала самое себя Пророку, если Пророк пожелает жениться на ней...» (33:49). Этим допущением – иметь более четырех жен, а также множество наложниц – пользовались преемники Мухаммеда – халифы, а затем султаны, шахи, ханы и все «сильные мира сего» в мусульманских странах. Численность их гаремов достигала невероятной величины, главным образом, за счет наложниц – одалисок, даже в XX в. турецкий султан Абдюльхамид II (1876–1909) имел около тысячи женщин в гареме.

Итак, для мужчин – многоженство, для женщин – один муж, делимый с «соженами». (Кума – сожена, такой термин существует в тюркских языках; возможно, он попал

в славянские языки, только с переосмысленным значением – крестная).

Но такое сверхмногоженство было присуще только высшим сферам общества. Даже богатые мусульмане ограничивались двумя-тремя супругами, а подавляющее большинство имело не больше одной жены: не все могли материально содержать хотя бы самый малочисленный гарем. Ведь этих женщин нужно было кормить, одевать, разместить на определенной жилплощади. Об этом есть предупреждение в Коране: «А если боитесь, что не будете справедливы (не сможете обеспечить нормальные условия для своих жен. – *Д. Е.*)», то женитесь «на одной, или на тех, которыми овладели ваши десницы», и наделяйте их из вашего имущества, «и одевайте их» (4:3–4).

В Коране ничего не сказано о брачном возрасте. Но тот факт, что Айше, одной из жен Пророка, было девять лет, когда он на ней женился, дал мусульманским правоведам считать возможным выдавать девушку замуж по достижении этого возраста. Юноши могут жениться по шариату с 15 лет.

В формуле бракосочетания, которую произносит невеста: «Считаю себя твоей женой...» – содержится упоминание о махре – выкупе за нее. Хотя ислам смотрит на женщину, как на неполноценное человеческое существо, ценится она в мусульманском обществе весьма высоко, но ценится как товар. И при женитьбе мусульманин должен платить за невесту выкуп. «И давайте женам их вено в дар» (4:3). Вено – так называлась плата за невесту у славян, и так перевел И. Ю. Крачковский арабское слово *махр*, которое турки произносят *мехир*).

Широко известно другое название брачного выкупа – калым. Мусульманские правоведы различают понятия *махр* и *калым*: первый поступает в собственность невесты, второй – ее семьи.

Калым у турок называется *калын* («то, что остается»), невеста – *гелин* («та, что приходит»). Таким образом, происходит обмен: *калын* на *гелин*.

Женитьба с калымом – одна из патриархальных форм брака, брак-покупка, по терминологии этнографов. Семья жениха девушку покупает, семья невесты – продает. Цена невесты зависит не только от внешних данных девушки, но и от ее нравственных добродетелей. «Женитесь же на них с дозволения их семей и давайте их плату с достоинством, – целомудренным, не распутничающим» (4:29). Особенно ценится в невесте девственность. Так, за рабыню-недевственницу Коран предписывает платить только половину махра, положенного за девственную невольницу: «им половина того, что целомудренным, из наказания» (4:30). В мусульманских странах плата за невесту достигает порой очень больших сумм: например, в Турции – стоимости автомобиля, дома, земельного участка. Недаром в турецком языке есть другое название калыма – *агырлык* (тяжесть): трудно иногда приходится семье жениха из-за необходимости платить выкуп...

Но есть способы обойти этот платеж. В Турции, особенно в ее восточных провинциях для этого существует обычаи умыкания невесты (*кыз качирма*). При невозможности уплаты калыма парень просто-напросто крадет девушку и скрывается с ней в горы, лес или ближайший город. Делает это обычно с помощью своих родственников и друзей. Умыкание – предприятие опасное: родственники похищенной бросаются в погоню, прихватив оружие. Но чаще всего оно завершается благополучно – примирением сторон и уплатой незначительного, чисто символического калыма.

Существует и другой способ – обменный брак (*бедель никяхы*): если у юноши есть сестра на выданье, а в соседней семье у девушки – брат, желающий жениться, то две семьи просто обмениваются невестами, не прибегая к калыму.

Бывает, что молодой человек из бедной семьи как бы запродает себя семье невесты в счет калыма – входит в нее зятем-примаком. Брак в этом случае оформляется не сразу: жених должен сначала отработать какое-то время в хозяйстве будущего тестя. По этнографической терминологии,

это – брак-отработка. В Коране такой способ женитьбы изложен в рассказе о Мусе (Моисее). Отец невесты говорит ему: «Я хочу тебя женить на одной из этих моих дочерей с тем, что ты наймешься у меня на восемь лет» (28:27). Муса согласился. Брак-отработка описан и в Ветхом завете: «Иаков полюбил Рахиль и сказал (ее отцу Лавану. – *Д. Е.*): я буду служить тебе семь лет за Рахиль... И служил Иаков за Рахиль семь лет, и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее» (Быт. 29:18, 20).

У турок зять-примак называется *ич гювейи* (внутренний жених). Его положение не очень завидное. Даже есть выражение *ич гювейинден халлидже* («как зять-примак»). Оно употребляется в ответ на вопрос: «Как поживаешь?», – если дела обстоят неважно.

Под влиянием соседних народов, которые, наоборот, выдают невест с приданым, как бы финансируя ее в будущей семье, этот обычай распространился и у турок. Но он имеет свои особенности: фактически это часть калыма, которая идет на самое необходимое для первоначального обустройства новой семьи, – постельные принадлежности, кухонную утварь и т. п. Само название этого приданого *чеиз* или *джихаз* и значит «оснащение», «снаряжение».

Мусульманский брак, или «брак у имама» (*имам никяхы*), как называют его турки, предусматривает заключение брачного контракта, в котором, в частности, определена сумма выплачиваемого мужем возмещения жене в случае развода, а в случае его смерти – его выплачивает вдове семья умершего мужа.

Процедура развода по-мусульмански – весьма проста. Мужу достаточно трижды сказать жене в присутствии двух свидетелей «ты свободна» (*анти талик* у арабов, *бошсун* у турок) или три раза произнести слово *таляк* – «развод», после чего жена должна собрать свои вещи и покинуть дом мужа. По сути, это даже не развод, а отказ от жены, ее «отставка». Взрослые дети остаются с отцом, а малолетних может взять мать. Получив развод, женщина вправе выйти

замуж только после определенного срока (*иддет*), который равен трем лунным месяцам, иначе говоря – трем менструальным циклам. Женщина может инициировать расторжение брака в шариатском суде лишь с неизлечимо больным, страдающим половым бессилием или потерявшим рассудок супругом.

Легкость развода для мужчины приводила еще при жизни Мухаммеда к непредвиденным казусам. Бывало, что при ссоре с женой муж в гневе и при свидетелях трижды кричал таляк, давая ей развод. По Корану, после этого женщина становилась для него «запретной» (*харам*) – он уже не мог вернуть ее в свою семью, даже если одумался и раскаялся в содеянном. Для восстановления прежнего положения шариат предписывает разведенной выйти замуж за другого, затем развестись с ним: только после этого она может заключить с первым мужем новый брачный договор. Так повелел Мухаммед: «Если же он дал развод ей… то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал ей развод, то нет греха над ними, что они вернутся в прежнее состояние (2:230). Это правило сдерживало в какой-то степени рассерженных мужей от скоропалительных разводов.

Есть еще одна особенность в практике мусульманского расторжения брака. Муж может при свидетелях сказать своей жене таляк один раз и даже два раза. Это как бы серьезное предупреждение для жены. Первый и второй таляк являются отменяемыми и неокончательными: они не прекращают брачных отношений между супругами. Во время такого «полуразвода» жена должна жить в доме мужа, во всем ему подчиняясь, даже следовать за ним, если он меняет место проживания. Естественно, что этот обычай предоставляет мужу неограниченную возможность оказывать на жену, чем-либо ему не угодившую, мощное психологическое давление.

В Турции после кемалистской революции многое в женском вопросе изменилось кардинально. В 1926 г. был принят гражданский кодекс – *Медени канун*, заменивший ша-

риатские правовые установления. За основу этого кодекса был взят швейцарский «Код сивиль», типичное западноевропейское правовое уложение. Медени канун упразднил многоженство: турок отныне мог иметь только одну жену. Турчанка получила полное право на развод.

Однако среди имущих слоев населения полигиния, правда, в очень ограниченных масштабах, продолжает сохраняться. Тем более, что она допускается мусульманским духовенством, которое больше чтит каноны пророка Мухаммеда, чем законы светского турецкого государства.

Этим пользуются деревенские богатеи. Таким путем они получают несколько пар добавочных рабочих рук. При этом только первая жена считается по гражданскому кодексу законной, остальные живут в доме как работницы, хотя и связаны с хозяином брачными узами по мусульманскому обряду – браком у имама. Этот брачный союз так и называется: брак у имама – *имам никяхы*. Все же полигиния чаще всего ограничивается двумя женами, а общее число полигамных браков не превышает 10% всех случаев супружества. Такие данные приводят западные социологи и этнографы П. Стирлинг, П. Маньярелли и Ж. Кюизенье, изучавшие этот вопрос как в деревне, так и в городе.

Брак у имама турецкое гражданское право законным не признает. Из-за этого возникает непредвиденное осложнение: дети от таких браков не считаются законнорожденными, в следствие чего появляются проблемы при наследовании ими имущества родителей или при его разделе. Казалось бы, ситуация неразрешимая. Но государство идет на уступки мусульманским традициям: турецкий парламент регулярно, раз в пять-шесть лет, принимает закон, объявляющий всех таких детей законнорожденными.

В связи с этим в нынешней Турции чаще поднимается вопрос об уравнении в правах брака у имама с браком официальным. Об этот заявил в 2007 г. даже лидер исламистов премьер-министр Турецкой Республики Реджеб Тайиб Эрдоган.

Турецкое государство пошло на уступки и в вопросе о брачном возрасте. Так, первоначально гражданский кодекс определял его в 20 лет для мужчин и в 18 – для женщин. Но то, что нормально для Швейцарии, не годилось для Турции, где жены в 13–14 лет вовсе не редкость. Под нажимом традиционалистов брачный возраст был снижен для мужчин до 17 и для женщин до 15 лет. Однако заключаются и более ранние браки, особенно в деревне: судья может дать разрешение на такой брак, если родители девушки приведут «убедительные доводы». Кодекс остается кодексом, а деревнях не так уж редко 12–13-летние невесты печально слушают провожальные песни на своих девичниках.

Половая сегрегация. Ислам устанавливает строгие правила отделения женщин в быту, в общественных местах от посторонних мужчин. Это конкретное воплощение концепции харама – запретности, хранимости, заповедности женщины от общения с мужчинами, не состоящими с ней в близкородственных отношениях, и привело в мусульманских странах к так называемому женскому затворничеству. Шариат детально разработал, а исламская юстиция настойчиво осуществляла предписания изоляции прекрасного пола от «чужих» мужчин. Такая изоляция называется по-арабски *тесеттюр* (сокрытие) и по-турецки *кач-гёч* (убегай и избегай).

В женской одежде этому служат особые покрывала и платки. В Турции это широкая длинная шаль-накидка (*чаршаф*), скрывающая очертания фигуры, вуаль (*пече*), закрывающая нижнюю часть лица, и головной платок (*тюрбан*), повязанный так, чтобы не было видно ни единого волоска. Шариат основывает предписания в отношении женской одежды на указаниях Корана: «О Пророк, скажи твоим женам, дочерям и женщинам верующих, пусть они сближают на себе свои покрывала. Это лучше, чем их узнают и не испытают они оскорбления» (33:59), «пусть они потупляют свои взоры, и охраняют свои члены, и пусть

не показывают своих украшений, пусть набрасывают свои покрывала на разрезы на груди» (24:31).

Как явствует из приведенных цитат, в Коране ничего не сказано о подобном головном уборе – тюрбане. Однако в 1993 г. вышло постановление турецкого Управления по делам религии, в котором говорилось, что головной платок – непременный атрибут мусульманки и его ношение якобы предписано Кораном в суре 24, аят 31.

Происхождение этого обычая не связано напрямую с исламом. По самым древним поверьям, женские волосы обладают магическим воздействием, и женщина, особенно замужняя, обязана их скрывать от постороннего взгляда. В России, например, появление такой женщины на людях с непокрытой головой считалось неприличным. Даже возник глагол «опростоволоситься», то есть «совершить какой-либо промах из-за своей оплошности». У православных женщина в церкви также должна находиться в платке, хотя бы в легкой косынке.

Нынешняя реисламизация турецкого общества затронула в первую очередь женскую одежду, а именно – восстановила ношение тюрбана не только в повседневном быту, но и в государственных учреждениях и учебных заведениях, что было категорически запрещено кемалистскими постановлениями.

Еще в 1996 г. году прежний лидер крайних исламистов Неджметтин Эрбакан заявил, что женский платок, повязанный по-мусульмански, – «знамя ислама». Жены и дочери членов его Партии благоденствия стали демонстративно появляться на людях в тюрбанах.

В Стамбуле и других городах исламистски настроенные турчанки начали проводить митинги за право носить такие уборы в официальных учреждениях. Их поддержали студенты-исламисты, которые к тому же требовали отменить запрет на появление в вузах с окладистыми бородами (борода – тоже символ принадлежности к исламу). В конце концов, уже после прихода к власти «умеренных» ислами-

стов – Партии справедливости и возрождения, все эти запреты были сняты.

Ноги женщины, по правилам шариата, должны быть полностью закрыты, подол платья должен прикрывать обувь. В связи с этим современные мусульманские богословы резко осуждают мини-юбки, шорты, заявляя, что «голые женские колени – все равно что горящие поленья в аду».

В мае 2003 г. состоялся первый показ образцов мусульманской женской моды в одном из стамбульских отелей. Самые известные турецкие манекенщицы продефилировали по подиуму в тюрбанах различных фасонов и расцветок, длинных закрытых платьях разнообразных цветов, с рукавами до кистей рук, либо в такого же покроя жакетах и широких брюках. Зрители располагались по правилам тесеттюра: мужчины справа от подиума, женщины – слева.

Предписания ислама требуют также, чтобы дом мусульманина был разделен на две части – мужскую и женскую. На женской половине (у турок она называется *харем*) обитают все женщины семьи с детьми, так сказать «домочадцы женского пола с чадами своими». Сюда заказан вход посторонним мужчинам. В Коране определен круг родственников, на которых не распространяется запрет лицезреть замужнюю женщину: отец, свекор, сыновья (в том числе, сыновья мужа от других жен), братья и племянники. В шариате они называются *махремлер*, так как им запрещено вступать брак с данной женщиной по причине кровного родства. Все остальные мужчины – *намахремлер*, то есть, потенциально возможные мужья, их следует избегать, не показывать им лица.

Мужская же половина жилища (ее турецкое название *селямлык*) открыта для «чужих» мужчин. Это своего рода гостиная, где при гостях женщины хозяйского дома появляются лишь для того, чтобы обслужить при-

шедшего – подать еду или питье, убрать грязную посуду.

Пророк дал пример сегрегации женщин и в общественных местах. Так, когда он в 630 г. вступил в Мекку, признавшую его власть, то принял присягу жителей на верность исламу в народном собрании по отдельности: сначала у мужчин, потом у женщин.

Ислам предусмотрел отделение женщин от мужчин и в мечети, где для молящихся мусульманок отведена небольшая задняя часть молитвенного зала, отгороженная перегородкой, нечто вроде галерки, только внизу, в «партере». Это сделано, скорее всего, по эстетическим соображениям. Ведь если бы женщины, находясь вместе с мужчинами, совершали перед ними или рядом с ними при молитве положенные намазом телодвижения, например, вставание на колени, простирание ниц, это выглядело бы просто неприлично.

Отделение женщин от «чужих» мужчин и сокрытие семейно-брачной жизни от постороннего ока изобрел не ислам, да и вряд ли такой обычай мог возникнуть среди аравийцев, кочевников-бедуинов, по преимуществу. Бедуинки до сих пор не носят чадры, а кочевое жилище – шатер, палатку – трудно разделить на мужской и женский покои. Затворничество женщин зародилось среди горожан. Ислам лишь канонизировал и довел до крайности этот патриархальный обычай, существовавший во многих городских цивилизациях древности. В Вавилонии и Ассирии женщины носили покрывала, закрывавшие лицо. В хеттской иероглифике есть специальный знак, символизирующий отдельное помещение для женщин. Особая женская половина дома – гинекей – была в античной Греции. В знатных индийских семьях женщин «затворяли» в I в. нашей эры, еще до распространения ислама на Индийском субконтиненте. Самостоятельно развился у индийцев и обычай парды (парда – покрывало, занавес, перегородка) – традицион-

ное избегание женщинами не только посторонних мужчин, но и мужской родни мужа.

Выполнению мусульманских предписаний женского затворничества мешают многие житейские причины: жилище бедняка не настолько просторно, чтобы выделять в нем женскую половину; турецкие крестьянки, трудясь в поле, не надевают чаршафа, который был бы лишь помехой при работе. «Чаршаф – одеяние белоручки», – говорится в турецкой поговорке. Крестьянки облачаются в него лишь тогда, когда едут в город. На деревенской же улице они только прикрывают рот и нос краем головного платка, если мимо проходит мужчина.

«Запретная» и хранимая. Ценимая, как товар, женщина имеет, если развивать дальше этот взгляд ислама на нее, и другую ипостась имущества – она кому-то принадлежит. Сначала это отец, затем муж. Для всех остальных она табу, харам, запретна. Право владения ею, как и вообще право частной собственности, священно. Поэтому девушка, женщина – особо хранимое семейное имущество, все мужчины семьи бдительно стоят на страже ее чести. Нравственное поведение как мужчины, так и женщины, регламентируется строгим кодексом приличий. Мужчина, не соблюдающий этих норм, пытающийся вне рамок этого кодекса установить какие бы то ни было связи с женщиной, преследует, по мнению блюстителей исламской морали, лишь низменные цели. А женщина становится объектом сплетен и пересудов, если увидят, как она перекинулась хотя бы двумя-тремя словами даже со случайным прохожим.

Сватовство происходит обычно через родственников. При этом инициаторами выступают родители будущего жениха. Знакомства на улице, в парке, кино осуждаются. Да и вряд ли юноша заговорит с незнакомой девушкой: он хорошо знает патриархальные нравы, знает, что может встретить резкий отпор мужчин из ее семьи. Правда, в Турции, где ислам сильно потеснен секуляристскими рефор-

мами, парень и девушка, особенно в городах, в рабочей, интеллигентской и студенческой среде довольно свободно знакомятся друг с другом. И если дело идет к свадьбе, между ними устраивают на западный манер нечто вроде помолвки. Такая помолвленная пара уже может свободно появляться на людях, не вызывая нареканий ревнителей исламской нравственности.

Предосудительно у мусульман справляться о здоровье жены, тем более, делать ей подарок по случаю праздника, дня рождения и т.п. Традиционная вежливость требует спрашивать о здоровье семьи – айле, передавать привет, если вы раньше бывали в этом доме и знакомы с женой, опять-таки семье. Само слово «айле» значит не только «семья», оно имеет и более узкое значение – «жена» или «женская половина семьи, куда входят и дочери, и другие родственницы и малолетние сыновья, иными словами, все, кто обитает в женской части дома.

В турецких кинотеатрах имеются отдельные «семейные места» (*айле йерлери*), отгороженные от остальной части зрительного зала. Здесь располагаются женщины, девушки, дети. Мужчинам вход сюда запрещен. Когда в какой-либо город приезжает популярный певец, певица или труппа артистов, кроме обычных концертов и представлений «для всех» днем устраивают и «семейные концерты» (айле консерлери), на которые вход разрешен только прекрáсному полу. Мужчинам на них билетов не продают. Единственные представители мужского пола, которых пускают в зал, – дети до 15 лет, пришедшие с матерями или старшими сестрами.

Исходя из мусульманского принципа половой сегрегации, Р. Т. Эрдоган выступил в 2013 г. за то, чтобы мужские и женские студенческие общежития не располагались в одном и том же здании, а находились в отдельных корпусах.

Реисламизация отразилась и на мужской одежде. На улицах городов все чаще попадаются мужчины в шапочках *такке*, в просторных халатах и широких шароварах; на но-

гах у них туфли или сандалии без задников и каблуков. Облик такого правоверного мусульманина дополняет окладистая борода.

ГЛАВА 6

ЖИВУЧЕСТЬ ИСЛАМСКИХ И ПАТРИАРХАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

После кемалистской революции в судьбе турецкой женщины произошли огромные перемены. Как отмечалось выше, в своих правах она была уравнена с мужчиной. Гражданский кодекс ликвидировал все дискриминационные установления шариата в отношении женщины: вместо многоженства узаконил моногамию, дал право жене возбуждать дело о разводе, устранил неравенство в вопросе наследования и раздела имущества (по шариату, женщина получала лишь половину того наследства, которое мог получить наследник мужского пола).

Произошедшие перемены не ограничились вышеизложенным. Перед турчанками открылись пути к профессиональной, научно-педагогической, общественной и политической деятельности. Среди них появились адвокаты, судьи, врачи, профессора университетов, летчицы и парашютистки, депутаты парламента и даже министры. Например, в 1971 г. министерство здравоохранения и социального обеспечения возглавила профессор медицины Тюркян Акйол (знаменательна ее фамилия: она значит «Светлый путь»), а в 1993–1995 гг. премьер-министром Турции была Тансу Чиллер, генеральный председатель Партии верного пути.

Появились и турчанки драматические и комедийные актрисы. Хотя еще совсем недавно, в конце XIX – начале XX в., турецкие женщины обо всем этом не могли и мечтать. Это были

безмолвные затворницы гаремов, вся жизнь которых протекала в узких рамках семьи. Даже женские роли в турецком театре исполняли мужчины, а первыми актрисами, которые, наконец, появились в нем, были не мусульманки – армянки и гречанки.

В крупных городах массы турецких женщин стали участвовать в фабричном труде, работать в государственных учреждениях, в конторах банков и частных компании. Все это вело к тому, что женщины пользовались все большей и большей свободой. Турчанки из семей рабочих и интеллигенции все активнее включались в жизнь общества, гражданскую и политическую деятельность.

Однако все эти веяния эмансипации распространились лишь в крупных городских центрах – Анкаре, Стамбуле, Измире и некоторых других городах Западной и Центральной Турции. Здесь во второй половине XX в. даже было редкостью появление женщины, закутанной в чаршаф и с головой, покрытой тюрбаном. Но в восточных провинциях Анатолии, в здешних городишках (*касаба*), а особенно в деревнях, мало что изменилось: турчанка по-прежнему в быту, в повседневной жизни скована исламскими запретами, традиционными правилами поведения. Например, она обязана уступать дорогу мужчине, не имеет права обгонять его. Редко бывает, чтобы здешний мужчина освободил место женщине в общественном транспорте.

В какой-нибудь касабе иной раз можно видеть, как муж идет по улице на один-два шага впереди жены и с таким выражением лица, словно идущая за ним женщина не имеет к нему никакого отношения. Если эта патриархальная чета вдруг повстречает такую же, с которой знакома, то можно наблюдать любопытную сценку. Приветствиями обмениваются только мужчины. Дважды, по турецкому обыкновению, обнявшись и облобызавшись, перекинувшись несколькими словами, они продолжают – каждый свой путь, а женщины, как тени, следуют за ними. Бывает, что разговор мужчин затянется. Но женщины все время стоят поодаль, не вмешиваясь, молча глядя на беседу мужчин.

Любовь между молодыми супругами, если она есть, всегда тщательно скрывается. В деревне, в провинциальных городках считается неприличным проявлять нежные чувства к своей жене на людях. Муж даже избегает говорить о своей благоверной, упоминать ее имя. И окружающие никогда не спрашивают его о ней. Солдат, вернувшийся в деревню из армии, встречается с женой лишь после того, как его встретят и приветят остальные родственники и соседи, то есть практически все местные мужчины, – пишет американский социолог Пол Стирлинг, изучавший семейные отношения в турецкой сельской глубинке. Жена не может даже мельком взглянуть на него, сидящего в деревенской кофейне в окружении односельчан. Только когда все разойдутся по домам и улягутся спать, он может свидеться, наконец, с собственной супругой. Если из турецкой деревни уезжают паломники в Мекку, их перед посадкой в отъезжающий транспорт обнимают матери и сестры, но отнюдь не жены. Многие крестьянки никогда не выходят за пределы своей деревни. Только единицы из них изредка выезжают в город с мужем, отцом или старшим братом, да и в городах в толпе на улицах, площадях, особенно вечером, мало женщин и девушек – почти одни мужчины, юноши, подростки. А если и есть представительницы женского пола, то обычно – в сопровождении родственников. Жена, взрослые дочери и сестры находятся под постоянной опекой своих близких. Девушку до замужества опекает отец или старший брат, замужнюю женщину – муж.

В турецких кофейнях «ала-турка» никогда не увидишь женщин. Здесь чисто мужские собрания. Лишь в кафе европейского типа – кафетериях – и ресторанах среди посетителей есть женщины. Много их в дансингах, дискотеках, ночных клубах, мюзик-холлах «газино» (так в Турции называют рестораны-варьете) и других увеселительных заведениях «алафранга», заимствованных образчиках западного общепита и мелкого шоу-бизнеса. Приобщение Турции к вольностям европейской культуры допустило в эти места

и женщин. Они сидят за столиками, ничуть не жеманясь, весело беседуют со своими спутниками, с которыми пришли провести вечер. Непринужденно чувствуют они себя и в своих туалетах, сделанных по последней моде, иногда довольно смелых. Когда заиграет музыка – танцуют модные западные танцы, если их пригласит кто-нибудь из сидящих с ними мужчин. Все эти посетительницы газино и дансингов, ведущие себя, по их мнению, вполне европеизированно, – родственницы вот этих самых пришедших с ними мужчин: их жены, дочери, сестры. Родственницы в сопровождении родственников, «вестернизированных» турок – буржуа, чиновников, офицеров, представителей интеллигенции. Но если кто-нибудь посторонний, хотя бы с соседнего столика, вздумает пригласить на танец незнакомую турчанку, в лучшем случае он получит решительный отказ и встретит всеобщее осуждение, в худшем – нарвется на скандал.

Горожане попроще – рабочие, ремесленники, мелкие служащие и торговцы, приказчики, лоточники – не посещают ресторанов и прочих заведений *алафранга*. Как и крестьяне, приехавшие в город, они могут перекусить в скромных, но чистеньких и уютных харчевнях *ашхане*. Здесь не продают спиртных напитков, даже пива, не звучит здесь и западная музыка. А для посетителей с женами, сестрами или взрослым дочерьми имеется отдельный «семейный салон» (*айле салону*).

Стамбуле, Анкаре, Измире и других крупных городах эмансипация женщин зашла довольно далеко. При этом она имеет и свои отрицательные стороны, подобно тому как вместе с достижениями западной цивилизации и культуры распространяется и так называемая антикультура – алкоголизм, наркомания, порнография и другие социальные пороки, так и женская эмансипация нередко оборачивается падением нравов, ростом проституции. Турчанки участвуют не только в таких, скажем, невинных мероприятиях, как конкурсы красоты, но и поставляют кадры для различных

увеселительных заведений – ночных клубов, ночных баров, развлекательные программы которых не ограничиваются традиционно танцем живота и стриптизом. В этих притонах гвоздь программы – самая тривиальная проституция. Каждый из них имеет штат «консоматрис» («сотрапезниц»). В их обязанность входит развлекать посетителя, если он пришел без дамы, разделить с ним трапезу (точнее – выпивку и закуску), быть ему подругой на вечер и, возможно, любовницей на ночь. Чем больше закажет бутылок и блюд клиент, тем больше заработает консоматриса: она получает определенную долю с суммы счета, оплаченного посетителем.

Открыто существуют в Турции и публичные дома. Целоваться на улице запрещено: за этим следит полиция нравов (*ахляк забытасы*) и пресекает такие прегрешения, если они случаются. Но вместе с тем в каждом крупном городе есть особые кварталы домов терпимости. Их полуобнаженные обитательницы днем и вечером зазывают в гости мужчин. Однако это в глазах турок всего лишь падшие женщины. Они вовсе не достойны мужской опеки и защиты, так как давно «потеряли свою честь».

А честь и достоинство порядочной, по критериям ислама, женщины и девушки оберегается всемерно. Вообще сексуальная мораль в исламе предельно строга, добрачные связи – пятно бесчестия, которое бросает тень на всю семью «грешницы». Сурово не только осуждается, но и наказывается супружеская неверность. По этому поводу в Коране сказано: «Прелюбодея и прелюбодейку побивайте каждого из них сотней ударов кнутом» (24:2). Если же обвиняемые докажут свою невиновность, то порке подвергается клеветник, их оговоривший: «А те, которые бросают обвинение в целомудренных, а потом не приведут четырех свидетелей, – побейте их восемьюдесятью ударами и не принимайте от них свидетельства никогда» (24:4).

Однако шариат в данном вопросе по суровости наказания превзошел самого пророка: узаконил для прелюбодей-

ки особо жестокую казнь – побивание камнями до смерти (*реджим*). Оно практикуется, правда, лишь в странах с сугубо консервативным мусульманским режимом, например, в Саудовской Аравии. В Турции же такая казнь не применялась даже в османское время.

Тем не менее, в наши дни в Восточной Анатолии, где преобладают патриархальные нравы, девушек за добрачные сексуальные связи и женщин за супружескую неверность наказывают смертью. Таково предписание *адата*, обычного права, которое по-турецки называется *тёре*. Причем эту казнь должен привести в исполнение ближайший родственник девушки, например, брат, а «согрешившую» жену убивает муж. Так, например, в 2006 г. в провинции Ван пятнадцатилетнюю Наиле застрелил ее старший брат, здесь же была убита своим мужем за «измену» Назиме, которая пыталась найти защиту даже у главы уезда, но тщетно.

После многих других аналогичных преступлений, узаконенных адатом (*тёре джинаетлери*), в некоторых городах были созданы «Дома призрения» (*Сыынма эвлери*), где могут укрыться от расправы потенциальные жертвы. Однако нередко полиция по требованию родственников возвращает беглянку в семью, где ее ждет неминуемая смерть.

Брак по-турецки. В старой Турции, до кемалистских реформ, жених и невеста вплоть до дня свадьбы обычно даже не видели друг друга. Брачный союз подготавливали их родители: подбирали жениха, приглядывали невесту. Теперь положение совсем иное. Молодые турчанки знакомятся со своими будущими мужьями до заключения брака.

В городе официальное бракосочетание совершается в мэрии, в бюро гражданской регистрации, или в специальных свадебных салонах (*эвленме салонлары*), расположенных, как правило, в парках или садах. После зачтения соответствующих статей гражданского кодекса и подписания брачного свидетельства в салоне устраивают небольшое угощение для присутствующих на церемонии. Затем невеста с женихом едут к нему в дом, куда нередко при-

глашают и имама: он освящает новый семейный союз и составляет еще один акт о бракосочетании. Так гражданский брак дублируется религиозным. Но чаще последний заключается без присутствия невесты, которую представляет ее отец или другой родственник. Только после этого играется свадьба – дома или в ресторане.

В городе турецкое брачное торжество приобрело черты, общие для многих стран мира: обмен обручальными кольцами между женихам и невестой, парадные костюмы новобрачных – черная пара у жениха, белый наряд у невесты, свадебный кортеж автомашин, первая из которых украшена лентами, цветами, воздушными шарами и непременной куклой, предпочтительно мужского пола, на бампере. Это предпочтение выражает желание брачующихся иметь в будущем сына, а не дочь. Такая маленькая деталь – уже из арсенала национальных особенностей турецкой свадьбы, которые проявляются, например, в том, что родственники невесты устраивают потасовки с родственниками жениха, делая вид, что не хотят отдавать им девушку, и требуют выкуп. Когда свадебный поезд отъезжает, увозя невесту в дом жениха, ее родственники стараются этому помешать: задерживают машины, ставят поперек дороги парковые скамейки или урны для мусора и опять требуют выкупа. Жениху приходится расплачиваться небольшой, чисто символической суммой денег.

Сама свадьба протекает тихо и чинно, без буйного и хмельного веселья, без публичных поцелуев жениха и невесты. Несколько тостов, немного выпивки, музыка и танцы. Танцевальные пары составляются по принципу ближайшего родства: либо муж с женой, либо брат с сестрой. За неимением таких кавалеров женщины и девушки танцуют друг с другом. С невестой имеют право танцевать лишь жених да ее ближайшие родственники.

Деревенская свадьба полностью сохранила национальный колорит, изобилует традиционными обрядами и длится несколько дней, начинаясь в понедельник и заканчиваясь, как правило, в пятницу, священных день мусульман.

С момента сватовства до свадьбы проходит иногда несколько месяцев, а то и год-два. За это время семья жениха копит деньги на калым, накануне сватовства семью потенциальной невесты посещает сестра будущего жениха. Она общается с намечаемой к сватовству девушкой, оценивает ее физические и моральные достоинства. Эту свою оценку она сообщает родителям жениха. После состоявшегося брака сестра мужа по отношению к его жене становится золовкой. По-турецки она называется *гёрюмдже* (от глагола *гёрмек* – видеть: ведь она видела невесту до брака).

Свадебные обычаи в разных областях страны сильно варьируются, но все основные из них остаются сходными, примерно такими, как их записал во время пребывания в Турции в начале XX в. В. А. Гордлевский, известный российский турколог, бывший очень наблюдательным этнографом.

Сватовство иногда затягивается на несколько дней. Посланные родителями жениха сваты, как правило, это наиболее уважаемые односельчане, договариваются с родителями невесты о дне свадьбы, размере калыма и о приданом невесте, которое они дадут за счет части калыма.

Когда все эти вопросы решены, в доме невесты устраивают угощенье, на котором присутствуют родственники жениха. Подают обычно плов с бараниной, халву и шербет. Совместная трапеза символизирует образование новой семьи, единение родственников жениха и невесты.

На следующий день из дома жениха в дом невесты приносят блюдо с халвой, на котором лежат золотое кольцо и серебряный браслет. Невеста нанизывает кольцо на палец и закрепляет браслет на запястье. Отныне она считается *нишанлы* (обрученной). На нее повязывают платок, закрывающий волосы, и она получает еще один эпитет – *явуклу* («закутанная в платок»).

Теперь время от времени жених посылает невесте гостинцы, изюм, инжир, различные сладости. Невеста же да-

рит жениху платок и рубашку. Но до самой свадьбы невеста обходит дом жениха стороной.

После того, как калым уплачен, родители обрученной девушки закупают ей приданое (*чеиз*). Затем, в ближайшие понедельник и вторник, в честь предстоящей свадьбы, если дело происходит в большом и богатом селе, устраивают соревнование борцов-пехливанов или игру *джерид* – конные состязания с метанием деревянных дротиков.

В среду вечером собирается девичник, на котором происходит обряд прощания невесты с прежней жизнью и родительским домом. Это так называемая «ночь хны» (*кына геджеси*). К невесте приходят подруги и торжественно, с песнями, расплетают ей косы, расчесывают волосы и красят хной ладони и ступни. Мать и сестры невесты плачут – прощаются с ней. Потом устраивается угощение, и все присутствующие поют, пляшут и веселятся до утра. Отныне невеста получает уже новый эпитет – *кыналы* («окрашенная хной»). Завтра, в четверг, ее повезут, наконец, в дом жениха.

Накануне приезда невесты жених делает ей последние подарки. Их количество и качестве зависят, естественно, от достатка его родителей. Однако как богачу, так и бедняку положено дарить невесте зеркало и сладости. Это – символы счастья: зеркало отражает радостное лицо невесты, а сладости означают безбедную, безгорестную, «сладкую» жизнь.

В четверг возле дома невесты составляется свадебный поезд. На первой арбе лежит приданое (*чеиз*): ковры, палас, матрасы, постельное белье, переметные сумы, вытканные самой невестой, платья, купленные в городе, кухонные и столовые принадлежности. На вторую арбу садится невеста, закутанная с головы до пят в покрывало *дувак*. Лошади украшены лентами и цветами. Иногда, по старому обычаю, невесту везут верхом на коне, предпочтительно белой масти, или на верблюде. Возят и на такси, грузовике, даже на тракторе.

Вот местные музыканты ударили в барабаны, забили в бубны, тонко запели струны саза, пронзительно загудела зурна. Свадебный кортеж трогается. А в это время жених, окруженный друзьями, публично бреется на улице, чтобы доказать всем, что у него растет борода и он уже настоящий мужчина. Над его домом развевается «свадебный флаг», на котором изображены не только полумесяц со звездой, но иногда и крест, а также оттиснуты краской ладони с растопыренными пальцами – древний знак благополучия.

На пути свадебного поезда кладут барана со связанными ногами. Невеста должна подойти к нему и, схватив за ноги, разом отбросить прочь с дороги, доказав тем самым, что она не боится труда и достаточно сильна, чтобы вести собственное хозяйство. Отброшенный баран поступает в ее собственность. Если же невесту постигнет неудача, то ее отец оплачивает односельчанам, положившим барана, его стоимость.

При подъезде невесты к дому жениха его родственницы и соседки запевают встречальную песнь – *ченге*. Когда она входит в его дом, на порог льют из кувшина воду: этот обряд предохраняет от «дурного глаза», а двери мажут медом и маслом, чтобы будущая жена «как сыр в масле каталась». Отец невесты бросает в толпу монеты, куски сахара, зерна пшеницы и риса. По обычаю некоторых деревень невеста должна не просто войти в дом, а вползти в него между ног будущей свекрови, стоящей в дверях. Когда-то этот старинный ритуал означал прием чужой девушки в род мужа, как бы ее удочерение, символизируя ее рождение матерью жениха. Теперь же он воспринимается как знак того, что невестка признает над собой власть свекрови.

Начинается свадебный пир. Играет музыка. Мужчины и женщины становятся в круг и, взявшись за руки, исполняют народные танцы – *халай*, *чифтетелли* и ромейку. В полночь, когда жених и невеста удаляются в свою опочивальню (*гердек*), свадьба достигает самого разга-

ра. Музыка неистовствует, раздается стрельба из ружей, винтовок и пистолетов, а в Восточной Анатолии, где у населения много всякого оружия, нередко палят очередями из автоматов Калашникова. Потом устраивается факельное шествие. Утром свекровь вывешивает простыню с брачного ложа для публичного и наглядного доказательства непорочности невесты. Если таких признаков нет, на семью девушки ложится пятно позора. «Вашу дочь проела мышь», – говорят соседи ее отцу и матери.

В пятницу происходит обряд снятия с невесты покрывала. Опять собираются гости. Невесте дарят платки, полотенца. Вот покрывало снято, и невеста уже считается женой. Все поздравляют молодых, желают им счастья. Окончательно оформляет брак в деревне чаще всего имам, а для официальной регистрации нужно ехать в город.

В народных обрядах турецкой свадьбы можно проследить обычаи разных народов, быт и культура которых повлияли на особенности образа жизни турок. Так, свадебный пир в доме жениха перешел к современным туркам от огузов, брак у которых был исключительно патрилокальным, то есть, с поселением жены по месту жительства мужа. Название брачной опочивальни *гердек* (круглая палатка) – опять-таки отголосок прежней кочевой жизни огузских племен. Обычай окраски рук и ног невесты хной заимствован у иранских народов. Ритуал публичного бритья жениха перешел к туркам, скорее всего, от малоазийских греков. Факельное шествие – тоже местное заимствование: оно есть у греков и армян. Танец «ромейка» похож на греческий, а название у него – греко-славянское. У курдов взят обычай класть барана на пути невесты. Обряд смазывания дверей маслом и медом перекликается с хеттским свадебным обычаем: хетты мазали невесте оливковым маслом и медом лоб. Но турки, конечно, переняли этот ритуал не непосредственно у хеттов, исчезнувших задолго до появления в Малой Азии первых тюркских племен, а у других анатолийских этносов, предки которых когда-то заимство-

вали его у хеттов. Турки лишь завершили эстафету в передаче этого обряда.

Семья и семейные отношения

Родственные узы имеют для турок очень большое значение. В крестьянских, да и во многих городских семьях царит строгая и четкая иерархия: дети и мать беспрекословно подчиняются главе семьи – отцу, младшие братья – старшему, а сестры – старшей сестре и всем братьям. Иначе говоря, лестница подчиненности ведет снизу вверх от младшего к старшему, от женщины к мужчине.

Старший брат, *агабей*, – как бы второй отец для остальных братьев. Он обязан охранять и честь сестер. Братья и сестры зовут его не по имени, а просто – агабей, что, впрочем, значит и «господин». Старшая сестра, *абла*, – вторая мать для сестер, они тоже зовут ее не по имени, а абла. Пожилая и многодетная мать окружена уважением и любовью всех членов семьи, включая и мужа, особенно если она родила нескольких сыновей.

Девочки воспитываются, как правило, в духе смиренного послушания. Их будущий удел – быть прежде всего покорной женой и примерной матерью. Дочь может шутить и спорить с матерью, с отцом же она всегда крайне почтительна. Сын до 12–13 лет находится при матери, живет на женской половине дома. Став старше, переходит на мужскую половину.

Власть родителей почти безгранична. Даже взрослый сын не смеет в присутствии отца закурить без его разрешения, или сесть, развалившись, или каким-то другим образом выказать свое непочтение к родителю. Бывший президент Турции Исмет Инёню как-то рассказывал, что, будучи уже генералом, он не смел курить при отце. Еще большее уважение оказывается в семье деду.

Особенно строго эта иерархия соблюдается в патриархальных, так называемых больших семьях, где живут вместе и ведут хозяйство несколько «малых семей» – супружеские

пары разных поколений: дед и бабка, отец и мать, взрослые сыновья с женами и детьми. Большие семьи преобладают в деревне, немало их и в провинциальных городках. Молодые пары, как правило, не прочь бы выделиться из такой семьи, обособиться в своей собственной, отдельной «малой семье». Но у них чаще всего нет ни своего дома, ни своего хозяйства, ни своего, в деревне, поля. Глава же «большой семьи» не хочет их ухода: жаль терять работников, выделять земельный участок. Ну и, наконец, сельская традиция не одобряет отделения женатого сына от прежней семьи.

Дед в такой семье обычно является уже лишь формальным главой в силу своего преклонного возраста, он лишь «царствует», но не правит. Действительный глава – отец женатых сыновей. Он ведет бюджет семейного хозяйства, распределяет работу между членами семьи, осуществляет все связи с внешним миром: поездки на базар, купля-продажа, уплата налогов – его прерогативы. Мать ведает внутренним распорядком: домашняя уборка, стирка, приготовление пищи, распределение работы среди женской части семьи – ее компетенция.

В таких патриархальных семьях к дочерям обычно относятся без особой симпатии и рождению девочки, как правило, не радуются. Ведь дочь уже в 12–14 лет выйдет замуж, уйдет в чужой дом. Она не работник в родном доме и, тем более, не наследник. Сын же останется дома, даже когда женится. Он работник и, главное, наследник. Так рассуждает глава семьи, так мыслит ум крестьянина. Вот почему в ответ на вопрос, сколько у него детей, отец-крестьянин назовет лишь число сыновей, дочери в счет не идут.

Родственники с отцовской стороны считаются у турок более важными, чем с материнской. Брат отца стоит выше в родственной иерархии, чем брат матери, сестра отца «котируется» выше, чем сестра матери. И названия этих родственников – дядьев и теток различаются: *амджа* – дядя по отцу, а *дайы* – по матери, *хала* – тетка по отцу, а *тейзе* – по матери. Происхождение этих терминов родства также

различно. «Отцовские» имеют арабские истоки, а «материнские» – греческие. В номенклатуру терминов родства проникло и армянское слово *тор* (внук), в турецком языке оно приняло форму *торун*.

На нижней ступени семейной иерархии находится молодая невестка – *гелин*. Это, пожалуй, самый бесправный и помыкаемый член семьи, особенно «большой». Она не может начинать разговор со старшими, не имеет права возражать мужу и его родственникам. Она как бы под тройным гнетом – свекра, мужа и свекрови, а иногда еще и кумы – старшей жёны. Пока гелин не станет *ханым* – хозяйкой, жизнь у нее нелегкая. Ее обязанность – работать и рожать детей, в молодой женщине ценится работоспособность и плодовитость. А ханым она может стать лишь создав собственное хозяйство, выделившись из «большой семьи», или же под старость, когда сама будет бабкой – женой главы такой же семьи.

Турецкая терминология родства существенно отличается от русской. Например, в русском языке слово «зять» имеет два значения – муж дочери и муж сестры, в турецком же их названия разнятся: *гювей* – муж дочери, *эниште* – муж сестры. А вот название тестя и свекра одинаково – *кайын баба*, как и тещи и свекрови – *кайын ана*, а также шурина и деверя – *кайын бирадер*. В сознании турок их объединяет то, что они не кровные родственники, а свойственники (свойство – отношения между людьми, вытекающие из брачного союза). Возможно, это – пережиток родовой экзогамии, при которой жен брали не из своего, а из другого рода (*кайын* – слегка измененное слово *кадын* – женщина). Свойство (*кайынлык*) и родство (*акрабалык*) турки четко различают эти понятия.

В родственных отношениях турок, как и других народов, прежде или поныне связанных с кочевым скотоводством, доминирующее значение принадлежит патрилинейным связям – то есть, связям по мужской линии. Вот почему этнографы, описывающие турецкие семейные и брачные узы,

обычаи часто употребляют термины, начинающиеся словами «патри», «патро» (от греческого «патер» – отец): патронимия (именование по предкам мужской линии), патрилокальный брак (при котором жена поселяется в доме мужа), патрилинейный счет родства (то есть, по линии отца), патримониальное наследование (когда большую долю наследства получают сыновья, а не дочери), патрилинейный клан (группа семей, имеющих общего предка по мужской линии).

Патриархальные традиции питают и жестокий пережиток – кровную месть. По-турецки она называется *кан гютме* («мщение за кровь») или *кан давасы* («кровавая тяжба»). В деревнях Анатолии за убитого родственника беспощадно мстят – карают убийцу смертью. Больше всего распространен этот обычай в восточных провинциях. Кровная месть – неписаный, но железный закон живущих здесь турок, курдов, лазов. Сообщения о преступлениях на почве кровной мести очень часто, появляются в турецких СМИ.

Известно, что обычай кровной мести наряду с другими патриархальными или родо-племенными пережитками долго сохраняется в отсталых странах, в отсталых районах, даже в Европе – на Корсике и в Сицилии, задержавшихся в своем развитии, раздаются выстрелы вендетты. Некогда кровная месть было общепринятой у многих народов. В патриархальном обществе это был один из устоев обычного права. В «Русской Правде» Ярослава Мудрого записано: «Убьет муж мужа – мстить: брату за брата, сыну за отца, отцу за сына...» И племянники должны были мстить за убитых дядьев.

Коран также поощряет кровную месть: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный – за свободного, и раб – за раба, и женщина – за женщину» (2:173). Не удивительно, что турецкие, курдские и лазские крестьяне упорно продолжают держаться за этот обычай, освященный исламом. И хотя турецкий уголовный кодекс предусматривает суровое наказание за убий-

ство из побуждений кровной мести – 15–20 лет тюрьмы и даже пожизненное заключение при отягчающих обстоятельствах, например, если уничтожена целая семья, все же предписания государственного закона чтутся крестьянами далеко не так усердно, как нормы мусульманского и обычного права.

Но турецкому обычному праву – *тёре* – за пролитую кровь нельзя откупиться денежным или иным материальным возмещением: «кровь смывается только кровью». Сын или брат убитого – первые, кто должен отомстить убийце или его роду. Семья, патриархальный клан как бы жертвуют одним из этих своих родичей, делая его орудием мести. Ибо против него в первую очередь ополчатся впоследствии члены враждующего клана, против него будет и уголовный кодекс.

Кровная месть – *кан давасы, кан гютме* – эти зловещие слова порождают в целых деревнях атмосферу страха, подозрительности и ненависти. «Кровники» – мужчины из враждующих кланов или семей ходят вооруженными с головы до ног. Месть может таиться и вынашиваться годами, чтобы однажды вдруг обернуться для своей очередной жертвы неожиданной смертью от пули или удара кинжалом в поле, во дворе собственного дома или даже в мечети.

Отомстившая семья не скрывает ликования. Родственники убитого надевают траур и готовятся к ответной мести. Так спираль вендетты, сделав еще один виток, продолжает раскручиваться дальше. Она захватывает одно поколение за другим. В Восточной Анатолии, писали турецкие газеты, в 1980 г. было совершено пятидесятое по счету убийство в длящейся уже 60 лет кровавой драме из-за вражды двух семейств, объявивших друг другу кровную месть. Бывает, что кровники вырезают целые семьи. Однажды в анатолийской деревушке произошло настоящее побоище. Трое мужчин – отец и два его сына – ворвались в дом и перебили всех его обитателей, не пощадив ни стариков, ни малолетних детей. Так была поставлена последняя кровавая точка в длинной серии убийств из-за кровной мести, продолжавшейся 20 лет.

Некоторые крестьяне, гонимые страхом мести, пытаются найти убежища в городах, затеряться в многолюдной массе горожан. Иногда целые кланы, спасаясь от вендетты, переселяются с одного конца Турции на другой. Но нередко и там их находят кровники-мстители, и цепь убийств начинается снова.

Убийца, совершивший акт мести, тоже старается скрыться в большом городе – Стамбуле, Анкаре. А иногда добровольно сдается властям, надеясь схорониться за стенами тюрьмы от пуль и ножей родственников убитого. Однако выйдя на свободу после длительной отсидки, он снова рискует поплатиться своей жизнью: память у кровников долгая. Как-то газета «Хюрриет» изложила одну из таких историй. Надир Коркмаз убил на почве мести своего односельчанина Юсуфа Куртулмуша, после чего явился в жандармский участок и отдал себя в руки правосудия. Суд приговорил его к 15 годам тюрьмы. Отбыв заключение, он решил вернуться в родную деревню, но еще в пути был выслежен братьями убитого. Они превратили его тело в настоящее решето: на нем насчитали потом четырнадцать ран. Совершив этот акт возмездия, братья тоже сдались жандармам.

Исполнителями мести делают и детей. Их принуждают к этому взрослые члены семьи: ведь по закону ребенок несет более легкое наказание, чем совершеннолетний. Турецкий писатель Яшар Кемаль в очерке «Сыны Анатолии» рассказывает: «Часто дети убивают взрослых. Это даже становится традицией. Крестьянин смекнул, что закон к ребенку снисходителен. Я знавал людей, которые давали пистолет пятилетнему карапузу и несколько лет обучали его стрельбе, двенадцатилетний подросток стрелял так, что, образно говоря, бил летящую птицу в глаз, бегущего зайца в пятку. Его последней мишенью становился кровник (*канлы*)».

Под Анкарой есть специальный детский исправительный дом, где около сотни ребят в возрасте 11–15 лет отбывают наказание за убийство на почве кровной мести.

Однако все же существует способ положить конец кровавой тяжбе между двумя семействами. Для этого надо отдать в невесты кровникам одну из дочерей. Только такая плата за пролитую кровь считается турецким обычным правом достаточным возмещением. Этот поступок как бы смывает кровь с той семьи, которая несет ответственность за последнее убийство. И если такая невестка родит мальчика, мир и согласие воцаряются между враждовавшими кланами. А если нет – вражда может вспыхнуть снова.

ГЛАВА 7

АЛЕВИТЫ, ИХ ВЕРОВАНИЯ И ОБЫЧАИ

От основного толка ислама – суннизма – обособился в Турции алевизм. Его приверженцев иногда относят к шиитам, но это неверно, хотя ряд положений шиизма они заимствовали.

Шиитское религиозно-политическое течение возникло в Арабском халифате во второй половине VII в. при борьбе за власть между феодальными группировками. Ее истоки уходили корнями в соперничество двух родов племени курейш. Один из них – хашим, к которому принадлежал сам пророк Мухаммед, другой – умайя (омейя), в котором были весьма влиятельные лица – Абу Суфьян, Осман, Муавия. Конкретно эта междоусобица вылилась в стремление членов каждого из этих родов стать преемниками власти Мухаммеда в халифате.

Дело в том, что основатель ислама не оставил прямых наследников мужского пола. А из четырех дочерей – Зейнаб, Рукайи, Умм-Кульсум и Фатимы – только последняя родила потомков Пророка во втором поколении – двух его внуков Хасана и Хусейна. Она была женой Али, двоюродного брата и одного из сподвижников Мухаммеда.

Исходя из близкородственных связей Пророка и будучи одним из его приближенных, Али мог претендовать на должность халифа. Однако выбор общины пал на другого сподвижника Пророка – Абу Бакра, который тоже имел веские основания стать главой мусульман. Он был самым

старшим из окружения посланника Аллаха, был его спутником во время хиджры, когда, покинув Мекку, они вдвоем скрывались в одной из пещер по пути в Медину. Об этом сказано в Коране: «Вот изгнали его те, которые не веровали, когда он был вторым из двух. Вот оба они были в пещере...» (9:40). В военных походах Абу Бакр был всегда рядом с Мухаммедом. Когда Пророк был уже смертельно болен, он поручил ему руководить общей молитвой в мечети, то есть, назначил его имамом вместо себя. Абу Бакр был связан родственными узами с Пророком: его дочь Айша стала третьей женой Мухаммеда.

Правление Абу Бакра длилось всего два года, с 632 по 634 г., но незадолго до смерти он назначил своим преемником Умара (Омара), очень энергичного деятеля мусульманской общины. При этом халифе арабы завоевали Сирию, Ирак, Египет, часть Ливии. Аравийское мусульманское государство превратилось в империю. Управление Сирией Умар поручил Муавии, своему двоюродному брату, сыну Абу Суфьяна. Так было положено начало продвижению рода умайя к власти.

В 644 г. Умар был смертельно ранен рабом-христианином, но, умирая, успел назначить шесть человек, которые должны были решить вопрос о его преемнике. Таковым стал 70-летний Усман (Осман), богатый купец опять-таки из рода умайя. Он также входил в число первых сподвижников Пророка, к тому же, был его «двойным» зятем: сначала был женат на Рукайе, а после ее смерти – на Умм-Кульсум, за что получил уважительный титул Зу-н-Нурайн – Обладатель двух Светочей.

Усман получил власть в халифате тогда, когда эту обширную державу уже стали раздирать усобицы и смуты. Завоеванные области управлялись наместниками из бывших сподвижников Пророка, которые, в принципе, могли претендовать на то, чтобы самим стать его преемниками. Обладая огромным экономическим и военным потенциалом, который предоставляло им управление такими «провинци-

ями», вернее – странами, как Сирия, Ирак, Египет, они неизбежно приходили к мысли о возможности своей борьбы за власть в халифате.

К 656 г., когда Усман был убит в своем доме в Медине во время восстания прибывших туда мусульман из Египта и Ирака, недовольных растущей властью рода умайя, империя находилась уже в состоянии внутренней войны между сторонниками различных феодальных группировок. В это время и возникла идея законности права Али на престол: другие кандидаты не могли похвастаться такими же, как у него, данными для этого: ближайший сподвижник Пророка, его кузен и зять. Али был избран халифом, но его поддержала не вся община. Против выступили два бывших приближенных Мухаммеда – Зубайр и Тальха. Первый к тому же был племянником Хадиджи, первой супруги Пророка. К ним присоединилась Айша, вдова Мухаммеда, свояченица Зубайра. Айшой руководила чисто женская месть: в свое время Али советовал Пророку развестись с ней, подозревая ее в супружеской неверности. Не признал власти Али и Муавия, наместник Сирии.

Али поддержали мусульмане Египта, затем он убедил жителей Мекки и Медины, а также мусульман Ирака отказаться от их прежних кандидатур – Тальхи и Зубайра. Но эти претенденты на престол решили добиться своих прав силой оружия. Тогда Али выступил против них с войском из Медины. Под Басрой произошло сражение, получившее название «Битва верблюда»: на одном из верблюдов восседала Айша, воодушевлявшая мятежников. Это был древний обычай, который сохранялся еще в начале XX в.: при сражении между бедуинскими племенами на одном из верблюдов сидела самая знатная девушка племени, и допустить, чтобы она попала в руки врагов – верх бесчестия. Однако это не помогло Тальхе и Зубайру. Они были убиты, Айша схвачена и сослана в Медину.

Казалось, Али вышел победителем, и род хашим, к которому он, как и Мухаммед, принадлежал, одержал верх над

родом умайя. Однако халифат был разделен надвое Сирией, «вотчиной» Муавии, который тоже решил прибегнуть к оружию, чтобы попытаться стать главой общины и государства.

Сначала военные успехи были на стороне Али, однако он вздумал уладить распрю миром. Это вызвало недовольство самых решительных его сторонников, требовавших продолжения боевых действий. Они покинули лагерь Али вместе с несколькими тысячами воинов. Их называют хариджитами, от глагола «хараджа» – «выйти вон». Они возненавидели Али так же страстно, как обожали его раньше. Силы сторонников Али оказались ослаблены. Сам он очутился между двух огней: с одной стороны – Муавия, заставивший сирийских мусульман провозгласить себя халифом, с другой – хариджиты, начавшие войну против Али.

В итоге двухлетней кровавой борьбы на два фронта Али был убит: его смертельно ранил один из хариджитов. Это произошло в 661 г.

Итак, группировка Али потерпела поражение. Но его последователи, получившие название *шиа* (сторонники), основали свое течение в исламе – шиизм. Остальные мусульмане стали именовать себя суннитами, от слова «сунна», которым обозначают предания о жизни и высказываниях Мухаммеда. Поборники суннизма считают, что именно они наиболее полно и последовательно придерживаются разъяснений принципов веры, изложенных в этих преданиях.

Так было положено начало двум главным толкам в исламе – суннитскому и шиитскому. Впоследствии в одних мусульманских странах возобладало одно направление, в других – другое. Сунниты, к примеру, составили большинство населения Турции, шииты – Ирана (90%) и Ирака (58%).

После смерти Али вся власть в халифате оказалась в руках Муавии. Род умайя (омейя), отодвинутый временно на задний план родом хашим, опять стал главенствующим. Это было торжество племенной знати курейшитов, мекканских

ской партии богатых торговцев и сирийской военной знати. Эта триединая элита сделала Муавию основателем династии Омейядов.

Шииты, в свою очередь, провозгласили главой общины – имамом – Хасана, старшего сына Али. Но он отрекся от своих прав за крупное вознаграждение от Муавии, удалился в Медину, где вскоре скончался (шииты считают, что был отравлен). Хасан, после Али, стал вторым «мучеником за веру» в шиитском мартирологе.

Широко распространенное заблуждение в отношении шиитов состоит в том, что они, якобы, не признают сунны, которую, в отличие от них, признают сунниты. Однако шииты лишь более строги в выборе преданий, входящих в сунну. Они считают истинными только те из них, которые основаны на авторитете членов семьи Мухаммеда. Сунниты же признают свидетельства и его сподвижников.

Предания о Мухаммеде – *хадисы* (*хадис* значит «рассказ») – шииты предпочитают называть *ахбар* (сообщения). Однако большинство этих преданий текстуально совпадает в суннитской и шиитской трактовках. Содержание хадиса или ахбара делится на две части: сначала идет *иснад* (опора), то есть, как бы ссылка на источник рассказа (сообщения), в которой перечислены лица, передавшие его. Обычно это целая цепочка, начинающаяся с последнего по времени «передатчика» и доведенная до современника Пророка, очевидца его деяний или свидетеля его высказываний. Далее идет текст предания. Так вот для шиитов очень важен иснад, ибо признают только тот текст, который «опирается» на свидетельство близкого родственника Мухаммеда. Шииты как бы создали «родственническую» апологию в исламе, явились мусульманскими легитимистами.

Главные принципы исламских догматов и культа в шиизме и его различных толкованиях и сектах почти не подверглись изменениям, но ряд положений, особенно связанных с представлением о законной власти, получил иное обоснование по сравнению с суннизмом.

Исходя из монархических идей легитимизма, шииты сделали одним из принципов государственного права учение об имамате – верховной духовной власти. В исламской традиции слово «имам» значит не только «предстоятель на молитве», но и «духовный руководитель». В этом смысле оно употреблено в Коране (2:118).

Первоначально шиитское учение об имамате возникло для того, чтобы обосновать законность прав Али и его потомков на власть, затем оно превратилось в один из основных догматов, согласно которому имамат есть «установление Аллаха» и не может зависеть от желания людей, то есть, не может быть выборным, как это признают в теории сунниты и что осуществлялось на практике при избрании первых халифов.

Сунниты почитают первых четырех халифов – Абу Бакра, Умара, Усмана, Али – как праведных (*рашидун*). Шииты же признают из них законным главой общины только Али; остальные, по их мнению, – узурпаторы. Они отвергают и сам термин «халиф» или, точнее, *халифат-у расулиль-ллахи* – «преемник (заместитель) посланника Аллаха». По представлениям шиитов, власть, как божья благодать, или сакральная эманация, передается таинственным образом от одного имама к другому. Всего, как считает большинство шиитов, было 12 имамов. Последний из них – Мухаммед (тезка Пророка), якобы, исчез в пещере под Самаррой в Ираке. Он является «сокрытым имамом», незримо присутствует в этом мире и должен объявиться в качестве махди (мессии), чтобы восстановить на Земле истинную веру – шиизм.

Кроме общемусульманского паломничества в Мекку и Медину шиитские пилигримы посещают захоронения своих мучеников. В Ираке это гробница Али в Неджефе и могила Хусейна в Кербеле. Имеются у шиитов, кроме общемусульманских, и свои праздники и памятные даты. Они отмечают дни рождения Али (13 реджеба) и Хусейна (3 шабана), траур по Мухаммеду и Хасану (28 сафера), со-

роковой день гибели Хусейна (20 сафера), дни смертельного ранения и кончины Али (19 и 21 рамазана). Особая траурная декада – *ашура* – приходится на первые десять дней мухаррема, что связано с десятидневной осадой войсками Язида окруженного отряда Хусейна и его гибелью.

Муавия завещал халифат своему сыну Язиду. Но после его вступления на престол борьба вновь обострилась. Иракские шииты, считавшие, что законными претендентами на власть в халифате могут быть только потомки Али и Фатимы (и соответственно – Мухаммеда), на этот раз сделали ставку на младшего сына Али – Хусейна. Откликнувшись на их призыв, Хусейн выступил с небольшим отрядом из Мекки в Куфу (Ирак), где еще сохранялись остатки войска Али. Но по пути в пустыне близ Кербелы он был окружен армией Язида. Отрезав осажденных от Евфрата, предводитель воинов халифа Шимр ждал, что шииты сдадутся без боя, измученные жаждой. Осада продолжалась десять дней, с 1 по 10 мухаррема мусульманского календаря, то есть, все первые десять дней 61 г. хиджры. Хусейн отверг предложение Шимра о сдаче и выступил против него со своими воинами. Их было 70 человек, а у Шимра – 4 тыс. Сначала никто из халифской армии не решался напасть на Хусейна, не желая брать на себя ответственность за пролитие крови внука Пророка. Но затем сирийские воины набросились на него сообща. Хусейн, как и весь его отряд, пал в неравном бою. Голова Хусейна была отправлена в Дамаск халифу Язиду. Это произошло 10 октября 680 г.

Обычно считают шиизм религией персов, но это не совсем точно. Шиитское течение возникло в среде арабов. Из Ирака оно распространилось по всему арабскому миру, дав начало многочисленным толкованиям и сектам шиизма, которые часто становились идеологией стихийных народных движений против халифатских порядков. В XIV в. под флагом шиизма вели борьбу с местными землевладельцами крестьяне Хорасана в Иране. И лишь в самом начале XVI в. шиизм был провозглашен государственной религией

в иранской державе Сефевидов, в которую входили Иран и Азербайджан. Это было вызвано внешнеполитическими факторами: иранские шахи использовали шиизм как религиозно-идеологическую платформу в борьбе с суннитской Турцией. Поэтому понятие «шииты» впоследствии тесно увязалось с персами, Ираном.

Именно из Ирана шиизм начал проникать в Анатолию, главным образом – в ее восточные регионы. Его идеи распространяли члены шиитского тариката сефеви, названного так по имени Сефиеддина Исхака (1252–1334), основателя этого дервишеского объединения. Шиитские воззрения нашли отклик у кочевых тюркских племен Анатолии, преимущественно туркмен. Кочевники не воспринимали ортодоксальную мусульманскую схоластику, навязываемую в суннитских медресе. Им был ближе шиизм, дополненный народными традициями и шаманистскими верованиями (шаманизм был религией тюрков до ислама). Такой вариант шиизма получил название «алевизм» от имени халифа Али, положившего начало шиитскому движению.

Эта идеология легла в основу мировоззрения и многих тарикатов Анатолии. Их руководители обычно носили тюркские звания *деде* (дед) или *баба* (отец). Это подчеркивало их тюркоязычность в отличие от других тарикатов, главы которых имели арабские титулы *шейх* (вождь) или *мевля* (господин). Некоторые из них были талантливыми поэтами и сочиняли на тюркском языке четверостишия (мани, кошма), придерживаясь фольклорных форм. При этом они часто заменяли проникшие в родной язык арабизмы на тюркские аналоги. Например, вместо «Аллах» употребляли слова «Танры» или «Чалаб», вместо *джаннет* (рай) – *учмак*, вместо *джехеннем* (геенна) – *таму* (ад), вместо *илим* (наука) – *билим* (от глагола *бильмек* – знать).

Под знаменем алевитской религиозной идеологии туркмены и другие тюрки неоднократно восставали против власти османских султанов-суннитов. Это было вызвано главным образом социально-экономическими обстоятель-

ствами. Османиды, утверждая власть Стамбула в Анатолии, вводили здесь свои порядки, назначали своих судей (кадиев), разбиравших тяжбы по османским законам, а не по обычному праву, устанавливали новые подати. Так, туркмены должны была платить налог на овец и сбор за пользование пастбищами, чего прежде не было. Эти нововведения возмущали туркменскую кочевую вольницу и приводили к вооруженным выступлениям туркмен и других тюркских кочевников, вовлекая в эти движения и крестьян, и горожан. Но ядром и основной силой этих движений оставались туркмены, а так как их традиционным головным убором был красный войлочный колпак – *бёрк*, их прозвали кызылбашами (красноголовыми). Впоследствии это название распространилось на всех алевитов.

В XVI в. распря между алевитами и суннитами осложнилась конфронтацией Ирана с Турцией. В 1499 г. тюркские племена, находящиеся на иранской территории, возглавил сын шейха сефевитов Исмаил (1487–1524). Его вооруженные отряды кызылбашей (как и в Турции, так называли тюрков-алевитов и в Иране) овладели территорией Южного Азербайджана с городом Тебриз. Исмаил в 1502 г. объявил себя шахом Ирана, Тебриз – своей столицей, а шиизм – государственной религией.

В 1507–1508 г. сефевидский Иран захватил земли Армении, Курдистана, Ирака. Эта экспансия привела Исмаила к столкновению с Селимом I (1512–1520), султаном суннитской Османской державы, которая также претендовала на обладание вышеперечисленными территориями.

Начались ирано-турецкие войны, продолжавшиеся с переменным успехом для сторон более ста лет (1514–1639). Они проходили под лозунгами религиозной борьбы между шиитами и суннитами. Османцам, при этом, приходилось воевать и со «своими» кызылбашами, выступившими на стороне Ирана, который их поддерживал и использовал в этих войнах.

Началась и пропагандистская конфронтация. Шах Исмаил облек пропаганду шиизма в великолепные стихи, которые сочинял по-тюркски под псевдонимом Хатаи. Эта стихотворная агитация встречала живейший отклик у кызылбашей.

А Селим решил настроить общественное мнение Турции против шиизма (и алевизма), доказать ложность этого учения и верность истинному исламу только суннитской доктрины. Для этой контрпропаганды он задействовал самых известных алимов своего времени во главе с шейхсульисламом, который издавал фетвы (религиозные указы), клеймящие шиитов и алевитов, как отступников от ислама, и приравнивал их к гяурам, утверждая, что против них законен джихад.

В итоге, среди турок-суннитов сложилась стойкая неприязнь к алевитам, сохранившаяся до наших дней. Они клеймят их «кызылбашами». Это слово приобрело у них уничижительный смысл и стало своего рода ругательством. Алевиты, в свою очередь, обзывают их «язидами», по имени того халифа (Язида), войско которого уничтожило третьего шиитского имама Хусейна и его отряд.

Кроме самоназвания *алеви* («сторонник Али»), алевиты именуют себя *эхл-и хакк* («люди высшей справедливости»), что отражает отстаивание ими прав Али и его потомков на власть в мусульманской общине. Приверженность к этой идее, почтение к памяти Али как святого мученика определило еще одно их название *Али-иляхи* («боготворящие Али»).

Алевиты испытали влияние и тариката бекташи, который основал в XIII в. Хаджи Бекташ Вели (1208–1270), выходец из иранской провинции Хорасан. Бекташи проявляли терпимость ко всем религиям, придавая главное значение внутреннему состоянию верующего, а не внешним проявлениям веры. Они не настаивали на соблюдении мусульманской обрядности – пятикратного намаза, месячного поста, запрета на винопитие, затвориичестве женщин.

В религии алевитов слились самые разнообразные верования – идеи шиизма и бекташизма, отголоски шаманизма и тюркские народные традиции. Как и шииты, они почитают двенадцать имамов, особенно Али, Хасана и Хусейна, создав свою концепцию троицы – веру в единство Аллаха, Мухаммеда и Али. Верят они и в «сокрытого имама», который явится в качестве махди и спасет человечество, погрязшее в неверии.

В то же время, в отличие от шиитов, они не собираются для общей молитвы в мечетях, вместо которых у них возникли «дома собраний» – *джем эвлери*. Они не соблюдают обычай затворничества женщин, характерный для ортодоксальных шиитов. Алевитки не закрывают лицо в общественных местах, свободно общаются с посторонними мужчинами (если, конечно, они не сунниты), вместе с ними собираются в домах собраний, где по праздникам устраиваются совместные радения (семах) с плясками и песнями. Нет у алевитов и мусульманского «сухого закона», а при проведении своих радений они обязательно выпивают по стакану красного вина, которое их руководители – деде и баба – называют райским напитком – *кевсер*. Язык алевитских молитв, как правило, турецкий, а не арабский, в отличие от шиитов Ирана.

Основная нравственная заповедь алевитов выражена формулой: *Эле, беле, диле мюхюр* («зарок на руки, поясницу, язык»), что означает «не совершай греха руками (не воруй, не убивай), поясницей (не прелюбодействуй), языком (не лги, не клевещи)».

Эти особенности религиозно-бытовой культуры алевитов усиливают неприязнь к ним турок-суннитов, которая зародилась, как уже отмечено выше, еще во времена межконфессиональных войн XVI–XVII вв.

По оценочным данным, в современной Турции алевитов насчитывается до 20 млн. Основные ареалы их проживания находятся к востоку от Анкары. Но в связи с процессами внутренней миграции они расселились

и в городах Западной и Центральной Турции, главным образом, в Стамбуле, Измире, Анкаре. Значительные группы алевитов есть в Болгарии и Македонии, куда они попали еще в османские времена. Их славянское наименование – «алиянцы».

Среди алевитов распространен обычай побратимства, им присущ дух коллективизма, взаимопомощи. Все это восходит к племенным традициям кочевников. Сильна у них тяга к образованию, культуре. Это связано с почитанием в прежние времена руководителей алевийских тарикатов – деде, баба, славившихся мудростью и обширными познаниями не только в мусульманском богословии, но и в других областях знания, владевших художественным словом. Некоторые из них вошли в историю и как выдающиеся поэты (ашики). Неудивительно, что среди турецкой интеллигенции много выходцев из алевитов. На протяжении последних десятилетий алевиты всегда поддерживали все демократические и левые движения в Турции: в 1946–1950 г. – Демократическую партию (до ее превращения в конце 1950-х гг. в диктаторскую партию торгово-финансовой олигархии), в 1965 г. – Рабочую партию Турции. В настоящее время они являются сторонниками различных левых партий – от социал-демократических до коммунистических (в Турции и тех, и других несколько). Крайне правые силы периодически устраивают погромы алевитов, руководствуясь, видимо, лозунгом османо-суннигских экстремистов: «Убить кызылбаша – благое дело» (*Кызылбаши ольдюрмек – севаптыр*). Наиболее жестокие и кровавые, с многочисленными жертвами, такие погромы произошли в Кахраманмараше (1978), Чоруме (1980), Стамбуле (1995).

Из-за этих трагических событий алевиты ликвидировали свои «дома собраний», чтобы излишне не «мозолить глаз» своим недоброжелателям. Собираются они отныне для своих празднеств и радений не в стационарных *джем эвлери*,

а во временных, которыми служат попеременно наиболее просторные жилые или подсобные помещения их единоверцев, чаще всего деревенских старост или просто зажиточных односельчан.

В последнее время в Турции и в европейских странах, в местах расселения курдской диаспоры (а в ней много алавитов) получили распространение культурные учреждения, своего рода клубы – Алеви кюлтюр меркезлери.

Правящие круги Турции относятся к алавитам крайне враждебно. Среди консервативно и реакционно настроенных турецких военных и политических деятелей в ходу такая фраза: «Названия внутренних врагов Турции начинаются на букву "к": "коммунисты", "курды", "кызылбаши"».

ГЛАВА 8

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ТУРОК

К материальной культуре этнографы обычно относят жилище, одежду, пищу. Что касается первого из этих составляющих, то жилой облик турецких городов почти европейский. Здания построены в обычном урбанистском стиле современной архитектуры. Правда, турки часто сочетают достижения мирового градостроительства с национальными традициями зодчества. Новые здания, построенные в этой манере, отличаются простотой и скромностью: гладкие стены, оштукатуренные цементной крошкой, широкие окна и большие лоджии, удобные в южном климате, традиционные плоские крыши, много балконов и эркеров. Умело используется декоративная керамика. Особняки богачей украшены гладкими колоннами, без баз и капителей, отделаны мозаикой излюбленных цветов – синего, голубого, зеленого.

Среди традиционных сельских жилищ сохранился *ханай*, двухэтажный дом с каменным низом и деревянным верхом, обнесенным вокруг балюстрадой. (О его происхождении сказано выше). В таком доме обычно живет «большая семья». Встречаются и дощатые хижины – *кулюбе*. Этот тип жилища заимствован у балканских народов (греческая колива, славянская колиба). В северных районах Анатолии, где сохранились леса, строят и бревенчатые дома – *избе*,

а в восточных изредка попадаются землянки с куполообразной крышей – *дам*.

Но больше всего сейчас строят квадратные в плане одноэтажные домики из кирпича, камня или самана. Стены белят, крышу кроют черепицей. В таком доме живет обычно «малая семья». Интерьер жилища куда чаще отличается национальным своеобразием. У многих состоятельных жителей города и деревни, особенно у приверженцев старины, сохраняется деление на мужскую и женскую половины – *селямлык* и *харем*. Первый часто представляет собой большой салон-гостиную, занимающую основную часть квартиры. Спальня я кухня, ванная и туалет находятся на женской половине.

Даже в домах зажиточных хозяев мебельным гарнитурам часто предпочитают дорогие ковры и килимы, да и сама мебель носит неуловимо восточный колорит: вся она низкая и малых габаритов, стулья «умягчены» ковровым или бархатным покрытием, кресла и диваны мягкие, как подушки, обиты тканью с восточным орнаментом.

В деревне летом спят на крыше. Пищу готовят не обязательно на кухне, а во внутреннем дворике или перед домом на жаровне – мангале, для отопления служит тот же мангал – большая медная чаша на трех ножках, с двумя ручками для переноски. В нее вставляют глиняный сосуд для углей, накрываемый крышкой. Мангал ставят посреди комнаты на железный лист. Зимой мангал задвигают под низкий стол, покрытый одеялами. Вокруг него в холодные вечера располагается вся семья. Сидя на подушках или низких скамейках, одеялами закрывают ноги. Ночью спят, тоже расположившись вокруг стола и накрывшись одеялами, а ноги подсовывают поближе к горячему мангалу. Такое сооружение называется *тандыр*: принцип его действия, как и у тандыра для выпечки лепешек, – жар от горящего топлива используется в полузамкнутом пространстве. Похожее обогревательное приспособление известно во многих

странах Востока, меняется лишь название: в Иране это *курси*, в Афганистане – *сандали*, в Японии – *котану*...

Одежда у турок вполне европейская, или, лучше сказать, современная: обычные пиджаки, жилеты, брюки, рубашки и т.п. Чиновники обязательно при галстуках. В торжественных случаях их повязывают и многие «рядовые» мужчины. В этом отношении облик турка отличается от обличья жителя Ирана, где ношение галстука, названного «удавкой для гяура», не практикуется.

В холодное время года носят пальто, утепленные плащи, известные дубленки (*кюрк*) и полушубки (*годжук*). Последнее название – заимствованное русское слове «кожух».

Головные уборы также не имеют национальной специфики: это кепки, шляпы, береты, бейсболки. Молодежь ходит с непокрытой головой, особенно городская – студенты, рабочие.

Пожилые люди, главным образом, приверженцы канонов ислама, носят просторные халаты, широкие шаровары, туфли без задников. Голова у них покрыта шапочкой *такке*, обычно белого цвета. Если холодно, надевают такке из фетра. В этих головных уборах они не только посещают мечеть, но и ходят по улицам, что было прежде запрещено кемалистами.

В женской одежде национальные особенности сохранились лучше. В Турции, как и на всем Востоке, женщины любят большие шали, предпочитают скромные длинные и закрытые платья. Эмансипированные девушки щеголяют в джинсах, не чураются ни миди-, ни мини-юбок. Однако в последние годы даже на городских улицах все больше появляется женщин в чаршафах и тюрбанах: реисламизация дает себя знать.

Большое распространение у турчанок получил брючный костюм. Его носят многие горожанки – студентки, представительницы свободный профессии, жены бизнесменов, сами бизнесвумен (*иш ханымлары*). Такой костюм соответствует требованиям ислама: ноги женщины абсолютно

закрыты. Здесь сыграл рель и эстетический фактор: черноокие, луноликие, стрелобровые красавицы Востока имеют общий недостаток – относительно короткие ноги. Кимоно в Японии, саронг в Индонезии, сари в Индии, шаровары в арабских и ираноязычных странах всегда маскировали эту диспропорцию.

Кухня турецкая славится во всем мире: ведь она вобрала в себя лучшие достижения поварского искусства от Балкан до Кавказа, от Северной Африки до Ирана. Не нужно быть специалистом-кулинаром, чтобы заметить эту ее особенность. Любой турист, решивший пообедать в каком-либо турецком ресторане, невольно обратит внимание на то, что в меню соседствуют блюда самых разных стран и народов: *капуска* (тушеная капуста с мясом) уже одним названием говорит о своем славянском происхождении, различные *ыскара* (мясные блюда, приготовленные на металлической решетке) напомнят о Балканах (это греческая *скара* – гриль), шашлыки и кебабы перекочевали с Кавказа, дамасская баклава (слоеное пирожное с миндалем и фисташками) переселилось из Сирии.

В турецкой кухне из мясных блюд наибольшей популярностью пользуются шашлыки, особенно *дёнер-кебаб* (вращающийся шашлык). Его традиционное приготовление выглядит так: вертел с нанизанным на него крупными кусками баранины, предварительно вымоченными в остром соусе, ставится вертикально перед узким и высоким жестяным шкафчиком, на полках которого лежат горящие угли. Специальный механизм, работающий от тока горячего воздуха, идущего вверх из шкафчика, медленно поворачивает вертел, мясо равномерно обжаривается со всех сторон. *Кебабчи* – повар, готовящий шашлык, срезает ножом прожарившуюся часть и накладывает эти кусочки на толстую лепешку из квашеного теста – *пиде* (греческая питта). Затем шашлык поливают йогуртом (простоквашей из овечьего молока) и посыпают стручками мелкого зеленого перца. Иногда к нему подают плов и томатный соус. Теперь жестя-

ные шкафчики с углями заменили вертикальные электрические или газовые жаровни.

На юге Анатолии название *дёнер* заменяют аналогичным по значению словом *чевирме* (вращение), которое в арабском произношении превратилось в *шаурма*. Оно широко распространилось, вместе с кушанием, им обозначаемым, в городах России.

Тушеные, жареные, маринованные, фаршированные овощи, различные пловы – с мясом, фисташками или с изюмом, разнообразные сладкие кисели и желе из молока и рисового отвара – *сютляч*, *кешкюль*, *махаллеби* составляют добрую половину турецкой поваренной книги. Восточные сладости – халву, рахат-лукум, засахаренные орехи, сладкие запеканки с инжиром и шафраном подают на десерт. Все эти кушанья восходят к земледельческим традициям народов Балкан, Кавказа, Западной Азии. Скотоводческие традиции сказываются и в особой любви к молочным продуктам. Обилие молочных блюд в турецкой кухне несет на себе несомненный след кочевников, которых этнографы называют иногда «галактофагами» (поедателями молока). Йогурт, айран (разбавленный водой йогурт), *курут* (соленый творог, засушенный в виде шариков), *чёкелек* (такой же творог, но из снятого молока), каймак (густые сливки из овечьего молока) – все это исконно кочевнические продукты, широко распространившиеся в Анатолии после расселения здесь тюркских племен. Молочные супы, похлебки с сушеным творогом или с *тарханой* (родом галушек, сваренных в айране, затем высушенных и заготовленных впрок) занимают большое место в пище турецких крестьян. Сюда надо добавить брынзу и сыр, заимствованные тюрками у оседлых народов иранских и балканских, о чем говорят и сами названия этих продуктов: *пейнир* – слово из иранских языков, а *кашар* или *кашкавал* – слова молдавско-румынские. Наследие тюркских кочевников, разводивших преимущественно овец, проявляется и в том, что в Турции высоко ценится баранина: это здесь самое дорогое мясо. Говядину

и курятину продают гораздо дешевле. Свинина же, как известно, совершенно исключена из рациона всех мусульман: это – табу, харам. Но в ресторанах «ала-франга», которые есть в Стамбуле, Анкаре, других крупных городах, турист может заказать, к примеру, и свиные отбивные...

В меню богатого стола сначала идет *через* – сборная закуска. На тарелке лежат маринованные огурчики и перчики – *туршу*, черные соленые маслины и зеленые маринованные оливки, тонкие ломтики вяленого мяса – *пастырма*, кружочки сухой колбасы – *суджук*, кусочек брынзы. В приморских городах сюда добавят креветки или печеные мидии, или свежепросольную ястычную икру. Подают и своеобразный салат – *джаджик*: свежие огурцы нарезаны, залиты йогуртом и приправлены оливковым маслом. Закуской служат и овощные блюда – жареные или тушеные баклажаны, кабачки, сладкий перец, – поданные в холодном виде.

Из первых блюд наиболее характерно, пожалуй, кушанье из бараньих ножек, приготовленное, как студень, но подаваемое горячим, – *пача*. Оно похоже на армянский *хаш*. Затем идут кебабы и ыскара – мясные блюда на шампурах и рашпере. К ним прилагаются половинки лимона: выжатый на жаркое лимонный сок смягчает бараний жир. На открытом жару углей готовят и рыбные горячие блюда. К мясу и рыбе обязателен салат из помидоров, огурцов, жгучего стручкового перца, репчатого лука с оливковым маслом и винным уксусом, зеленью – петрушкой, листьями дикой горчицы (рока) и латука.

Помимо мясных и рыбных блюд есть разнообразные голубцы из капустных или виноградных листьев (*сарма*), фаршированные кабачки и перец (*долма*). Знает турецкая кухня и лобио – *барбунья* (из бобов) и *фасулье* (из белой фасоли).

Очень богат выбор десертных блюд: *казан диби* («дно казана») – молоко, топленное с сахаром и мукой в плоском котле; *тавук гёйсю* (куриная грудка) – отварное белое мясо

курицы, протертое с сахаром и рисовой мукой, сдобренное молоком; *зерде* – сладкая рисовая запеканка с шафраном; *ашуре* – сладкая каша из пшеничной крупы, гороха, фасоли, инжира и изюма, посыпанная орехами и миндалем. Ее название происходит от ашуры, траурной декады в память о Хусейне, когда шииты и алевиты «вкушают» это блюдо в качестве кутьи.

Именования многих блюд экзотично красноречивы. Тушеные баклажаны с томатами, луком и оливковым маслом называются *имам байилды* («имам обалдел»): якобы, некий имам, отведав этого кушанья, впал в совершенный экстаз – таким вкусным оно ему показалось. Мясные зразы с рисом, смоченные сырым яйцом, обваленные в муке и зажаренные в масле на сковороде, названы *кадын буду* («женская ляжка»), круглое сладкое печенье – *ханым гёбеи* («пупок дамы»), продолговатое – *везир пармаы* («пальцы везира»), овальной формы – *дильбер дудаы* – «губы красавицы»).

Есть и разнообразные пирожки: *субёреи* – слоеные, с мясом или с брынзой, *кадаиф* – сладкие, с каймаком, манты – они похожи на среднеазиатские, только не варятся на пару, а жарятся.

Из русской кухни турецкие повара позаимствовали борщ (он почти так и называется – *борч*, большие пироги с мясным фаршем или другой начинкой (*пирухи*) и салат оливье, который именуется русским: *рус салатасы*. Название этого салата имеет любопытную историю. «Оливье» он был назван по имени своего изобретателя – повара-француза, жившего в России в XIX в. Во Франции же его нарекли «русским» (саляд рюс): туда этот салат занесли русские аристократы. Аналогичное название получил он и в Турции. Однако в 1950–1960 гг., когда в Анкаре у власти находилось проамериканское правительство Мендереса, «русский салат» переименовали в «американский» – *американ салатасы*. Только после свержения Мендереса прежнее название было восстановлено.

По классификации гурманов, турецкая кухня, как и русская, – вкусная, но тяжелая, в отличие, например, от французской – вкусной и легкой, или английской – невкусной и тяжелой.

Пища городского и деревенского простонародья менее изысканна. На завтрак – хлеб с луком, маслинами и брынзой. Летом и осенью приправу к хлебу составляют помидоры, арбуз, дыня или виноград: овощи и фрукты в Турции дешевы. В обед – похлебка из тарханы (*тархана чорбасы*) или из требухи (*ишкембе чорбасы*); на второе – каша из пшеничной крупы (*булгур пилявы*). Крупа «булгур» делается особым способом: зерна пшеницы отваривают, потом сушат и дробят. В кашу из нее добавляют лук, чеснок, острый перец и оливковое масло, и получается особый плов (*булгур пилявы*).

Основа питания большинства турок – углеводы и растительные белки: хлеб, бобовые, различные крупы. Мясные блюда на столе крестьянина да и многих горожан появляются обычно только в праздничные дни. Такой рацион обусловлен историческими причинами: переходя на оседлость, тюрки-кочевники становились земледельцами, главным образом хлебопашцами. Многие западные наблюдатели отмечают, что турки, как и русские, едят очень много хлеба, гораздо больше, чем европейцы.

Турецкие хлебобулочные изделия весьма разнообразны: батоны из пшеничной муки, иногда с добавлением кукурузной, что придает им особенно приятный вкус и аромат, их пекут в современных пекарнях (*фырын*), которых много в каждом городе, есть они и в крупных селах. Такие батоны называются *экмек*, что значит и хлеб вообще. Выпекают здесь и лепешку из квашеного теста в палец толщиной, знаменитую *пиде*, на которую накладывают нарезку шашлыка *дёнер-кебаб*. Делают тут и толстые бублики (*симит*, от греческого *симитис*), посыпанные семенами кунжута или сезама, который по-турецки называется *сусам*. Есть бублики и другого типа – *геврек* – более тонкие и подсушенные так,

что крошатся во рту. Геврек заимствован у славян, его название – это трансформированное слово *коврига*. Все эти бублики продают на улицах почти на каждом углу. А разносят их продавцам обычно молодые люди, даже мальчишки, на круглых или квадратных деревянных щитах, которые несут на голове. Туристы, оказавшиеся рядом, восхищенно наблюдают, как пирамиды из бубликов, выложенные на щитах, слегка покачиваются в такт шагам такого разносчика-»эквилибриста».

У Кавказа заимствован лаваш, более тонкая, чем пиде, лепешка, и *чёрек* – сдобный крендель с добавлением масла, а иногда и сахара, и яйца.

Наследием, полученным от тюркских кочевников, являются очень тонкие лепешки – *юфка*. Их делают из пресного (бездрожжевого) теста и выпекают либо над открытым огнем в очаге на железном противне, либо в тандыре – особом приспособлении для жарки именно разнообразных лепешек: юфки, лаваша и чёрека. Тандыр лепится из глины в форме бочонка с открытым верхом. Сбоку внизу он имеет устье для тяги. Протопив тандыр, хозяйка прилепляет сырые лепешки на внутреннюю поверхность раскаленной стенки, где они и запекаются. Сходные очаги есть в Средней Азии: туркменские тамдыры, узбекские тонуры. Слово «юфка» имеет общетюркское происхождение; его зафиксировал еще в 1074 г. Махмуд Кашгари, составитель первого словаря тюркских языков. Юфка – традиционный хлеб кочевников. Несколько таких лепешек, свернутых в трубку, могут храниться, не высыхая, очень долго – до двух месяцев.

Но теперь юфка используется по-другому. Раскатанную лепешку не пекут, а нарезают узкими ленточками, и получается лапша – *эриште*. Это персидское слово как бы символизирует переход от кочевнической культуры к оседлой: суп лапша (*эриште чорбасы*) больше характерен для городской кухни.

Турция с трех сторон окружена морем. И в приморских городах рыба и другие дары моря – омары, лангусты, кре-

ветки, мидии – разнообразят стол. Рыбу турецкие кулинары, как правило, жарят на оливковом масле или запекают на открытом огне. Это традиция всего Средиземноморья. Рыбу заготавливают и впрок. Например, пеламиду режут на куски и заливают рассолом. Такая заготовка называется *лякерда*. Скумбрию вялят, получается *чироз*, нечто похожее на воблу. Оба названия – греческие.

Ряд особенностей турецкой кухни связан с климатическими условиями. Жители Турции, как и других жарких стран, издревле добавляют в пищу большое количество острых приправ: уксус, перец, лук, чеснок, обладающих бактерицидными свойствами, что препятствует распространению инфекционных желудочных заболеваний. Жаркий климат обусловил и способы заготовки овощей впрок. Например, капусту, огурцы, помидоры не солят и не квасят, а заливают уксусом, маринуют. Из жиров в ходу больше растительные. Сливочное масло употребляют только в городах, его распространение совпало по времени с появлением холодильников.

Кейф по-турецки. Излюбленный вид отдыха у турок – это *кейф* (так они произносят это арабское слово). Даже последний бедняк, если ему посчастливится немного подзаработать, не преминет вечерком зайти в кофейню и хотя бы часок там покейфовать. Кейф немыслим без чашки кофе и крепкой сигареты или кальяна. Удовольствия, доставляемые ими, турецкая поговорка называет «двумя подушками софы наслаждений».

В Османской империи кофе стало распространяться после 1546 г., когда турки завоевали Йемен, богатый кофейными плантациями. В XVI в. в Стамбуле начали открываться кофейни. А так как винопитие было запрещено, вскоре турки пристрастились к этому возбуждающему жизненную энергию напитку. Этому способствовали его доступность и дешевизна: Йемен, откуда кофе привозили в Турцию, входил в состав Османской империи, и на его закупку не требовалось, как теперь, иностранной валюты. Особен-

ность приготовления кофе по-турецки заключается, прежде всего, в том, что обжаренные кофейные зерна мелют на ручных медных мельницах, дающих очень тонкий – как мука – помол, и заваривают крепко – до трех чайных ложек на маленькую кофейную чашечку. Варят кофе в *джезве* (в России она называется «турка») – сужающемся кверху медном сосуде, напоминающем обычный кофейник, но без крышки и рожка, с маленьким носиком и длинной ручкой. Налив в нее воды и добавив сахара, джезве ставят на огонь и доводят кофе до кипения, иногда два-три раза. После этого сваренный напиток тут же разливают по маленьким фарфоровым чашечкам вместе с гущей. Гостю всегда дают ту чашку, где больше пены: считается, что обильная пена делает кофе ароматней и вкусней. Такой сладкий кофе называется *шекерли кахве*. Реже пьют кофе без сахара – *саде кахве*. И тот, и другой запивают холодной водой, которую подают в стакане: глоток воды, глоток кофе.

Выпив кофе, можно погадать на кофейной гуще. Перевернутую чашку ставят на край стола. Стекая, гуща образует на ее стенках причудливые линии, борозды, узоры. По их рисунку знатоки предскажут вам судьбу. Длинная борозда – дальняя дорога, закругленная линия – любовное свидание, большое темное пятно – неожиданный удар судьбы.

Черный кофе считается во всем мире национальным напитком турок, его даже называют иногда «кофе по-турецки». Однако самый ходовой напиток в современной Турции – чай. Он давно оттеснил кофе на второе место.

Кофе – товар импортный, дорогой, а чай растет в самой Турции. Первые саженцы чая турки получили из СССР еще в 30-х гг. XX в. Турецкие чайные плантации раскинулись в причерноморских долинах Анатолии, сходных своим климатом с чаеводческими районами Грузии, и дают хорошие урожаи.

Турки пьют очень крепкий чай, густой, как заварка, – настоящий чифирь – ярко багряного цвета. «Красный чай», – называл Сергей Есенин похожую заварку в бакинских чай-

ханах. Такой чай заваривают, не просто заливая заварной чайник кипятком, а ставят его на большой чайник с кипящей водой или на самовар, чтобы заварка прокипела. Подают чай в маленьких стаканчиках, словно перетянутых в талии и оттого напоминающих восьмерку, если смотреть сбоку. Специальные продавцы-разносчики – *чайджилар* с круглыми медными подносами, на которых стоят стаканчики красного чая, мелькают повсюду на улицах, базарах, около предприятий, строек и контор.

Чая пьют много, в любое время, по любому поводу. Завтрак, обед заканчивают чаем. Рабочие, служащие, улучив минутку для отдыха, подзывают чайджи, что снуют не только по улицам, но и по коридорам учреждений и заводским цехам, и выпивают стаканчик-другой. Приятели, встретившись на улице, если им хочется перебросится несколькими словами друг с другом, тоже непременно воспользуются услугами чайджи. В любом офисе, куда вы придете по делам, вас обязательно угостят чаем. Стаканчик чая не преминет предложить вам и чистильщик обуви, пока он наводит глянец на ваши ботинки, и хозяин лавочки, куда вы зайдете за покупками.

По праздникам в городских парках, садах, на набережных открыты специальные чайные базары. На столах стоят вазочки со сластями, печеньем, сладкими пирожками и блестят пузатые самовары. Самовар попал в Турцию из России через Кавказ. Он сохранил здесь свое название, только с турецким акцентом – *сэмавэр*.

«Курил в Стамбуле злые табаки...» – поется в песне. По сбору и экспорту табака Турция занимает одно из ведущих мест в мире. А впервые его завезли в Османскую империю англичане, разрекламировав, как лекарство от многих болезней. Произошло это в 1606 г. Курение стало быстро распространяться среди завсегдатаев кофеен. Так сошлись в Турции кофе с Востока, табак с Запада – «два зелья, жидкое и газообразное», по выражению турецкого писателя Намыка Кемаля, – и возник «кейф по-турецки».

Раньше турки курили длинные трубки – чубуки. Теперь курят обычные сигареты, а европеизированные богачи – и сигары и трубки с дорогим табаком. Приверженцы старины, однако, предпочитают кальян: в большой стеклянный сосуд налита вода; узкое горлышко закрыто чашечкой, в которой тлеет табак; от нее внутрь сосуда идет трубка, опускаясь в воду; другая трубка вставлена в сосуд снаружи, выше уровня воды; к ней присоединен шланг, заканчивающиеся мундштуком. При затяжке дым проходит пузырьками через воду, как сквозь фильтр, очищаясь от частичек табачной золы. Для кальяна употребляют особый сорт табака – грубый и очень крепкий, вроде махорки. Называется он *тёмбеки* в отличие от обычного – *тютюна*. Прежде сосуды кальяна делали из оболочки кокосового ореха, который по-арабски называется *наргиль*, откуда и произошло турецкое наименование этого курительного прибора – *наргиле*. Кальян – броский элемент декора: он украшен ярким орнаментом, отделан медью.

В кофейнях не только курят наргиле и утоляют жажду айраном, чаем или кофе. Здесь продают и традиционный турецкий алкогольный напиток – ракы, анисовую водку крепостью 45°. Закуска к ракы – через, то есть такая же, как перед основной едой: брынза, маслины, суджук, а также различные туршу (маринованные огурчики и перчики).

Любители ракы не всегда ограничиваются легким опьянением, которое называется *кейфлик*. Захмелевших до бесчувствия в прежние времена уносили домой в огромных корзинах, плетеных из прутьев, с двумя ручками по бокам. Такая корзина – *кюфе* – дала название последней стадии опьянения – *кюфелик*. От кейфлика до кюфелика – вот турецкие определения начального и конечного состояний нетрезвости человека.

Очень популярно у турок пиво, наибольшим спросом пользуются «Эфес-Пильсен», то есть, «Эфесский Пльзень» (его выпускает пивзавод, построенный чехами) и «Туборг» турецко-датского производства. Закуска к пиву чисто ту-

рецкая – *мезе*: каленый горох (*леблеби*), очищенный фундук, фисташки, семечки подсолнуха и тыквы.

Вино в турецком рационе так и не прижилось. Но зато очень богат выбор ликеров. Они делаются на натуральных фруктовых и ягодных соках – банановый, апельсиновый, лимонный, вишневый, клубничный, малиновый...

В большинстве городских кофеен айран, шербет вытеснены прохладительными напитками фабричного изготовления и преимущественно западных марок: пепси- и кока-колой, фруко, лимонадом и другими.

Банный кейф. Для получения удовольствия, а не только для мытья служит и турецкая баня – *хамам*. Основной принцип ее конструкции достался туркам через византийцев от римлян: это те же древнеримские термы. Хамам, как и сауна, – баня «сухого пара» или, лучше сказать, «сухого жара». В ней нет прямого контакта с водяным паром, как в парилке русской бани: нагревается пол, под которым для этого расположен широкий и длинный очаг (*кюльхан*) с горящими дровами или углем.

Здание хамама – внушительное сооружение, часто являющееся архитектурным шедевром, особенно это касается общественных бань (*чарши хамамлары*). Такая баня делится обычно на три зала. Первый – это раздевалка, где стоят диваны, сидя на которых можно раздеться, отдохнуть и оставить здесь одежду. За отдельную плату можно раздеться в огороженном стеклянной перегородкой закутке. В центре зала находится бассейн с фонтаном, а в одном из уголков – очаг для варки кофе и сидит кофейщик (*кахведжи*). Римляне называли этот зал «фригидарий» (холодный). Во второй зал входят через небольшую дверь. Пол в нем подогрет (это римский «тепидарий» – теплый). Вдоль стен стоят диванчики, сидя или лежа на которых можно перед входом в следующий зал попривыкнуть к слегка повышенной температуре воздуха. А те, кто выходят после мытья, здесь вытираются и отдыхают. На одной стороне зала расположены туалеты, на другой – кабинки парикмахеров.

Через следующую маленькую дверь входят в третий зал (римский кальдарий – горячий). По аналогии с русской баней, его можно назвать мыльней: здесь, собственно говоря, и моются. Посреди зала находится круглое в плане возвышение – *гёбек таши* («каменный пуп»), самое жаркое место: под ним в подвале как раз центр топки, нагревающей банный пол. На этом подиуме возлежат любители пожариться и тем самым испытать особый кейф. Здесь же банщики растирают им тело мочалками, разглаживают его намыленным полотняным пузырем и, омыв теплой водой, делают массаж.

Вдоль стен расположены раковины с водопроводными кранами и каменные сиденья. Для желающих мыться в одиночестве имеются кабинки (*хельветлер*), в которых также есть раковины и сиденья.

Каждый зал накрыт огромным куполом, опирающимся на колонны. В куполе множество оконцев, через которые проходит свет, рассеивающий банный мрак. Ныне, однако, для освещения больше используют электричество: все залы залиты ярким светом.

В турецкой бане, в отличие от русской, принято мыться не совсем обнаженным, а в трусах или набедренной повязке. Пол в «мыльне» довольно горячий и влажный от пролитой воды, поэтому здесь ходят в особых сандалиях – *налын* или *такунья*. У первых толстая деревянная подошва, у вторых – эта подошва подбита еще двумя деревянными поперечинами.

Раньше строились так называемые двойные бани – *чифте хамамлар*: одна для женщин, другая для мужчин. Такая «двойняшка» сохранилась в Стамбуле недалеко от Айя-Софии. Ее возвел знаменитый турецкий зодчий Синан в XVI в.

Прежде в турецких банях собирались целые компании. Женщины приводили с собой детей, приносили разные угощенья, нередко приглашали певиц и музыкантш. Поход в баню превращался в шумное и веселое развлечение.

Похожие собрания устраивали и мужчины. Здесь они обсуждали многие общественные дела, проводили состязания в музыке и стихосложении. Родился даже особый жанр поэзии, связанный с посещением бани *хаммамие*.

ГЛАВА 9

ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Приход весны в Турции отмечается двумя народными праздниками: это Невруз и Хыдреллез. Первый приходится на весеннее равноденствие 21 марта, когда день уравнивается в своей продолжительности с ночью, а затем начинает ее обгонять. Эта дата и называется Невруз, что по-персидски значит «Новый день».

Этот праздник имеет древнеиранское происхождение и наиболее ярко и широко отмечается в Иране, Афганистане и Таджикистане. В первых двух странах, согласно официальным календарям, в это время наступает Новый год.

С этого дня и весна вступает в свои права. Приходит и пора весенней полевой страды, пора забот и надежд земледельца. Поэтому Невруз – праздник не только Нового года, а еще и начала земледельческих работ.

Календарь, по которому совершают все обряды Невруза (этот праздник длится несколько дней), называется персидским (фарси) или солнечным (шемси). Он не имеет ничего общего с лунным (камери), в котором начала месяцев соответствуют новолуниям и ежегодно смещаются на 10–11 суток по соотношению с солнечным. Лунное летосчисление не годится для определения сроков сельскохозяйственного цикла. Солнечные же календари основаны на периодичности видимых движений Солнца, и все их даты привязаны к определенным сезонам, что существенно для земледель-

ца, который в своей деятельности должен планировать начало тех или иных полевых работ.

Из времен года для крестьянина важнее всех, пожалуй, весна – пора пахоты, сева, посадки растений. Поэтому приход весны всегда ознаменовал в его глазах и начало года вообще. Так, в древнеримском государстве год начинался 1 марта. Древнеегипетский календарь, сохранившийся до наших дней у коптов – христиан Египта, хоть и начинает отсчет года с конца сентября, тоже связан с наступлением нового земледельческого цикла: «весна» здесь приходится на время максимального разлива Нила, воды которого дают жизнь полям на целый год.

Календарь шемси, а также аграрная обрядность, связанная с его датами, оформились в те времена, когда религией во многих странах Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и Кавказа был зороастризм. Его земледельческий культ канонизирован в Авесте, которая предписывает любить землю, как любят девушку, оплодотворять ее семенами, делать ее матерью, приносящей богатый урожай, повышать ее плодородие трудом.

Суть празднования Невруза везде одинакова: радостная, торжественная встреча весны. Его обряды лишь незначительно варьируются из страны в страну, из области в область. Несколько меняется и произношение его названия: ноуруз (Иран), новруз (Афганистан), науруз, навруз (республики Средней Азии), невруз (Ирак и Турция).

По календарю шемси, Невруз начинаемся, когда Солнце входит в созвездие Овна, в день весеннего равноденствия, как правило, 21 марта. Только в отдельные годы этот момент выпадает на 20 или 22 марта, что вызвано несовпадением високосных лет в григорианском и древнеиранском летосчислениях. В старину этот час определяли астрологи – *мюнеджимы* (звездочеты). Теперь же он, высчитанный современными астрономами с точностью до минуты, указан в календарях. Кроме того, о нем оповещают по радио и телевидению.

В отличие от нашего Нового года, Невруз встречают при полном свете дня, а не глубокой ночью. В этот торжественный миг все члены семьи должны быть дома, сидеть за столом, который накрыт сообразно с принятыми обычаями: помимо кушаний, на нем обязательны тарелки с крашеными яйцами, зелень проросших зерен, сосуд с водой, в которой плавает зеленый лист, яблоки, чеснок и каравай хлеба. Все это еще раз подчеркивает земледельческий характер весеннего праздника. Хлеб, яблоки, зелень символизируют плодородие, яйца, заключающие в себе новую жизнь, весеннее возрождение природы. Окрашенные в яркие цвета, они присутствуют в ритуалах у разных народов, в разных религиях. Так, например, крашеные яйца фигурировали в мартовских праздниках римлян, позже перешли они в обрядность христианской Пасхи.

В сельской местности в первый день Невруза совершается обряд прокладки борозды. За плуг становится самый уважаемый односельчанин. Он бросает несколько горстей зерна в первую борозду. После этого начинаются полевые работы – пахота, сев, боронование и т.п.

Отдельно празднуется тринадцатый день Невруза, Отмечая его, горожане собираются в парках, садах, выезжают компаниями за город. Крестьяне выходят в поле, на луга, в рощицы. Во время этих своеобразных пикников едят сладости, пьют шербет – чтобы год был «сладким», счастливым. Девушки вяжут из зелени венки, наполняют кувшины родниковой водой, затем бросают на дно «фанты» – колечко, сережку, монетку.

Под пение частушек эти предметы вынимают один за другим. Так происходит гадание о девичьей судьбе в наступившем году. Счастливым считается фант, вынутый под песенку: «Новый год, Новый год! В доме мужа у меня сын родится через год». Это значит, что в текущем году девушка соединится со своим суженым, и брачный союз принесет им первенца.

Благодаря своей народной, радостной и вместе с тем трудовой сути Невруз стал поистине всенародным праздником

в советских республиках Средней Азии. В 1927 г. он был провозглашен торжественным днем мужчин и женщин, что имело большое значение в тогдашних условиях для утверждения равенства полов.

На территорию Турции Невруз попал вместе с тюркскими племенами, которые на пути из Центральной Азии в Анатолию испытали сильное иранское влияние, позаимствовав многие элементы персидской и таджикской культуры, в том числе и весенний праздник Нового года. При этом, Невруз наложился на принятый тюрками китайский календарь 12-летнего животного цикла: с весеннего равноденствия начинали они отсчитывать дни наступившего года но этому летосчислению.

Во времена сельджуков и османцев этот праздник отмечался на государственном уровне. Характерной его чертой было одаривание друг друга подарками, причем, соблюдалась иерархия таких подношений. Сановники принимали их от своих подчиненных и, в свою очередь, одаривали везиров, шейхульислама и других членов правящей элиты, а те, уже выйдя на высший уровень, подносили дары султану. Это было, как правило, оружие, инкрустированное золотом и драгоценными камнями, дорогие ковры и ткани, а также породистые лошади.

Придворные поэты сочиняли в честь султана и везиров хвалебные оды (касыды). Готовились праздничные угощения, которые назывались *неврузие*: варенье из лепестков розы и конфеты в виде вязкой пастилы из меда и ароматных трав.

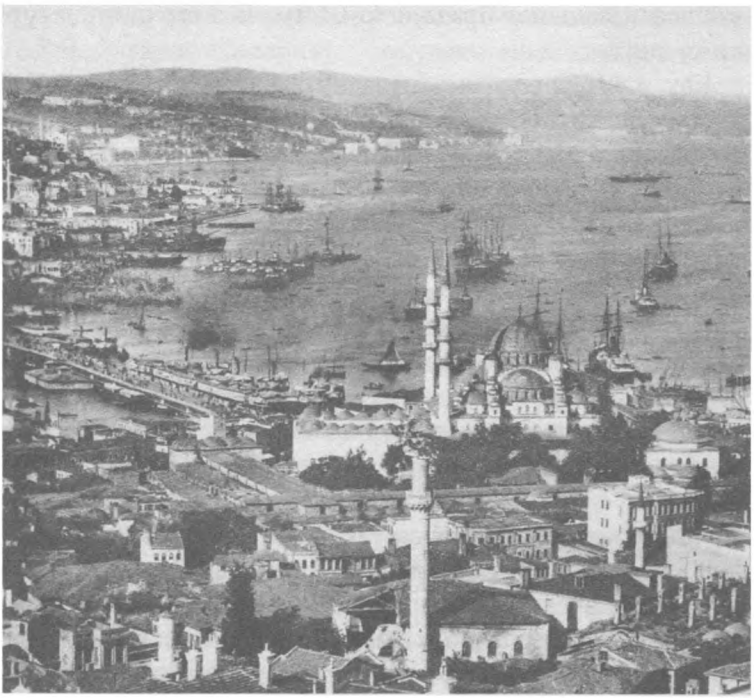
В республиканской Турции этот праздник сохранился только в народе, да и то лишь у курдов и алевитов. Курды по происхождению – народ иранской группы и поэтому соблюдали данную этническую традицию. У алевитов же распространено поверье о том, что Невруз связан с имамом Али: то ли он в этот день родился, то ли женился на дочери Мухаммеда Фатиме, то ли был провозглашен халифом. Что касается турок-суннитов, то у них Невруз сохранил-

ся лишь как дата сельскохозяйственного календаря – день окончания зимы, и особых празднеств по этому поводу они не устраивали.

Даже называть его предпочитали не «новым днем», а «девятым марта» (*мартын докузу*) по юлианскому календарю, который действовал в Турции в качестве официального с 1840 по 1925 г. и носил название *руми* (греческий).

В конце 1970-х гг. празднование Невруза приобрело политический характер. В этот день курды стали устраивать демонстрации против ассимиляторской политики Анкары, требовать предоставления автономии и даже независимости Турецкому Курдистану. После государственного переворота в 1980 г., когда к власти пришла военная хунта, антикурдская политика Анкары усилилась, в частности, было запрещено отмечать день Невруза. В 1984 г. курды Восточной Анатолии начали партизанскую войну за предоставление национальных прав Курдистану, а празднование Невруза на этом фоне вылилось в ожесточенные стычки курдов с полицией даже в Стамбуле и Анкаре.

В 1991 г., после отстранения хунты от власти, началась демократизация турецкой общественной и политической жизни. Это коснулось и курдов: им разрешили говорить на родном языке в общественных местах и отмечать Невруз. Снятию запрета с празднования дня весеннего равноденствия способствовало влияние бывших советских республик Средней Азии, где он широко отмечается. Турция стремится развивать с ними многогранные отношения, в том числе, и в области культуры. В день Невруза в Турцию по приглашению ее правительства прибывают из этих республик многочисленные делегации, в состав которых входят танцевальные и песенные ансамбли, дающие концерты во многих городах страны. В этих мероприятиях участвуют и члены турецкого правительства, включая президента и премьер-министра. Таким образом, Невруз вновь, как и во времена сельджуков и османцев,



Стамбул.
Фотография начала XX в.

стал официальным праздником. Отмечать его стали и турки-сунниты.

Как и перед другими праздниками, за несколько дней до наступления Невруза проводят уборку в домах и на прилегающих улицах, шьют или покупают новую одежду, готовят подарки родственникам, соседям, друзьям и знакомым.

Отличительной чертей празднования этой даты у курдов является возжигание огня. Во дворах, на холмах, даже на улицах разводят костры. Вокруг них собираются хороводы. Все поют и танцуют, прыгают через пламя. Этот обычай идет от зороастризма, в котором особо почитался огонь, как одна из священных стихий и символ Солнца.

Обязательна в этот день обильная трапеза. Готовят разнообразные пловы – из риса, булгура, чечевицы, пекут пирожки с зеленью. Десерт составляют традиционные сладости – халва, рахат-лукум, пастила неврузие, шербет. Продукты, из которых делают эти блюда имеют подчеркнуто земледельческое происхождение.

Однако в тех регионах, где преобладает скотоводство, празднование Невруза носит иной характер. Март для животноводов – это время окота овец. Он даже имеет специфическое название – *кузу айы* («месяц ягненка»). На праздничном столе преобладает мясная и молочная пища: вареная баранина, творог, йогурт, айран.

Алевиты отмечают Невруз и как день поминовения усопших родственников. Посещают могилы предков, где устраивают поминальные трапезы. А дома, во время застолья, пьют вино и едят не только восточные сладости, но и ашуру.

Второй весенний праздник – Хыдреллез. Многие турки воспринимают это название как Хызыр Ильяс – пророк Илья. Но на самом деле оно является слиянием имен двух персонажей – Ильяса и Хызра. О первом из них определенно говорится в Коране: «И поистине, Ильяс был посланником» (37:123).

Далее идет текст, в котором отражена борьба ветхозаветного Ильи с жрецами Ваала. Вместе с тем, Ильяс упомя-

нут и в ряду христианских пророков: Закарии, Яхьи и Исы (6:85). Закария (Захария) – это отец Иоанна Крестителя (Предтечи), Яхья – сам Иоанн Креститель, Иса – Иисус Христос.

Хызр или Хыдр в Коране не фигурирует, однако в нем говорится об одном «мудром спутнике пророка», который остался безымянным. Предание же дало ему имя «аль-Хадир» (Зеленый), а сам он стал олицетворением вечности природы и ее постоянного возрождения после зимней спячки. Хадир или Хызыр обладает бессмертием: по преданию, он его обрел, испив из источника живой воды (*аб-ы хаят*). Он также является своего рода ангелом-хранителем для всех, кто попадает в затруднительное положение. Есть даже турецкое выражение «прийти на помощь, как Хызыр» (*Хызыр гиби етишмек*).

Слитно-двоякий Хызыр Ильяс персонифицируется в образе старца. Он похож на русского Деда Мороза, английского Санта Клауса, французского Пэра Ноэля. Он тоже приносит детям подарки, только не среди зимы, а в начале лета, 6 мая. И одежда у него соответствующая. На зеленом халате вышиты яркие цветы: красные, желтые, розовые. Прямо настоящий весенний луг... На голове Хызыр Ильяса остроконечный красный колпак, обвитый зеленым шарфом. Считается, что всюду, где ступит нога этого ярко одетого старикана, обутая в красный башмак, прорастает трава и распускаются цветы.

Праздник Хыдреллез очень веселый и в чем-то перекликается со славянским Иваном Купалой. Во время Хыдреллеза крестьяне водят хороводы вокруг зеленеющих деревьев. Женщины плетут венки из луговых цветов, молятся о благоденствии и изобилии. Эти просьбы, написанные на листах бумаги, вешают вечером на ветки розовых кустов вместе с красными кошельками, в которые вложены одна-две монеты. В канун праздника девушки гадают, как и во время Невруза, о своей судьбе. Они бросают фанты в горшок с водой, накрывают его платком и ставят на ночь

под куст розы. Утром девочка 12–13 лет вынимает из сосуда эти фанты под пение частушек, которые исполняют участницы гадания. Содержание частушки, под пение которой вынимается тот или иной фант, предсказывает судьбу его обладательницы в предстоящем году.

Во время Хыдреллеза, как и Невруза, устраивают прогулки и пикники на лоне природы, сопровождая их песнями, танцами, играми.

Дата Хыдреллеза – 6 мая совпадает с днем Святого Георгия, который является важнейшим из годовых праздников у многих народов Юго-Восточной Европы. Поэтому в торжествах и увеселениях в этот день принимают участие и христианские жители Турции – греки, болгары, македонцы, сербы.

В Турции много и других праздников, а также памятных дат: государственных (официальных), общественно-значимых и международных. Республиканская Турция торжественно отмечает знаменательные даты своей истории. В этой череде самое большое торжество – Праздник Республики (*Джумхуриет байрамы*), 29 октября. В этот день в 1923 г. Турция была провозглашена республикой и Мустафа Кемаль-паша избран ее первым президентом. Накануне улицы всех городов украшают гирляндами венков и арками, увитыми цветами. В окнах вывешивают турецкие флаги.

29 октября в Анкаре в 10 часов утра в здании Великого национального собрания Турции (парламента) устраивается огромный прием, на котором присутствуют президент Турецкой Республики, премьер-министр и другие члены правительства, высшие сановники, генералы, дипломатический корпус. В центрах вилайетов губернаторы принимают местных чиновников, гарнизонных офицеров, бизнесменов. В крупных городах проходят военные парады, самый грандиозный – в Анкаре. Юноши и девушки возлагают венки из живых цветов к памятникам Кемалю Ататюрку.

23 апреля отмечается как день начала работы в 1920 г. в Анкаре Великого национального собрания, депутаты которого поклялись бороться за независимость страны против иностранных интервентов. Это праздник национального суверенитета, но приоритет в его торжествах отдан детям; проходит он под лозунгом «наши дети – наше будущее!» Поэтому он называется не только праздником национального суверенитета (*улусал эгеменлик*), но и детским (*чоджжук байрамы*) и празднуется в атмосфере радости и веселья детей. Для мальчиков и девочек устраивают всякие развлечения, игры, дарят им подарки. На улицах и площадях выступают фольклорные ансамбли песни и пляски.

19 мая вспоминают о том, что в этот день в 1919 г. Мустафа Кемаль-паша, покинув Стамбул, прибыл в Анатолию, в город Самсун, чтобы возглавить национально-освободительное движение. Эту дату отмечают не только как память об Ататюрке (*Ататюрк'ю анма*), но и как праздник молодежи и спорта (*генчлик ве спор байрамы*). По всей стране проводятся физкультурные парады, спортивные состязания, футбольные матчи.

30 августа – праздник победы (*Зафер байрамы*): в 1922 г. в этот день были окончательно разбиты войска интервентов.

10 ноября 1938 г. скончался Кемаль Ататюрк. Этот день траура отмечается по всей Турции. В **10 часов** утра, в момент смерти основателя и первого президента Турецкой Республики, вся жизнь в стране замирает.

Останавливается движение транспорта, прекращают работу фабрики и учреждения, все встают и чтят память Ататюрка скорбной минутой молчания.

Начало Нового года отмечают, как и в большинстве стран мира, 1 января по григорианскому календарю, который был введен в Турции в 1925 г.

1 мая профсоюзы организуют демонстрации рабочих, студентов, интеллигенции в защиту прав трудящихся. Официально этот день называется Праздником весны и труда (*Бахар ве эмек байрамы*).

Эти же социальные круги отмечают Международный женский день 8 марта (*кадынлар гюню*).

Есть в Турции и полуофициальный День матерей (*Анне-лер гюню*). Это – второе воскресенье мая, и такой же День отцов (*Бабалар гюню*) – третье воскресенье июня. В эти дни особо чествуют многодетных родителей.

ГЛАВА 10

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТУРОК

Все турки, несмотря на разные политические пристрастия, горячие патриоты своего отечества. Эта любовь к родине, как дословно переводится с турецкого патриотизм (*ватан северлик*), зачастую превращается в национализм, даже в национал-шовинизм, чрезмерно завышенную оценку своей национальной идентичности. В основе этого явления лежат политические и идеологические факторы. Во-первых, в программе Народно-республиканской партии, которая почти 30 лет (1923–1950) была правящей, принцип национализма (*миллиетчилик* или *улусчулук*) является одним из главных. Во-вторых, турецкая молодежь воспитывалась десятилетиями, начиная со школы и кончая университетом, на идее превосходства турецкой нации над остальными.

Это произошло потому, что Кемаль призвал турецких ученых очистить историографию Турции, писавшуюся ранее в основном западными авторами, от тех искажений и ложных выводов, которым она подверглась в их субъективном освещении, затемненном догмами европоцентризма и расизма.

По его инициативе было образовано Общество изучения турецкой истории (*Тюрк тарихи теткик джемиети*), впоследствии – Турецкое историческое общество (*Тюрк тарих куруму*). Оно стало организатором съездов турецких историков, первый из которых состоялся в 1932 г.

Один из его участников, турецкий историк М. Ф. Кёпрюлю в своем выступлении указал на расистские измышления некоторых европейских авторов, связывавших происхождение и развитие всех восточных цивилизаций исключительно с арийским вкладом. Относительно «избранности» арийской (индоевропейской) расы он говорил: «Есть индоевропейская семья языков, но нет индоевропейской расы, которую многие западные ученые хотели бы выдать за высшую, создавшую современную цивилизацию и культуру».

Он отметил также тенденциозность европейских историков в толковании ряда событий турецкой истории. В частности, он критиковал немецкого востоковеда Т. Нёльдеке за то, что тот рассматривал образование государства Сельджукидов лишь как шаг назад в историческом развитии Западной Азии, лишь как результат завоевания варваров. В заключение он привел призыв Кемаля к турецким ученым «создать вновь историографию Турции».

Однако откликнувшись на этот призыв и борясь против арийского шовинизма и расизма, многие из них не нашли ничего лучшего, как противопоставить этим концепциям свой, турецкий, национал-шовинизм и расизм. Турецкие историки выдвинули свою точку зрения на всемирное развитие человечества, так называемый «Турецкий исторический тезис» (*Тюрк тарих тези*). Исходя из него, был написан капитальный труд «Тарих» (История), в котором утверждалось, что древнейшие цивилизации были основаны предками турок – тюрками, что древние народы, обладавшие самой развитой культурой – шумеры, хатты, аккадцы, ахейцы, этруски и другие – были тюрками. Турецкие лингвисты создали свою гипотезу возникновения языка, так называемую «Солнечную языковую теорию» (*Гюнеш диль теориси*), согласно которой первый язык был изобретен тюрками. Турецкие антропологи сформулировали идею о так называемой высшей расе брихикефалов, к которой отнесли тюрков и которая распространила свои культурные

достижения не только в Азии, но и в Европе. Автором этой идеи была Афет Инан – приемная дочь и соратница Кемаля.

Сам Кемаль всячески возвеличивал турецкую нацию, называя ее в своих обращениях к народу не иначе, как «Великая и благородная» (*Бюйюк ве асиль*). Он также постоянно пропагандировал этноним «тюрк», поднимая престиж его носителя в общественном мнении. Он облекал эту пропаганду в своего рода афоризмы, например: «Один турок стоит целого мира» (*Бир тюрк дюнья'я бедель*), или «Как счастлив называющий себя турком!» (*Не мутлу тюрк'юм дийене*). Этой пропагандистской риторикой Кемаль старался устранить негативное отношение большинства населения к слову «турок» (*тюрк*), сложившееся в османской Турции. Дело в том, что при султанах у турок не было общепринятого самоназвания. Горожане и сельская верхушка называли себя *османлы* (османцами), то есть, по подданству османского государства, или же мусульманами – по конфессиональной принадлежности. Самоназвание «тюрк» сохранилось лишь среди низших слоев населения, преимущественно – среди крестьян. Поэтому в устах османского правящего класса оно превратилось в синоним «мужика», «плебея», «грубого, неотесанного типа». Турецкий историк М. Э. Эриширгиль пишет, что в начале XX в. турками называли только крестьян, горожане же называли себя османцами или мусульманами. Под влиянием города и сельской верхушки даже часть крестьян стала стыдиться своего происхождения и называться «модным» словом «мусульмане». Турецкий писатель Якуб Кадри Караосманоглу в своем романе «Чужак» изобразил характерную сценку. Молодой интеллигент, приехавший из города в деревню, старается пробудить у крестьян чувство национального самосознания, агитируя их за поддержку Кемаля (сюжет романа развивается во время Войны за независимость). Между ним и сельчанами происходит такой разговор:

– Как может человек, будучи турком, не выступить на стороне Кемаля-паши? – спрашивает герой романа.

– А мы не турки, господин.

– Кто же вы?

– Мы, слава Аллаху, мусульмане...

Лишь после кемалистской революции, завершившей становление турецкой нации, общим самоназванием турецкого народа стал этноним «турки». Слово «османлы» постепенно вышло из употребления, сделавшись достоянием истории. А название «мусульмане» обозначает теперь лишь религиозную принадлежность.

Кемалистская пропаганда, возвеличивавшая слово «тюрк», дала свои плоды: турки стали гордиться своим этнонимом. Этому способствовало и то, что Конституция 1924 г. объявила всех жителей Турции турками (статья 88). Но это законное национальное самолюбие часто перехлестывало разумные пределы, превращаясь в чрезмерно высокую оценку своей нации и, соответственно, умаляло достоинство других наций, то есть, способствовало возникновению турецкого национал-шовинизма и негативного отношения к другим народам, пренебрежения к иностранцам.

Последнее усиливалось религиозным фактором. Многовековое господство в Османской империи исламской идеологии выработало у турок неприязненное отношение к иноверцам, в том числе, к иностранцам. Ислам считает всех немусульман «кяфирами» или, в турецком произношении, *гявурами* («неверными»). Коран призывает вести против них джихад, священную войну: «О Пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним» (9:74); «...схватывайте их и убивайте, где бы ни нашли их» (4:91). «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы (крепче вяжите пленников. – *Д. Е.*) (47:4). «И сражайтесь с ними, пока не будет искушения, и религия вся будет принадлежать Аллаху» (8:40). Мухаммед даже дает военные советы для успеха таких сражений: «И приготовьте для них, сколько можете, силы и отрядов конни-

цы» (8:62). Коран снимает вину за убийство иноверцев: «Не вы их убивали, но Аллах убивал их (8:17). А мусульмане, погибшие в этих боях, объявлены праведными героями, идущими в рай. «И никак не считайте тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел» (3:163). Такое нагнетание вражды к иноверцам привело к тому, что в исламе появилось выражение: *Кяфирлерин каны – хеляль* («Кровь гяуров – хеляль» – то есть, ее дозволено проливать).

Оппоненты могут возразить, что все это относится к средневековым временам, однако и в новое время появились факторы, вызывающие неприязнь к иноверцам и иностранцам, особенно к европейцам: западные державы своей колонизаторской политикой против Османской империи и новой Турции в начале 20-х гг. прошлого века только подогрели враждебное отношение турок (да и мусульман других стран) к новоявленным крестоносцам, врагам и угнетателям восточных народов.

В республиканской Турции эта вражда постепенно сошла на нет, но после начала реисламизации турецкого общества, после прихода к власти в Анкаре исламистов, сугубо консервативные круги снова стали возрождать негативное отношение к иноверцам. Газета «Тюркие», например, опубликовала 8 мая 2005 г. под заголовком «С кем следует дружить» подборку цитат из Корана, смысл которых оправдывает ксенофобию: «Пусть верующие не берут друзьями кяфиров, кто делает это, порывает с Аллахом» (3:28): «Не берите кяфиров друзьями – они друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них (5:51). В подлиннике этого аята, то есть, в самом Коране, сказано конкретнее: «Не берите иудеев и христиан друзьями». Но составитель подборки, видимо, из соображений политкорректности подправил Пророка, заменив слова «иудеев и христиан» общим термином – «кяфиров». Всего в этой сводке процитировано 7 аятов и 5 хадисов, как говорится, в тему.

Однако есть в Турции обычай, который вступает в резкое противоречие со всеми вышеназванными наставлениями и воспоминание о котором надолго сохраняется в благодарном сердце иностранного путешественника или туриста.

Это – турецкое гостеприимство. Даже самый последний бедняк ни за что не отпустит случайного гостя без угощенья, хотя бы самого скромного – чашки кофе или стакана айрана. А если такой гость будет нуждаться в ночлеге, то ему отведут самое уютное место и самое мягкое и теплое ложе.

Обычай гостеприимства сложился исторически и стал прочной традицией. Слабое развитие путей сообщения в прошлом, опасности, всюду подстерегавшие путника (не только возможные нападения разбойников, но даже и неожиданные завалы на горных дорогах), – все это выработало на Востоке особые правила взаимопомощи и гостеприимства. У турок есть знаменательное выражение, касающееся случайного гостя: *Танры мисафири* («Гость – посланец Бога»).

В последние десятилетия обычай гостеприимства возведен в ранг государственной политики. Турция стала одной из главных и любимых стран для интуристов. Иностранный туризм приносит в казну и частный сектор экономики миллионы евро и долларов. Поэтому власти всячески поощряют благожелательное отношение населения к иностранцам; гостеприимство все более теснит былую враждебность, по отголоски ее все еще чувствуются, хотя и тщательно скрываются в глубине души турка. Такое вот получается парадоксальное слияние: турок – гостеприимный националист-ксенофоб.

В семьях у детей воспитывают враждебность к иноверцам. В этом меня убедил характерный случай, просшедший со мной в Измире. Как-то на улице мне встретилась ватага ребятишек лет 6–7. Один из мальчиков подошел ко мне и спросил: «Дядя, а вы кто?» – Гяур, ответил я. Личико мальчика исказила гримаса злобы. Он вцепился ручонками в мою брючину выше колена и стал меня пинать, приговаривая: «Мы гяуров убиваем». Остальные дети одобрительно смотрели на эту сцену. Так продолжалось некоторое вре-

мя. Потом «борец с гяурами» успокоиллся и отпустил мою брючину.

У турок очень сильно развито не только чувство национальной гордости, но и личное самолюбие. Они ревностно относятся к своему персональному достоинству, личной чести. *Намус* (честь, порядочность)... Это слово нередко звучит в спорах, при выяснении отношений. Им клянутся, подтверждают свою правоту. Если осуждают кого-либо за безнравственный поступок, говорят: «У него нет ни чести, ни морали» (*намус ахляк йок*), что равносильно русскому «ни стыда, ни совести».

Турки – южане, и темперамент у них южный, очень импульсивный. Как известно, большинство южан – брюнеты, а окрас волос, глаз, кожи определяет особый пигмент – меланин. Согласно исследованиям биологов, он коррелирует с выработкой адреналина. Вот почему так «горяч» вороной конь и так быстро возбудима черная овчарка и так пассивны животные-альбиносы. Не обошли эти корреляции и людей.

Южный темперамент турка проявляется чаще всего в спорах и в драматических ситуациях – ссорах, драках, переходящих в поножовщину. В эти моменты душа турка не знает удержу... Во избежание возможных провоцирующих случайностей турки предельно вежливы друг с другом: в толпе никто не толкается, не «работает локтями»; водители всегда уступают дорогу пешеходам не только на «зебре», но и на нерегулируемых переходах и перекрестках. Среди народа в ходу почтительные и ласковые обращения даже к случайным, незнакомым людям. Они восходят к деревенской патриархальной культуре – термины родства: *деде*, *баба*, *аби* (сокращенное от «агабей», старший брат), *абла*, *амджа* (дядя), *кардеш* (брат), *бирадер* (братан), *кызым*, *оглум*. Эти обращения напоминают и русский традиционный речевой этикет, в котором до сих пор сохранились почтительные и ласковые звательные выражения – дедушка, бабушка, даже – дедуля, бабуля, отче, дяденька, тетенька, матушка, сестренка, доченька, сынок и т.п.

Темперамент турка отражается и в любви к ярким расцветкам одежды, в пристрастии к претенциозным названиям: хозяева даже заурядных отелей именуют свои заведения не иначе, как палас (дворец) – «Анкарский палас», «Измирский палас», «Атлантический палас». В Анкаре есть даже «Эмперьяль отель» (Имперская гостиница), хотя в ней всего несколько номеров.

В крупных городах много современных многоэтажных супермаркетов, специализированных магазинов. Но большинство торговых точек – мелкие лавочки размером с тесную комнатку. Однако названия почти у всех – громкие, «с претензией»: «Продуктовый базар» (на деле, крохотная бакалейная лавка), «Дворец ковров» (ковровый магазинчик), «Автогалерея» (в которой едва поместились две малолитражки), «Салон кебабов» (маленькая шашлычная), «Салон требухи» (забегаловка, где подают суп из потрохов). Рыночные торговцы расцвечивают свои зазывные крики эффективными иностранными словами: «Карпуз люкус», «Кавун экысытыра!» (арбуз – люкс, дыня – экстра) и вообще, все товары у них – «супер».

Еще одна особенность менталитета турок заключается в том, что большинство их – фаталисты. Эта черта национального характера проистекает из веры в незыблемость предопределения Аллахом судьбы каждого человека: чему быть, того не миновать. Линия жизни человека предначертана свыше, она, по турецкому выражению, «написана на лбу» (*алын язысы*).

Однако во избежание наиболее трагических поворотов судьбы используются разнообразные обереги – амулеты, талисманы. Самым надежным охранителем от всех бед и несчастий является Коран, и эта священная книга обычно имеется в каждом доме. Кроме того, на стенах висят каллиграфически исполненные надписи на арабском языке – цитаты из Корана и фразы из хадисов. Эти своеобразные арабески украшают жилище вместо картин и статуэток.

Покорность судьбе отражена и в сакральной формуле «иншаллах» («если угодно Аллаху»). Это выражение тур-

ки произносят всегда, когда сообщают о своих намерениях и планах. Турецкий писатель Азиз Несин приводит по этому поводу небольшой рассказик: Один крестьянин как-то пошел на базар. Навстречу попался знакомый и спросил: «Куда и зачем идешь?» Тот ответил: «Иду на рынок, куплю то-то и то-то». Знакомый заметил, что так уверенно нельзя говорить, нужно добавлять «если угодно будет Аллаху» (иншаллах). Его собеседник возразил: «Это излишне, вот деньги, вот сумка, иду бодро и весело».

По дороге на базар надо было перейти через речку. Мост был старый с большими дырами. Крестьянин запнулся об одну из них и выронил деньги в воду... Возвращаясь, снова встретил своего знакомого и на его недоуменные вопросы ответил: «Иду, иншаллах, домой, возьму там, иншаллах, деньги и снова, иншаллах, пойду за покупками...»

Очень употребительно и выражение «машаллах» («это угодно Аллаху»). Его произносят в знак одобрения какого-либо действия, поступка, а также как заклинание против «сглаза», пишут в качестве оберега на бортах грузовиков, на стенках автобусов. Есть даже анекдот о том, что один иностранец решил: «Самая распространенная транспортная фирма в Турции это – машаллах»...

Избежать превратности судьбы помогают, по мнению турок, многие обереги. На стенах и дверях домов можно видеть прибитые подковы «на счастье» и черепашьи панцири, символы прочности и долголетия. На детях, домашних животных, на транзисторах в автомашинах и телевизорах в кофейнях висят голубые бусы *бонджук*, предохраняющие, согласно поверью, от «дурного глаза». Уличные торговцы продают амулеты в виде голубого глаза. На Востоке считается, что взгляд очей именно такого цвета может нанести «порчу», «сглазить». Эти обереги зашивают в подкладку одежды или пристегивают к брелоку для ключей. Тогда «дурной глаз» уже не опасен: всю «порчу», исходящую от него, примет на себя его искусственный двойник, как громоотвод – удар молнии.

Наконец, еще одна черта ментальности турок, правда, касающаяся только представителей сильной половины их популяции. Турецкие мужчины запредельно ревнивы. Отслеживают малейшие признаки возможной неверности своих подруг, девушек, жен. В одном *дестане* (народной поэме) есть знаменательное двустишие – ярчайшее проявление такой ревнивой мнительности:

«На твоем лице остался след взгляда.
Кто же это на тебя смотрел, любимая?»

Юзюнде гёз изи вар.
Сана ким бакты, ярим?

А за супружескую неверность, действительную или мнимую, жена, согласно обычному праву (*тёре*), должна, как уже отмечено выше, быть наказана смертью. Такое же возмездие ждет девушку за добрачную сексуальную связь.

Национальной психологии турок присуща агрессивность: захват новых территорий в порядке вещей. Известна турецкая сентенция: если за какую-либо землю есть павшие, то она уже считается родиной. Об этом говорит одно из стихотворений Мехмеда Акифа: «Флаг становится знаменем, если на нем кровь. Если за землю есть павшие, то это уже родной кров». Русский же менталитет против захвата чужих территорий: «Чужой земли мы не хотим не пяди, но и своей вершка не отдадим».

Речевой этикет. Выше уже отмечено, что к незнакомым людям турки обращаются почтительно вежливо (к старшим по возрасту) или покровительственно ласково (к младшим). Еще больше такого типа обращений среди близких, хорошо знакомых друг с другом собеседников: *джаным* (душа моя), *азизим* (дорогой), *кузум* («ягненочек мой»), что примерно соответствует русскому «голубчик», *ики гёзюм* («два глаза моих»), что по смыслу равно русскому «свет очей моих»...

В османское время существовало много обращении, различавшихся в зависимости от того, с лицом какого обще-

ственного или государственного статуса общается собеседник, например, со словом *бей* (господин) обращались к чиновнику средней руки или офицеру, а *паша* прилагалось к имени высшего сановника или генерала. Так, Мустафа Кемаль, будучи полковником, именовался Кемаль-бей, а став генералом – уже как Кемаль-паша.

Наиболее распространенным обращением было слово «эфенди», заимствованное из греческого языка. Оно вначале имело очень высокую степень социальной градации: прилагалось к принцам османской династии – шехзаде Сюлейман-эфенди, шехзаде Решад-эфенди. Это приложение к своим именам имели и духовные лица – муфтии и их глава, шейхульислам. Так, последним из них был Мехмед Джемальеддин-эфенди (1891–1921).

Но постепенно статус этого «приложения» снизился: эфенди стали называть учащихся медресе, а потом вообще всех, кто «знал грамоте». Вместе с тем для поднятия престижа слов *бей* (господин) и *ханым* (госпожа) употреблялись сочетания *бей-эфенди* (достопочтенный сударь и *ханым-эфенди* (достопочтенная сударыня).

Кемалисты решили отменить все эти «архаизмы», мешавшие, по их мнению, социальному единству нации, и законодательно ввели новые обращения: *бай* (господин) и *байян* (госпожа), которые употребляются вместе с фамилией и ставятся перед ней, например: Бай Эрдоган, Байян Чиллер. Прежние же обращения ставились после имени (фамилий у турок до 1934 г. не было): Мехмед-бей, Фатима-ханым, Исмет-бей-эфенди, Айше-ханым- эфенди. В отношении же высших военных чинов вместо титула «паша» ввели принятое в большинстве стран звание «генерал».

Однако в народе старые обращения сохранились. Их живучесть объясняется тем, что они хорошо отражают социальную иерархию, которую кемалисты устранить не смогли, и символизируют общественный статус человека, которому адресованы, его «чин и звание», материальное положение.

Турецкий поэт Орхан Вели Каныk в одном из своих стихотворений выстроил четырех тезок – Ахмедов на ступеньках этой социальной лестницы:

Один из нас – Ахмед-бей, другой – Ахмед-эфенди.
А есть еще Ахмед-ага и Ахмед-бей-эфенди.

Ныне эфенди – это мелкая сошка: писарь, секретарь, клерк, но обычно человек грамотный, получивший хоть небольшое, но все же образование. Бей – уже рангом повыше: инженер, врач, адвокат, офицер, чиновник, небогатый предприниматель, так сказать, представитель среднего класса. Ага – это туз, денежный мешок, деревенский богатей или городской нувориш, набивший мошну, но еще «не причесанный» культурой, грубоватый и часто невежественный. «Ага» имеет еще и патриархальный оттенок: в народе, особенно в деревне, со словом «ага» обращаются не только к богатым, но и к уважаемым односельчанам, старикам... Обращение «бей-эфенди» – для высшего слоя. Так величают крупного землевладельца, преуспевающего фабриканта, компрадора с взысканными манерами, банкира, сановника – министра, посла – или генерала.

Слово «паша» сохранилось в бытовом лексиконе как шутливо фамильярное обращение между друзьями, оно имеет иронично ласковый нюанс – *пашам* («генерал ты мой»), подобно *джаным* («душа моя»). Однако в последнее десятилетие титул «паша» турецкие журналисты стали употреблять в его первоначальном значении. Это связано с возникновением в некоторых кругах общества, особенно тех, что не против реисламизации, чувства ностальгии по «великолепным векам» Османской империи.

Так величают высокопоставленных генералов. Причем ставят это слово не после имени, как практиковалось при султанах, а после фамилии, например, Бюйюканыт-паша (генерал армии Яшар Бюйюканыт), Сайгун-паша (генерал армии Эргин Сайгун).

И слово «эфенди» иногда используют в смысле, близком к первозданному – господин, хозяин, владелец: *Кёйлю, мемлекетин эфендиси* («Крестьянин – господин страны». К. Ататюрк); *фабриканын эфендиси* («хозяин фабрики»); *фирманын эфендиси* («владелец фирмы»), а также в значении «воспитанный, порядочный человек» – *эфенди адам*, «культурная, хорошо образованная девушка» – *эфенди кыз*.

Еще больше значений имеет это слово, обычно с аффиксом принадлежности первого лица -м, при речевом общении. Например, *Эфендим?* – так вежливо переспрашивают, если не поняли собеседника. Или *эфендиме сёйлиейим* («Доложу я Вам»), говорят при доверительном разговоре. А также добавляют это слово, чтобы придать вежливый оттенок заданному вопросу: *Бени арыйорсунуз, эфендим?* («Меня ищете, господин мой?»).

Есть и грубоватые обращения, просторечия: *Улан!* («Эй, ты!»). Это – сокращенное восклицание *Эй, оглан!* («Эй, парень!»). А также *Айол!*, которое больше употребляют женщины, обращаясь к молодым людям, оно происходит от сочетания *Эй, огул!* («Эй, сынок!»).

ГЛАВА 11

ТУРЦИЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ

Центральная Анатолия – обширный сельскохозяйственный регион. Здесь разбросано бесчисленное множество деревень. Их местоположение привязано обычно к источникам воды – небольшим речушкам или колодцам.

Планировка степной деревни – самая разнообразная. Есть скученные поселения, возникшие еще во времена Средневековья, когда все жители скрывались от набегов кочевников или вражеских отрядов за общей стеной, окружавшей деревню. Есть разбросанные, более новые, где каждый крестьянин строил дом поближе к своему земельному участку. Есть поселения, в которых дома расположены концентрическими окружностями, – это жилища арендаторов вокруг дома землевладельца.

Для крупных селений характерна более правильная уличная планировка. В центре – площадь (*мейдан*), где по базарным дням идет торговля, небольшая мечеть с низким минаретом, кофейня, жандармское отделение. Тут же обычно находится гостевой дом (*мисафир эви*) или, на худой конец, отдельная комната для приезжих (*мисафир одасы*).

Неподалеку от центра живут *мухтар* (выборный деревенский староста), имам и школьный учитель. У мухтара довольно много забот: он обязан подавать в город различные статистические сведения, следить за призывом односельчан в армию, проводить подготовку к выборам в мест-

ные органы власти, собирать деньги в общественную кассу деревни, встречать официальных лиц, прибывающих из города по каким-либо делам и т.п. Из деревенских богатеев по обыкновению нет охотников занимать это место: хлопотно! Но, как правило, выбирают такого, который будет во всем послушен их воле. Мухтар должен удовлетворять и еще двум условиям: быть, хотя бы минимально, грамотным (ему приходится иметь дело с документами) и зажиточным (чтобы принять и угостить как подобает «важных птиц», которые могут залететь из города). При старосте есть совещательный орган – собрание старейшин (*ихтий-ярлар хейети*), на котором обсуждаются наиболее важные вопросы жизни села.

Чтобы представить себе быт турецкой деревни, ее обитателей, познакомимся с семьей одного из крестьян среднего достатка, пожилого Мехмеда-аги. Его глинобитный дом скромен, но чист и уютен. Такие дома строят на всем Востоке с незапамятных времен, особенно в тех местах, где нет камня и леса. Основной строительный материал – необожженный кирпич. Он лепится из глины, перемешанной с соломенной сечкой, и высушивается на солнце. Этот кирпич-сырец называют в Средней Азии *саман*, а в Турции – *керпич*. Лишь каркас дома делается из дерева. Планировка жилища предельно проста: прямоугольное строение с плоской крышей.

В доме Мехмеда-аги жилые комнаты соединены узким проходом с кухней и смежным помещением, где расположен хлев. Так, рядом со скотом (пара волов, два десятка овец) живут глава семьи, его жена Айше, два взрослых сына, Сатылмыш и Кязым, и маленькая дочь Фатима. Мебель состоит из низкого столика, нескольких табуреток, сундуков, кошм и циновок. Сидят обычно на расстеленных на полу кошме или циновке, поджав под себя ноги (отсюда русское выражение «сидеть по-турецки). В спальне родителей стоит широкая низкая деревянная кровать (*керевет*). Дети же спят на тюфяках или кошмах.

Вся жизнь семьи проходит в напряженном труде. Айше встает в три часа утра, разжигает огонь в очаге, разогревает на завтрак чорбу – похлебку из пшеничной крупы с сушеным творогом. Мясо в крестьянском котелке даже у зажиточных хозяев – гость довольно редкий. При свете керосиновой лампы (во многих домах нет электричества) Айше собирает еду, которую возьмут с собой в поле мужчины: пресные лепешки, брынзу, вареные яйца, лук, чеснок, йогурт. Потом уходит покормить волов, выпустить в общее деревенское стадо овец.

Проснувшись, мужчины наскоро хлебают чорбу и уходят. Проводить их, распугав кур и вызвав радостный лай собаки, выбегает Фатима. Ведь весь день они будут работать в поле и возвратятся лишь после захода солнца. Волы – их незаменимые помощники: на них пашут, боронят, молотят. Плуг у Мехмеда-аги вполне современный – *пуллук*, купленный в городе, а вот борону он сохранил традиционную – *тырмык*. Это – обычное бревно, утыканное деревянными штырями. При молотьбе семья также использует традиционные молотильные санки-волокуши (*дёген*). В этой операции участвует и Фатима: ее усаживают на волокуши для придания им большей тяжести. У некоторых малоимущих семей сохранился и старинный плуг – *кара сапан*. Он похож на русскую соху: сделан из дерева, только сошник железный. Но в отличие от нее не имеет лемеха – отвального приспособления: при пахоте он не переворачивает почву, а лишь рыхлит ее. Недаром говорят, что таким «плугом» еще Ной царапал склоны Арарата...

Пока мужчины в поле, жена занимается домашним хозяйством: носит воду, лепит из навоза и сушит кизяк, который будет единственным топливом в зимние месяцы, стирает, готовит пищу, а вечером доит овец. В этих делах ей посильно помогает Фатима.

Вернувшись домой, мужчины умываются, перекусывают, а Айше поит и кормит волов. Затем муж и сыновья идут отдохнуть в кофейню. Это – своеобразный деревенский

клуб, место отдыха после трудового дня, место встречи с друзьями. Здесь обмениваются последними новостями: узнают, что повышена арендная плата за землю, что Хасан, живущий в последнем доме на южной околице, ушел в город искать работу, что Арифе, жена Хюсейина, опять родила дочь («Какое несчастье! Аллах не дает им сына...»), что Рюстем, старший сын Абдуллы, вернулся из армии, и теперь старику будет легче управляться с хозяйством...

Летом столы и стулья стоят перед кофейней прямо на улице, зимой – в накуренном помещении. Как и в городе, здесь пьют кофе, чай, играют в нарды, карты, домино и другие игры, курят наргиле, слушают радио или смотрят телевизор, диктуют письма местному грамотею за небольшую плату, заключают торговые сделки, говорят о работе, видах на урожай, о политике...

Если кофейня – мужской клуб, то женский – это *чешме*, общественный источник воды, родник, заботливо обложенный камнями. Здесь женщины всей деревни, придя за водой, общаются друг с другом, узнают деревенские новости, обсуждают последние события.

Многие черты быта крестьян степной деревни характерны и для жителей горных и приморских селений. Лишь некоторые особенности образа жизни там зависят от местных природных условий, от занятий населения: в приморских селах развито рыболовство, в горных занимаются преимущественно скотоводством, вблизи городов больше выращивают овощей и фруктов, идущих на продажу.

А вот внешний облик горных и приморских деревень значительно отличается от степных, что связано с особенностями их планировки, зависящей от рельефа и местного строительного материала.

В горных деревнях дома как бы взбираются ступеньками но склонам. Такие селения похожи на старые аулы кавказских горцев. Жилища сложены из неотесанных каменных глыб, крыши плоские, земляные. В горах встречаются и «двойные деревни»: они носят одинаковые названия,

только с добавлением слов «верхняя» или «нижняя». Эти деревни возникли в ходе постепенного оседания кочевников, превращения их в оседлых земледельцев. Переходя на оседлость, кочевники осваивали под посевы свои бывшие пастбища – зимние в долине, летние на яйлах в горах. Временные стоянки – *кышлак* (зимняя) и *яйлак* (летняя) в конце концов превращались в постоянные селения. Но до сих пор обе деревни связаны прочными родственными узами, составляя одну патронимию. Часто одна и та же семья как бы разорвана надвое: одна часть ее живет в «нижней» (*ашаы*), другая – в «верхней» (*юкары*) деревне.

Дома в деревнях на берегу моря или реки располагаются на одной линии, следуя изгибам кромки суши. При строительстве здесь широко используют тростник: им кроют крыши, из него делают каркас стен, которые обмазывают глиной.

В деревнях поближе к городу преобладают кирпичные дома, особенно у зажиточных крестьян. Крыши у таких домов – черепичные.

Короче, для строительства жилищ используется все, что есть под рукой, – земля, глина, камень, дерево, тростник – или что может приобрести хозяин будущего дома. А если поблизости лежат руины какого-нибудь древнего храма, то на постройку домов идут и мраморные глыбы от капителей и портиков. Поэтому иной раз заметишь вдруг в кладке примитивного домишки обломок полустертого временем барельефа античной богини.

В крупных селах есть ветряные или водяные мельницы, а также зернодробилки, на которых делают булгур. В отдаленных деревнях сохранились примитивные приспособления для производства этой пшеничной крупы – огромные каменные колеса, которые катают по кругу волы. Эти колеса, стоящие вертикально, катятся по окружности внутри площадки, вымощенной брусчаткой и ограниченной каменными бортиками, и дробят насыпанную туда пшеницу.

В домашнем хозяйстве крестьян-бедняков в ходу и ручные зернотерки: два плоских круглых камня-жернова, положенные один на другой. В центре верхнего камня проделано отверстие, в которое насыпают зерно. Этот камень вращают за прикрепленную к нему рукоятку. Зерно перетирается, и мука сыплется на деревянную подставку.

В хозяйстве крестьян-земледельцев немаловажную роль играет и скотоводство. Оно ведется экстенсивно: там, где много лугов, скот пасется почти круглый год на пастбищах, а там, где их мало, пастухи с животными и часть жителей деревин откочевывают летом в горы на яйлы.

Маленькие крестьянские наделы и участки арендаторов с их допотопной техникой резко контрастируют с огромными полями крупных хозяйств капиталистического типа, которые обрабатываются тракторами, навесными плугами, другими современными орудиями, комбайнами. В степях Анатолии есть и государственные поместья или, как их называют в Турции, «комбинаты». Они оснащены современной техникой, ведут хозяйство на высоком уровне агрикультуры, содержат высоко продуктивные животноводческие фермы. Первые такие «комбинаты» были заложены еще Кемалем Ататюрком. Один из них снабжает Анкару высококачественным молоком и молочными продуктами.

С сельским хозяйством неразрывно связана жизнь провинциальных городков и местечек, называемых турками *касаба*. Их жители заняты скупкой, переработкой и продажей продуктов земледелия и скотоводства, а нередко и сами имеют поля, виноградники, огороды, небольшие животноводческие фермы.

Эти городки похожи один на другой. В центре обычно – площадь Республики (*Джумхуриет мейданы*) с памятником Кемалю Ататюрку, с газоном и цветниками. На площади несколько железобетонных зданий, фасады которых покрыты мраморной плиткой. В них расположены муниципальные учреждения, местные отделения партий, филиалы основных банков страны. На площади обычно находится

и средняя школа. Здесь же неизменные кофейни, один-два ресторанчика, в витринах которых выставлены самые разнообразные блюда. Тут же почта, гостиница, главная мечеть. Недалеко от центра располагается базар. Старинные торговые ряды тянутся под общей крышей. Лавочки одновременно и мастерские ремесленников: гончары, медники, шорники, сапожники, портные тут же, у всех на виду, заняты изготовлением своих изделий.

От центра касабы к окраинам идут мощенные булыжником ухабистые улочки. Дома на них – каменные, деревянные, глинобитные, иногда с решетками на окнах, сохранившимися со времен существования гаремов, с закрытыми балконами. Порой вдоль ветхих стен скользнет, словно тень минувшего, женская фигура, закутанная с головы до ног. И вдруг среди всей этой старины перед вами неожиданно возникает куб армированного бетона, ярко раскрашенный, сверкающий стеклами широких окон, – модернистский особняк, прихоть местного нувориша.

В провинциальных городках сохранились редкие уже в современной Турции заведения, называемые *кыраатхане*. *Кыраат* имеет тот же корень, что и Коран и значит «чтение». Прежде здесь давали посетителям почитать Коран. Теперь же к услугам клиентов на столиках разложена газеты и журналы. Кроме разного чтива, здесь, как и в обычной кофейне, можно взять чашку кофе, стакан чая или выпить других напитков, купить нехитрую закуску. Такое вот сочетание «избы-читальни» с «общепитом».

Перед кыраатхане обычно сидят два-три человека за столиками с пишущей машинкой. За небольшой гонорар они не только перепечатают заявление или прошение в суд, муниципалитет, другой какой-либо орган, но и помогут юридическим советом, то есть, выступают и как адвокаты низшего звена, вроде стряпчего в старой России. Их называют *арзухальджи* (от слова *арзухаль* или, точнее, *арз-ы халь* – «изложение обстоятельств»). В крупных городах эти

оформители «челобитных» сменили пишущие машинки на компьютеры.

На окраине городка лежит старинное кладбище, окруженное стеной, за которой рядами стоят прямоугольные или круглые невысокие мраморные и каменные надгробья, и тихо журчит источник – *чешме*. Тишина и покой располагают к отдыху.

За кладбищем выстроились, как на показ, новенькие виллы богатых торговцев и землевладельцев, виллы-игрушки: розовые, голубые, зеленые. Их обладатели живут с комфортом. Если хозяин виллы «европеист», «западник», то он не пренебрегает ни красивой мебелью орехового дерева, ни модными люстрами и торшерами. Но владелец, придерживающийся национальных обычаев, предпочитает более простую меблировку; в спальне – широкий диван (*миндер*) с огромными подушками, в гостиной – невысокий круглый стол, стоящий на толстом ковре и окруженный низкими мягкими стульями, скромные деревянные шкафы и буфеты. Однако и тот, и другой обязательно пользуются достижениями современной технической цивилизации: у них и холодильники, и телевизоры, и компьютеры, и магнитофоны.

Новые дороги, все прочнее связывающие периферию страны с крупными городами, массовая миграция ее жителей в Стамбул, Анкару, Измир, широкое распространение радио, телевидения, компьютеризация – все это размывает устои традиционной патриархальности в провинции. Однако старое держится еще крепко. Владельцы небольших предприятий по переработке сельхозпродукции, хозяева мастерских разного рода, лавочники, небогатые фермеры и прочая мелкая буржуазия касабы – приверженцы исламских и традиционных обычаев. Таким же в массе остается и основное население провинциальных городков – ремесленники, кустари, торговцы в разнос, мелкие чиновники.

ГЛАВА 12

РЕЛИКТ БЫЛОЙ КОЧЕВОЙ ВОЛЬНИЦЫ

На юго-западе и юге Турции все еще живет много кочевников – юрюков, остатков прежних тюркских племен. Сейчас их насчитывается около ста тысяч.

Весной, когда альпийские луга в горах покроются травой и цветами, в долинах, где зимуют юрюки, наступает оживление. Пришла пора перекочевывать на летние пастбища. Родовые старейшины собираются на совещание и назначают день выступления. Эта новость встречается с радостью: всем хочется поскорее подняться в горы, на привольные луга. Повсюду раздаются возгласы: *Гёч вар!* – «кочевка настала!».

Целую неделю идет деятельная подготовка: юноши перековывают лошадей старейшин, чистят оружие, чинят шесты для шатров; девушки выбивают пыль из ковров, кошм, паласов, приводят в порядок платья; женщины заготовляют провизию, разбирают ткацкие станки, накрывают верблюдов попонами; чабаны привязывают овцам и козам колокольчики. За всем наблюдает и всем распоряжается ага – глава рода.

Потом начинается вьючение верблюдов и ослов. За укладкой провизии и утвари в *чувалы* (шерстяные мешки) следят старые женщины: нужно, чтобы все было уложено по традициям, выработанным в течение столетий кочевой жизни. Только в этом случае ничего не потеряется, не разобьется во время долгого пути на летовки.

Наконец, все девушки наряжаются в праздничные платья, надевают на головы нарядные платки с серебряными подвесками, позолоченными цепочками и монистами. Наступает торжественный момент – все ждут, кого из девушек выберет ага главой каравана (*катар баши*). На эту роль избирают самую красивую и нарядную, для девушки это большая честь. Согласно обычаю, в этот год она должна обручиться. Отныне все парни стремятся завоевать ее любовь. Верблюдица, верхом на которой поедет впереди каравана эта своеобразная королева красоты, украшается паласами с бубенцами.

Ага с небольшой группой выезжает вперед, чтобы найти место для ближайшей стоянки. Караван выступает с пением *мани* (частушек). Поют, как бы перекликаясь друг с другом, поочередно юноши, девушки, мужчины, женщины. Вместе с караваном двигается и стадо. С разноголосым блеянием стремительно идут черные длинношерстные козы, торопливо семенят курдючные овцы. Скот, отощавший на зимовке, рвется вперед, словно понимая, что в горах его ждет обильный зеленый корм. У юрюков даже есть на этот счет поговорка: «Как наступит весна, не юрюк ведет стадо на яйлу, а оно его».

Скот – главное достояние всех кочевников. Он дает им все необходимое для жизни: пищу (молоко и мясо), материал для одежды, обуви и жилищ (шерсть и кожу). Ткачество, особенно выделка ковров и паласов, служит подспорьем кочевого скотоводческого хозяйства. На летовках в горах кочевники сеют немного пшеницы, охотятся на диких зверей и птиц. Однако основа их хозяйства – скотоводство, а главные средства производства – скот и пастбища.

Скот находится в частной собственности отдельных семей, и богатство кочевника измеряется количеством животных, ему принадлежащих. Пастбища считаются общим владением всего рода, но используются наиболее полно, естественно, теми, у кого больше скота. Поэтому социальное неравенство среди юрюков выражается прежде всего

разницей в поголовье овец и коз. Лошади и верблюды имеются обычно только у старейшин и зажиточных хозяев. Зато у всех есть один-два, а то и несколько осликов.

У богатых семейств скот пасут наемные пастухи. Ежегодно владелец стада и такой чабан заключают контракт, по которому тот обязуется доставить владельцу определенное количество молочных продуктов после окончания летней пастьбы. А то, что сверх этого, идет на оплату труда чабана. Такова своеобразная форма издольщины в юрюкском скотоводстве.

С приходом на яйлу женщины ставят шатры. Из видов кочевого жилища у юрюков больше всего распространен *кара чадыр* (черный шатер), покрытие которого ткется из козьей шерсти, двускатный и прямоугольный в плане. Он ставится на шестах и шерстяными веревками крепится к колышкам, вбитым в землю. Большие шатры делятся занавесом на две половины – гостиную и спальню. Перед входом в шатер ставят нечто вроде ширмы из тростника. За ней готовят пищу. Изредка встречается и другой вид кочевого жилища – *алачик*, шалаш из ветвей, крытый войлоком.

Домашнего скарба и кухонной утвари у кочевников немного. Мебели, если не считать низкий столик для еды, нет, ее заменяют тюфяки, подушки, ковры, кошмы. Пища преобладает молочная и растительная. Большую роль в питании играет булгур, пшеничная крупа. Из нее варят кашу и похлебку с сушеным творогом. Брынза и йогурт дополняют такую трапезу. Кочевники побогаче едят рисовый плов с бараниной, покупая рис на базаре, где сами продают творог, сыр, шерсть. Мясо для основной массы юрюков – редкая пища. Мясные блюда готовят обычно по праздникам или в случае увечья животного, которого приходится прирезать. Любимые напитки – айран и чай, заваренный на ароматных горных травах.

Традиционная одежда кочевников все больше заменяется обычными рубашками, пиджаками и брюками. У мужчин из прежней одежды сохранились войлочные бурки.

Они хорошо предохраняют от холода и сырости. Их носят в ненастную погоду пастухи. Распространены широкие шерстяные кушаки, которыми несколько раз обертывают талию, и толстые длинные, до колен, шерстяные носки, их носят без обуви. Обувью же служат *чарыки*, постолы, сшитые из одного куска кожи. К их подошве иногда подшивают резину от старых автопокрышек.

Традиционный женский наряд сохранился лучше. Это длинное черное платье с красным передником. Поверх платья надевают халат с длинными рукавами, отороченный шнурком, с разрезами внизу по бокам и на рукавах. Голову покрывают платками различных расцветок и цветов.

У кочевников сохранились так называемые большие семьи. В такую семью входят отец (глава семьи), мать, сыновья со своими женами и детьми, холостые и малолетние сыновья, незамужние дочери, другие холостые родственники, иногда престарелые родители отца. Богатый глава семьи может иметь несколько жен, но это бывает редко.

Глава семьи ведет хозяйство и распределяет труд. Многие работы выполняют женщины: заготавливают молочные продукты – йогурт, брынзу, сушеный творог, сбивают масло. На них лежат все работы по домашнему хозяйству. Они доят скот, приготовляют кизяк, носят воду, пекут хлеб, варят пищу. Пожилые женщины прядут шерсть, а молодые ткут ее на станках. Мужчины пасут скот, возят на базар для продажи продукты животноводства, организуют перекочевки.

У кочевников Турции, как и у других кочевых народов Востока, нет мусульманского затворничества женщин: юрючки не закрывают лица, как это делают многие турчанки в деревнях и даже в городах, не прячутся от посторонних мужчин, свободно принимают гостя. Хозяйка шатра даже берет его под свою опеку и защиту, если тому грозит опасность. Наравне с мужчинами женщина-кочевница хорошо ездит верхом, владеет оружием, она пользуется уважением мужчин, которые часто советуются с ней перед началом какого-либо дела, перед поездкой на базар.

Родо-племенное деление кочевников имеет такую схему: семьи образуют род, а рода – племя. Однако ныне племена юрюков уже совершенно раздроблены, родо-племенная структура отживает свои дни. Реальным объединением осталась по существу только группа из 15–20 шатров, кочующая и селящаяся вместе. Она называется *оба*. Ее возглавляет старейшина, обычно богатый кочевник, по имени которого именуют и всю группу: например, *Ахмед обасы* («оба Ахмеда»). Иногда перекочевывают даже отдельными семьями.

Осенью юрюки возвращаются на зимовки. Осенняя перекочевка в отличие от весенней лишена праздничной обрядности. Это объясняется не только тем, что скот кочевников ждут более скудные зимние корма, но и тем, что на зимовках они больше подвергаются притеснениям со стороны властей, смотрящих на них как на недисциплинированную вольницу.

Чисто кочевых юрюков становится все меньше и меньше: идет процесс их перехода на оседлость. Однако полное оседание сильно тормозится, и проходит оно через этапы полукочевого-полуоседлого образа жизни. Это вызвано общим состоянием аграрного вопроса в Турции, прежде всего нехваткой свободной земли, пригодной для обработки. В то же время часть юрюков и не стремится менять свой привычный жизненный уклад, предпочитая кочевую свободу прочной привязанности к земле.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. 3–4.

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941.

Гордлевский В. А. Избранные сочинения. М., 1960–1962. Т. 1–3.

Гордлевский В. А. Османская свадьба // Этнографическое обозрение. 1914. Кн. 103–104. № 3–4.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. 2-е изд.: М., 2009.

Еремеев Д. Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990.

Еремеев Д. Е. На стыке Азин и Европы. Очерки о Турции и турках. М., 1980.

Еремеев Д. Е. Страна за Черным морем. М., 1968.

Еремеев Д. Е. Турция на рубеже XX и XXI веков (1991–2007). М., 2007.

Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.

Коран / Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963. 2-е изд.: 1986; 3 изд.: 1990.

Курылев В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М., 1976.

Серебрякова М. Н. Семья и семейные обряды в турецкой деревне (новейшее время). М. 1979.

Тенишева А. Э. Турки // Календарные обычаи и обряды народов Передней Азии. М., 1998.

Чебоксаров Н. Н. Антропологические типы населения Передней Азии // Народы Передней Азии. М., 1957.

Akseki A. H. İslam dini. İtikat, ibadet ve ahlak. Ankara, 1958.

Çay M. A. Hıdrellez. Kültür bahar bayramı. Ankara,1990.

Çay M. A. Türk Ergenekon bayramı: Nevruz. Ankara, 1988.

Güngör K. Cenubi Anadolu Yürüklerinin etno-antropolojik tetkiki. Ankara, 1941.

Erginer G. Uşak halk takvimi. Halk meteorolojisi. Ankara, 1984.

Ersirgil M. E. Türkçülük devri, milliyetçilik devri, insanlık devri. Ankara, 1958.

Halaçoğlu Y. Osmanli kimliği ve asiretler. İstanbul,, 2012.

Nesin Aziz. Böyle gelmiş, böyle gitmez. İstanbul, 1966.

Ocak A. Y. İslam-Türk İnançlarında Hızır yahut Hızır İlyas Kültü. Ankara, 1990.

Cuisenier J. Economie et parenté. Leurs affinités de structure dans le domaine turc et dans le domaine arabe. Paris, 1975.

Hotham D. The Turcs. London, 1972.

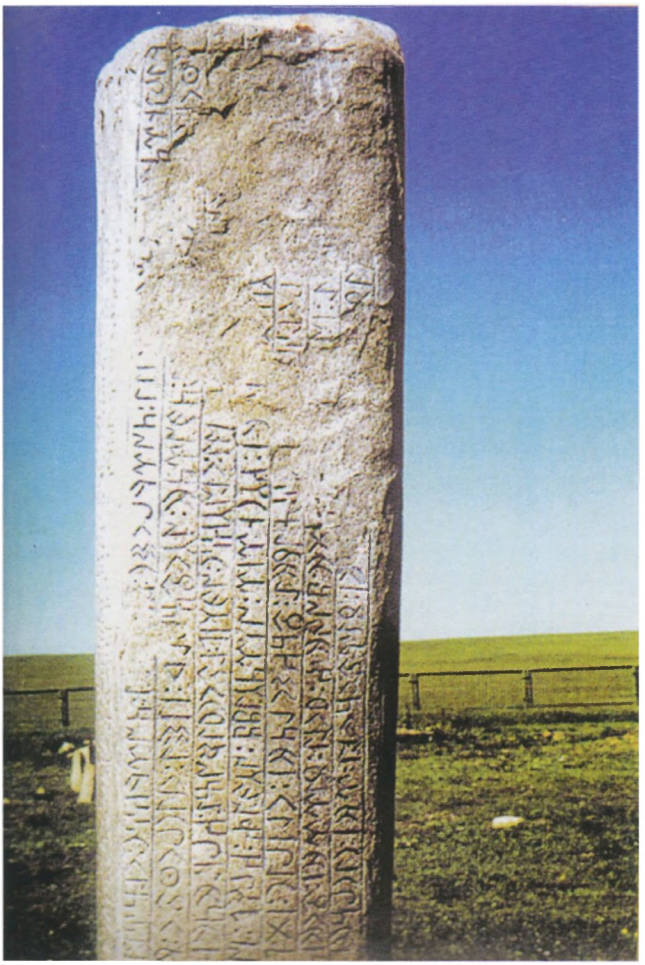
Magnarella P. J. Tradition and Change in a Turkish Town. New York, 1974.

Matsubara M. Turkish Kinship Tterminology: its Historical Changes and Dialectal Distribution. Miscellanes I // Senri ethnological studies. Osaka, 1978. Vol. 2.

Plangol X. de. De la plaine Pamphilienne aux lacs Pisidiens; nomadisme et vie paysanne. Paris, 1958.

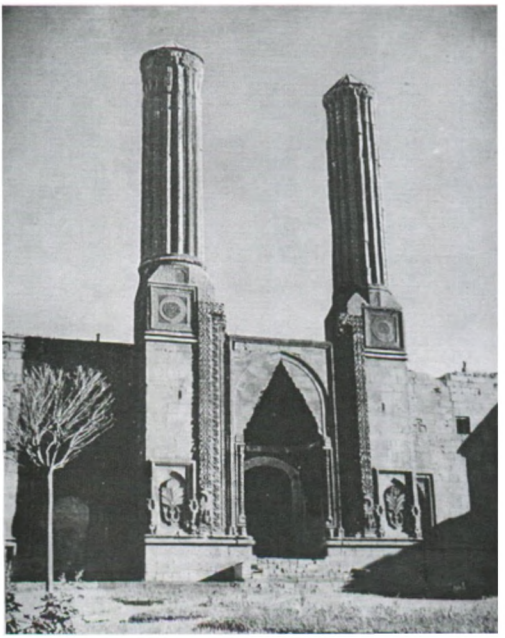
Stirling P. Turkish village. London, 1965.

Кюль-тегин (685–731 гг.). *Голова погребальной статуи.*



Одна из орхонских тюркских рунических надписей. *VIII в.*

Сулейман I Кануни, султан в 1520–1566 гг.,
при котором Османская империя достигла наибольшего
могущества. *Картина Ганса Эворта, 1549 г.*



Двойной сельджукский минарет. *XII в.*

Мулла во время богослужения.
Средневековая миниатюра.

Курильщик кальяна в кофейне.

Деревня производителей ковров.

Старики на завалинке.

Мясной ряд на турецком базаре. *Средневековая миниатюра.*

Корзины и плетеная мебель на турецком базаре.
Автор среди торговцев.

Деревенские женщины за изготовлением лепешек и в поле.

Борцы.

Музыкант.

Богатый турок у домашнего фонтана.

Цирковые развлечения на базарной площади.

Османская обсерватория. *Средневековая миниатюра.*

Западная Европа, Северная Африка и восточная оконечность Южной Америки на карте Пири-реиса. *Стамбул, 1513 г.*

Шлем-шишак князя Ф. И. Мстиславского. *Турция, XVI в.*

Сабля и ножны «большого наряда» царя Алексея Михайловича. *Стамбул, ок. 1656 г.*

Прием в султанском дворце. *Рисунок XVIII в.*

Здание русского посольства в Константинополе. *Гравюра XIX в.*

Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938),
основатель современной турецкой государственности.

Храм Святой Софии, символ традиций и перемен.
Рисунок 1910-х гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1
Происхождение и этнический облик 3

ГЛАВА 2
Анатолия: географическая среда
и дотюркское население 24

ГЛАВА 3
От тюрков к туркам 35

ГЛАВА 4
Мусульманский образ жизни 65

ГЛАВА 5
Женщины и мусульманские традиции 104

ГЛАВА 6
Живучесть исламских
и патриархальных традиций 119

ГЛАВА 7
Алевиты, их верования и обычаи 137

ГЛАВА 8
Материальная и духовная культура турок 150

ГЛАВА 9
Праздники и памятные даты 166

ГЛАВА 10
Национальная психология турок 177

ГЛАВА 11
Турция деревенская и провинциальная 190

ГЛАВА 12
Реликт былой кочевой вольницы 198

Литература 203

Дмитрий Евгеньевич Еремеев

ТУРКИ
историко-этнографический очерк

Второе издание, исправленное

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *Н. А. Стариков*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *Н. А. Стариков*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 14.

Издательство «Квадрига»
kvadriga-izdat.ru

ISBN 978-5-91791-259-2

В книге изложены происхождение и этническая история турок, основные черты их традиционной материальной (жилище, одежда, пища) и духовной культуры (обычаи, праздники, национальная психология). Книга рассчитана на широкий круг читателей, а также может служить учебным пособием для студентов-тюркологов.

ISBN 978-5-91791-259-2

Д. Е. Еремеев ТУРКИ. Историко-этнографический очерк